

25283
72

801-84

801-18

17534-0

1908

И. ТРУФАНОВЪ.

Тайны дома Романовыхъ.

Москва—1917 г.

№ 1794 ФОНДЪ

ТАЙНЫ ДОМА

РОМАНОВЫХЪ

Типо-литтография
И. А. ПЕЧАТНИКЪ
1917 г.

Москва, Хатидовская ул. д. 58
Шелерова м. 21-22. 42-86.

1794-фонд

2007060472

...которому ит...
...Петръ, свершивъ ужасную...
...Тайны дома Романовыхъ.
ВСТУПЛЕНИЕ.

Тайны дома Романовыхъ... Много этих тайнъ.
На протяжении трехъ столѣтій онѣ давили своей тя-
жестью всю Россію, губя лучшія стремленія народа,
парализуя его дѣятельность и отдавая его, темный,
немошный, въ кабалу иностранцамъ.
Теперь еще не настало время подвести всё ито-
ги преступной дѣятельности дома Романовыхъ—Гот-
торновъ-Гольштинскихъ. Многія тайны еще будутъ
раскрыты (впоследствии, онѣ ждутъ своего изслѣдо-
вателя, но и то, что уже сдѣлалось извѣстнымъ намъ,
заставляетъ возмущаться нашу совѣсть и неустанно
звать насъ вырвать съ корнемъ изъ нашей жизни
этотъ ядовитый иноземный цвѣтокъ, засорявшій нашу
народную ниву и убившій молодые побѣги.

Въ своемъ повѣствованіи о тайнахъ дома Ро-
мановыхъ мы далеки отъ желанія сгустить краски и
представить дѣятельность гг. Романовыхъ-Готторновъ-
Гольштинскихъ въ болѣе мрачныхъ тонахъ, чѣмъ это
было въ дѣйствительности.
Въ основу нашего повѣствованія легли вполне
проверенные факты, не оставляющіе никакого сомнѣ-
нія въ своей правдивости.
Конечно, мы будемъ говорить только о современ-
никахъ, оставляя въ покоѣ „благочестивыхъ предковъ“,
о которыхъ пришлось бы повѣствовать слишкомъ
долго.
Достаточно привести слова Толстого о царяхъ
россійскихъ, чтобы имѣть представленіе о „пользѣ“,
принесенной ими родинѣ.
„Въ Россіи, — говоритъ онъ, — властвовали, изби-
вая и мучая людей, то душевно-больной Іоаннъ IV,
то звѣрски жестокой, пьяный Петръ, ругавшійся съ
своей пьяной компаніей надъ всѣмъ, что свято лю-
дямъ, то ходившая по рукамъ безграмотная, распут-
ная солдатка Екатерина I, то нѣмецъ Биронъ, только

потому, что онъ былъ любовникомъ Анны Иоанновны, племянницы Петра, совершенно чуждой Россіи и ничтожной женщины, то другая Анна, любовница другого нѣмца, только потому, что нѣкоторымъ людямъ выгодно было признать императоромъ ея сына, младенца Иоанна, того самага, котораго потомъ держали въ тюрьмѣ и убили по распоряженію Екатерины II.

Потомъ захватываетъ машину незамужняя, развратная дочь Петра, Елизавета и посылаетъ армию воевать противъ пруссаковъ; умерла она—и выписанный ею нѣмецъ, племянникъ, посаженный на ея мѣсто, велитъ войскамъ воевать за пруссаковъ.

Нѣмца этого, своего мужа, убиваетъ совершенно чужая нѣмка Екатерина II и начинаетъ со своими любовниками управлять Россіей, раздариваетъ имъ десятки тысячъ русскихъ крестьянъ и устраиваетъ для нихъ то греческій, то индійскій проекты, ради которыхъ гибнутъ жизни миллионъ.

Умираетъ она—и полоумный Павелъ распоряжается, какъ можетъ распоряжаться сумасшедшій, судьбами Россіи и русскихъ людей. Его убиваютъ съ согласія его родного сына.

И этотъ отцеубійца царствуетъ 25 лѣтъ, то дружа съ Наполеономъ, то воюя противъ него, то придумывая конституціи для Россіи, то отдавая презираемый имъ русскій народъ во власть ужаснаго Аракчеева.

Потомъ царствуетъ и распоряжается судьбами Россіи грубый, необразованный, жестокой солдатъ Николай; потомъ—неумный, недобрый, то либеральный, то деспотическій Александръ II; потомъ—совсѣмъ глупый, грубый и невѣжественный Александръ III¹.

И о послѣднемъ царѣ Николаѣ II, Толстой во многихъ своихъ произведеніяхъ отзывается какъ о „малоумномъ“, „грубо-суевѣрномъ“ и „непросвѣщенномъ человѣкѣ“.

Завѣса пала. Тайное стало явнымъ. И каждый русскій гражданинъ долженъ знать, кѣмъ были тѣ, кого миллионы русскихъ людей поминали въ молитвахъ, какъ „благовѣрнѣйшихъ“ и „благочестивѣйшихъ“.

I. Происхожденіе Николая Романова.

„Благочестивѣйшій“ родъ Романовыхъ никогда не отличался особымъ благочестіемъ и святость семейнаго очага не всегда имъ соблюдалась.

И на вопросъ: является ли Николай II потомкомъ Михаила Федоровича Романова?—можно отвѣтить только отрицательно.

Послѣднимъ царемъ, въ жилахъ котораго еще текла (хоть и разбавленная изрядно) кровь Романовыхъ, потомковъ царя Михаила Федоровича, былъ не отрѣкшійся нынѣ Николай II, а Петръ III, убитый еще 5 іюля 1762 года. Только Павелъ I, тотъ, кого принято называть сыномъ Петра III, былъ коронованнымъ родоначальникомъ нынѣ свергнутой династіи. Но Павелъ не былъ ни родственникомъ, ни даже собственникомъ Романовыхъ,—въ томъ числѣ своего „отца“.

Какъ и почему это произошло, мы увидимъ; припомнимъ обстоятельства его рожденія.

Когда императрица Елисавета Петровна, дочь Петра I, рѣшила повѣнчать своего племянника и наслѣдника престола, Петра Федоровича, впоследствии Петра III, съ принцессой Софіей-Фредерикой-Августой Ангальтъ-Цербстской (впоследствии Екатериной II),—ей, Елисаветѣ Петровнѣ, пришлось столкнуться съ однимъ весьма деликатнымъ и затруднительнымъ обстоятельствомъ. Дѣло въ томъ, что врачи, принимая во вниманіе нѣкоторые физическіе недостатки великаго князя, совѣтовали императрицѣ свадьбу эту отсрочить¹). Елисавета, однако же, не послѣдовала этимъ совѣтамъ, и въ 1745 г. свадьба была отпразднована. Межъ тѣмъ, по свидѣтельству самой Екатерины, врачи оказались правы.

Когда на слѣдующій день послѣ свадьбы, уступая галантнымъ правамъ XVIII вѣка, нѣкая г-жа Крузе, пожелела „разспросить новобрачныхъ“, надежды ея оказались тщетными, и въ такомъ положеніи дѣло оставалось въ теченіе девяти лѣтъ безъ малѣйшаго измѣненія²).

¹) Записки Штелина объ императорѣ Петрѣ III. „Чтенія Моск. Общ. Ист. и Древн.“, 1866.

²) „Записки“ Екатерины II.

И вотъ, время шло, а бездѣтность этого брака сердила и волновала императрицу Елисавету. Недовольная и огорченная всѣмъ поведеніемъ своего племянника, выказывавшаго явные признаки, если не сумасшествія, то, во всякомъ случаѣ, крайняго сумасбродства, императрица вполне разумно мечтала о передачѣ престола не непосредственно Петру Федоровичу, а его будущему сыну, который былъ бы единственнымъ послѣ своего отца человѣкомъ „романовскаго“ происхожденія. Неограниченная власть и отсутствіе точнаго закона о престолонаслѣдїи давали Елисаветѣ возможность современемъ отстранить неоправдавшаго ея надежды племянника и завѣщать престолъ его сыну.

Но сына не было. Не было и надежды на его появленіе.

Между тѣмъ, для попечительскаго надзора за великокняжеской четой была къ ней приставлена другая чета, нѣкихъ Чоглоковыхъ. Ни одинъ шагъ великаго князя и великой княгини не могъ укрыться отъ этихъ „аргусовъ“, какъ ихъ называла Екатерина. Особенно старалась г-жа Чоглокова, женщина гораздо болѣе умная и проницательная, чѣмъ ея мужъ.

Въ 1752 году императрица Елисавета начала уже терять терпѣніе, ожидая, когда же, наконецъ, Екатерина Алексѣевна подаритъ государству наслѣдника. Женщина, лишенная „предразсудковъ“, она стала упрекать за нерадивость г-жу Чоглокову, но та отвѣчала вполне резонно, „что дѣти не могутъ явиться безъ причины, и что хотя ихъ императорскія высочества живутъ въ бракѣ съ 1745 г., а между тѣмъ причины не было“.

Елисавета, должно-быть, не удовлетворилась такимъ отвѣтомъ. Что было говорено между нею и Чоглоковой—неизвѣстно, но фактъ тотъ, что съ этого времени Чоглокова стала заботиться о продленіи царскаго рода весьма дѣятельно. Сначала видимо, рѣшено было итти законнымъ и „естественнымъ“ путемъ, какъ ни чудовищенъ онъ для нашего современнаго взгляда.

Предприняли вотъ что. Съ помощію Брессана, камеръ-лакея при Петрѣ Федоровичѣ, Чоглокова на-

шла въ Ораніенбаумъ г-жу Гротъ, хорошенькую вдову, согласившуюся „испытать“ великаго князя. Неизвѣстно, чѣмъ кончилось это мерзкое испытаніе, но надо полагать, что на сей разъ Петръ его не выдержалъ, ибо вскорѣ послѣдовали событія, о которыхъ опять-таки сама Екатерина впоследствии рассказывала слѣдующее:

„Чоглокова, вѣчно занятая своими излюбленными заботами о престолонаслѣдїи, однажды отвела меня въ сторону и сказала: „Послушайте, я должна поговорить съ вами очень серьезно“. Я, понятно, вся обратилась въ слухъ; она съ обычной своей манерой начала длиннымъ разглагольствованіемъ о привязанности своей къ мужу, о своемъ благоразумїи, о томъ, что нужно и чего не нужно для взаимной любви и для облегченія или отягощенія узъ супруга или супруги, а затѣмъ свернула на заявленіе, что бываютъ иногда положенія высшаго порядка, которые вынуждаютъ дѣлать исключенія изъ правилъ. Я дала ей высказать все, что она хотѣла, не прерывая, вовсе не вѣдая, куда она клонитъ, нѣсколько изумленная, и не зная, была ли это ловушка, которую она мнѣ ставитъ, или она говоритъ искренно. Пока я внутренно такъ размышляла, она мнѣ сказала: „Вы увидите, какъ я люблю свое отечество и насколько искренна; я не сомнѣваюсь, чтобы вы кому-нибудь не отдавали предпочтенія: предоставляю вамъ выборъ между Сергѣемъ Салтыковымъ и Львомъ Нарышкинымъ. Если не ошибаюсь, послѣдній?“ На это я воскликнула: „Нѣтъ, нѣтъ, отнодь нѣтъ“. Тогда она мнѣ сказала: „Ну, если не онъ, такъ навѣрное другой“. На это я не возразила ни слова, и она продолжала: „Вы увидите, что помѣхой я вамъ не буду“.

Врядъ ли заботливая Чоглокова дѣйствовала за свой страхъ. Съ болѣею вѣроятностью можно предположить, что между ней и императрицей состоялось очередное совѣщаніе, на которомъ рѣшено было, что разъ „законные“ пути ни къ чему не ведутъ, то надо итти менѣе законными, благо „положенія высшаго порядка“, о которыхъ Чоглокова говорила Екаторинѣ, на-лицо: наслѣдникъ нуженъ во что бы то ни стало. Вѣроятно, повторяемъ, на предшествовавшемъ этому

разговору совѣщаніи рѣшено было не замѣчать любовнаго увлеченія молодой великой княгини и объ этомъ рѣшеніи довести до ея свѣдѣнія.

Такимъ образомъ, у Екатерины были развязаны руки. Теперь она уже почти безъ всякаго риска могла отдаться чувству, постепенно ею завладѣвшему. Этимъ чувствомъ была любовь къ молодому, изящному и рѣшительному придворному Сергѣю Салтыкову.

Ободренная намеками Чоглоковой, а можетъ-быть, и самой императрицы (а слѣдовательно, имѣя возможность не считаться съ Петромъ Федоровичемъ), Екатерина перестала противиться домогательствамъ Салтыкова. Осенью 1753 года ихъ романъ перешелъ въ интимную связь, а черезъ годъ послѣ того, 20 сентября 1754 г., Екатерина родила ребенка, нареченнаго Павломъ. Это и былъ будущій императоръ.

Ничто не скрывается отъ придворныхъ. Связь великой княгини была всѣмъ извѣстна. Вымышленныя и дѣйствительныя подробности романа переходили изъ устъ въ уста. Когда же выяснилось, что Екатерина, наконецъ, беременна, явилась необходимость если не положить предѣлъ слухамъ (что было уже невозможно), то, по крайней мѣрѣ, заставить въ нихъ сомнѣваться. Это было одинаково и въ интересахъ счастливыхъ любовниковъ, и въ интересахъ государственныхъ, поскольку дѣло шло о престолонаслѣдіи, о которомъ такъ заботилась императрица. Надо было, выражаясь тривиально, замазать рты болтунамъ и однимъ слухамъ противопоставить другіе, на основаніи которыхъ можно бы было, несмотря ни на что, отцомъ будущаго ребенка если не считать, то хотя бы называть великаго князя.

Салтыковъ понималъ прекрасно весь духъ реальной политики русскаго двора XVIII столѣтія. Какимъ-то образомъ онъ сумѣлъ втереться въ дружбу съ Петромъ Федоровичемъ. Потомъ, пока было еще не поздно, пригласилъ къ великому князю врачей, которымъ предстояла задача излечить великаго князя и сдѣлать его мужемъ Екатерины не номинально только.

Несомнѣнно, что впоследствии Петръ Федоровичъ дѣйствительно излечился. Но въ описываемое время

старанія Салтыкова, очевидно, не увѣнчались успѣхомъ, такъ какъ даже три года спустя, во время новой беременности Екатерины, Петръ Федоровичъ говорилъ: „Богъ знаетъ, откуда берется беременность у моей жены“.

Но такъ ли, иначе, а хлопоты Салтыкова породили новые слухи, на основаніи которыхъ,—благо, все-таки достовѣрно въ тѣ дни ничто не было извѣстно,—можно было говорить о законности рожденія Павла. Такимъ образомъ, главная цѣль была достигнута: окончательное рѣшеніе вопроса стало для современниковъ невозможнымъ и имъ оставалось безъ критики принять официальную версію о происхожденіи Павла отъ Петра Федоровича.

Сама Екатерина въ „Запискахъ“ своихъ нигдѣ прямо не говоритъ, что Салтыковъ былъ отцомъ Павла Петровича. Но, судя по тому, какъ много мѣста отводитъ она разсужденіямъ о крайней холодности Петра Федоровича, можно заключить, что, приведя разговоръ съ Чоглоковой, подставить имя настоящаго отца она предоставляетъ читателю.

Въ тѣхъ же „Запискахъ“ Екатерины есть еще одно мѣсто, которое довольно ясно указываетъ на то, что Салтыковъ со своей стороны не только считалъ себя отцомъ ребенка, но и позволялъ себѣ впоследствии намекать на это при иностранныхъ дворахъ. Дѣло въ томъ, что послѣ рожденія Павла нашли нужнымъ удалить Салтыкова изъ Петербурга. Понятія о приличіи, господствовавшія въ XVIII вѣкѣ, позволили возложить на того же Салтыкова не совсемъ подходящую, казалось бы, миссію: онъ былъ отправленъ въ Швецію и Саксонію съ извѣстіемъ о рожденіи Павла. Объ этомъ посольствѣ Екатерина пишетъ: „Я узнала, что поведеніе Сергѣя Салтыкова было очень нескромно и въ Швеціи, и въ Дрезденѣ; и въ той, и въ другой странѣ онъ, *кромя того*, ухаживалъ за всѣми женщинами, которыхъ встрѣчалъ“.

Изъ этихъ словъ очевидно, что нескромность Салтыкова заключалась не только въ ухаживаніи за женщинами, но и въ чемъ-то другомъ, и, видимо, рѣчь идетъ о нескромности его разговоровъ. А весь контекстъ фразы позволяетъ съ огромнымъ вѣроятіемъ

предполагать, что Салтыковъ позволялъ себѣ откровенничать о происхожденіи Павла. Въмѣстѣ съ тѣмъ, никакъ нельзя допустить, чтобы эти откровенности Салтыкова были навѣтомъ на Екатерину, т. е. ложью. Если бы онъ лгалъ, называя себя отцомъ ея ребенка, то, конечно, Екатерина назвала бы такія слова клеветой, ложью, а не „нескромностью“.

Всѣ эти доводы, исторически обоснованные, позволяютъ съ большою увѣренностью утверждать, что династія Романовыхъ пресѣклась со смертью Петра III. Низвергнутая же нынѣ волею свободного русскаго народа съ престола династія является *династіей Салтыковыхъ*.

Заработки Романовыхъ

Какъ велико личное богатство бывшаго государя Николая II?

На этотъ вопросъ трудно отвѣтить съ полной точностью, потому что колоссальный денежный капиталъ семейства Романовыхъ хранится въ Англійскомъ банкѣ, и истинные размѣры этого капитала всегда хранились въ строжайшей тайнѣ отъ народа.

Но не подлежитъ сомнѣнію, что Н. А. Романовъ былъ однимъ изъ богатѣйшихъ людей въ Европѣ.

Деньги, земли, лѣса, фабрики, заводы, рудники — все это накопилось въ царскомъ родѣ постепенно и къ моменту отреченія отъ престола Николая достигло совершенно фантастическихъ цифръ.

Достаточно сказать, что земли у помѣщика Романа было 42 милліона 500 тысячъ десятинъ (кабинетскія земли, Алтайскій и Нерчинскій округа).

Но, кромѣ кабинетскихъ, были еще и удѣльные земли — 8 милліонновъ десятинъ.

Конечно, царскія земли были лучшими во всей странѣ. Лучшій черноземъ, лучшіе лѣса, лучшіе дуга и уголья.

На этихъ земляхъ хозяйство велось не вездѣ: часть обрабатывалась, часть пустовала, часть сдавалась въ аренду крестьянамъ.

Съ крестьянъ-арендаторовъ бывшій царь получалъ 12 милліонновъ рублей въ годъ.

Кромѣ помѣщичьяго хозяйства, Романовы занимались и промыслами.

У нихъ было болѣе 100 фабрикъ и заводовъ (фарфоровая, бумажная, гранитная, стеклянный заводъ), и на ихъ земляхъ работало 1,500 мельницъ, составляющихъ также личную собственность низложеннаго царя и царскаго дома.

Что касается рудниковъ и вообще горнаго промысла, то богатѣйшія нѣдра романовскихъ помѣстій разрабатывались слабѣ, чѣмъ можно было ожидать отъ такихъ рачительныхъ хозяевъ.

Если не ошибаемся, нѣдра служили предметомъ эксплуатаціи только въ 100 мѣстахъ.

Но зато какъ винодѣлы Романовы пользовались извѣстностью во всей странѣ (удѣльные вина).

Отъ продажи этихъ винъ семейство зарабатывало свыше 20-ти милліонновъ рублей въ годъ.

При такихъ капиталахъ и помѣстьяхъ бывшій государь и его семейство могли бы жить безбѣдно. Ихъ имущества хватило бы на содержаніе самаго пышнаго азіатскаго двора.

Но, къ сожалѣнію, всѣ Романовы любили „зарабатывать“ и копили деньги про черный день и, такъ сказать, на случай пожара.

Цѣлыми столѣтіями они умножали эти исполинскія, несмѣтныя богатства и заставляли своихъ бо-соногихъ подданныхъ платить по 17-ти милліонновъ рублей въ годъ на содержаніе двора.

Вся деревенская Россія ходила въ лаптяхъ, а содержаніе двора даже въ голодные годы порождало всѣхъ иностранцевъ необычайной роскошью и безудержнымъ мотовствомъ.

Правда, позолоченное хамство, которое жадною толпой стояло у трона, всегда обворовывало своего „обожаемаго“ монарха, гдѣ только могло.

Но въ конечномъ итогѣ и здѣсь по счетамъ платили, вѣдь, деревенскіе лапти.

Эти же лапти предоставляли и „жалованье“ всѣмъ особамъ царствующаго дома.

Императрица получала 200 тысяч руб. въ годъ, кромѣ содержанія двора.

Наслѣдникъ престола получалъ 100 тысяч руб., кромѣ содержанія двора.

А каждый ребенокъ—мальчики и дѣвочки—получали по 20-ти тысячъ руб., считая со дня рожденія. Приблизительно такое же „жалованье“ получали и великіе князья, княгини и княжны.

Но жалованье, а также единовременныя выдачи на приданое, на постройку дворцовъ и пр. составляли въ конечномъ счетѣ „пустяки“,—главные доходы получались изъ другихъ источниковъ,—хотя и „пустяки“ все-таки въ общемъ доходили до изрядныхъ суммъ.

Вотъ нѣсколько цифръ изъ отчетовъ удѣльнаго вѣдомства за 100 лѣтъ.

Ежегодными ассигновками было выдано 138,637,000.

На устройство дворцовъ—55,000,000.

На пожалованья и единовременныя выдачи—24,200,000.

На путешествія и походы—7,764,000.

На дворцы, состоявшіе въ вѣдѣніи удѣловъ,—10,646,000.

Прибавьте къ этому, что всѣ лучшіе уголки Крыма и Кавказа заняты царскими и великокняжескими имѣніями и дворцами,—и вы составите себѣ нѣкоторое, хотя и не полное, далеко не полное представление о царскомъ житьѣ-бытьѣ въ Россіи.

Но, къ сожалѣнію, приходится еще добавить, что были случаи, когда, несмотря на всѣ эти несомнѣнныя богатства, Романовы не гнушались и некорректными способами обогащенія.

Такъ, Александръ III некорректно присвоилъ себѣ имѣніе Мургабъ, хотя не имѣлъ на то никакого права, ибо земли эти были завоеваны кровью русскихъ солдатъ и составляли собственность государства.

Некорректно приобрѣтали крымскія земли и нѣкоторые изъ великихъ князей, скупая эти земли за безцѣнокъ у полунищихъ, разоренныхъ татаръ.

Наконецъ, нельзя обойти вниманіемъ и тѣ

48,000,000 рублей, которые получилъ Александръ II за крѣпостныя души.

Царю Александру принадлежало до 4-хъ миллионъ „собственныхъ“ крестьянъ.

Но царственный помѣщикъ, отпуская эту „крещеную скотинку“, все-таки взялъ 48 миллионъ руб. выкупныхъ платежей.

Но росла династія, а въ мѣстѣ съ ней росли и аппетиты гг. Романовыхъ.

Семья Николая Романова увеличила свое жалованье, назначивъ себѣ нѣсколько повышенные оклады.

— Прибавка на дороговизну...

Въ личное распоряженіе бывшаго императора отпускалось 250,000 руб. и 150,000 руб. на выдачу подарковъ. Бывшей императрицѣ выплачивалось ежегодно 209,000 руб., наслѣднику—104,500 руб., дочерямъ по 80,000 руб. Сверхъ сего тратилась очень значительная сумма на довольствіе—1,600,000 руб., причемъ на счетъ двора кормилось очень много людей, теперь совершенно растерявшихся и выбитыхъ изъ колеи спокойствія и довольства.

Остатки отдѣльныхъ бюджетовъ не возвращались въ кабинетъ или казну, а помѣщались на личный счетъ, и по истеченіи извѣстнаго времени у каждого образовался болѣе или менѣе приличный капиталъ. Въ 1916 г. на собственныя издержки, туалетъ, гардеробъ, на комнатные расходы по счетамъ камердинеровъ, на книги и картины, на лѣченіе, на разъѣзды прислуги и т. д. у бывшаго царя вышло только 9,306 руб., у Александры Федоровны—68,000 руб., у наслѣдника—36,000 руб., расходы дочерей колебались между 10,800 р. (у Ольги Николаевны) и 18,000 р. (у Маріи Николаевны), а всего—168,000 руб. или около 14,000 рублей въ мѣсяць.

Николай II, будучи очень щедръ на подачки разнымъ приближеннымъ къ нему лицамъ изъ государственной казны, былъ чрезвычайно скупъ на расходы даже для членовъ собственной фамиліи, если эти расходы должны были ложиться на его собственный карманъ.

Осенью 1910 г. бывший царь подписалъ высо-

чайшее повелѣніе на имя министра финансовъ выдать одной княгинѣ 125,000 руб.

Коковцевъ, который самъ рассказывалъ объ этомъ председателю думской бюджетной комисіи покойному М. М. Алексѣенко, иллюстрируя свою фразу: „трудно у насъ быть министромъ финансовъ“, отвѣчалъ княгинѣ:

— Высочайшее повелѣніе я долженъ исполнить, но, если вы получите, то я долженъ буду доложить государю объ ихъ источникѣ.

Высокопоставленной дамѣ было рѣшительно все равно, изъ какого именно источника хлынетъ на нее золотой дождь, и поэтому она скромно не стала допытываться дальѣе.

Коковцевъ такъ доложилъ царю: 10-милліонный фондъ исчерпанъ; по бюджету нѣтъ ни одного параграфа, который позволилъ бы выкроить требуемую сумму безъ вѣдома Гос. Думы; поэтому не представляется иного источника, какъ ресурсы изъ кабинета его величества.

Царь промолчалъ и сказалъ нехотя: „Ну, что же“. Вскорѣ послѣ этого, продолжалъ Коковцевъ, прѣзжаетъ ко мнѣ близкая фрейлина государыни ки. Орбеліани, привозитъ собственноручную записку государыни на выдать 10,000 руб. Я извинился и сказалъ, что по запискѣ выдать не могу, — необходимо высочайшее повелѣніе. Княжна храбро отвѣтила: „Хорошо“ и уѣхала. Какъ-то увидя ее во дворцѣ, немного погодя спросилъ ее шутя: „Ну, что высочайшее повелѣніе?“ „Ничего не дасть“, — махнула рукой. Государемъ деньги дѣлились выше человеческой дѣлзніи.

На Россію онъ смотрѣлъ, какъ на вѣчнину, изъ которой должнъ извлекать возможно больше доходовъ. Исходоховъ этихъ у него было немного. Народъ погибалъ въ нищету, а богатства Николая росли съ каждымъ днемъ. У самаго бѣднаго народа въ Европѣ были самыя богатые цари...

Николай Романовъ и его близкіе.

Чрезвычайно характерный штрихъ перелома: у отрекшагося императора не осталось друзей, готовыхъ раздѣлить дальнѣйшую участь царя. Его покидаютъ родственники, близкіе люди и оставляютъ отнюдь не изъ страха предъ революціей, — скорѣе со вздохомъ облегченія.

Ключъ къ разгадкѣ дежитъ въ самомъ характерѣ Николая, скрытномъ, мелочномъ, чудовищно-властолюбивомъ.

Съ девятистѣхъ годовъ онъ тѣсно сошелся съ семьей графа С. Д. Шереметева, съ двумя сыновьями котораго былъ нанятъ. Въ подмосковной Шереметевыхъ въ июнѣ 1894 года состоялось представленіе московскаго кружка славянофильствующихъ дворянъ будущему царю. Въ краткой рѣчи Николай отмѣтилъ, что его идеаль — эпоха Алексѣя Михайловича, когда русскій народъ не зналъ западныхъ увлеченій. У Шереметевыхъ низложенный императоръ встрѣчался съ принцессой Алисой Гессенской, когда придворный этикетъ не позволялъ передъ свадьбою царю часто заѣзжать къ невестѣ; наконецъ, престарѣлый графъ Сергій Дмитриевичъ велъ всѣ переговоры о бракѣ Николая, являясь повѣреннымъ интимнѣйшихъ тайнъ.

Несмотря на эту близость, Николай безъ колебанія порвалъ съ семьей графа въ 1896 году только затеосторожное слово о записки царя по отношенію къ погибшимъ на Ходынкѣ. Лишь черезъ 10 лѣтъ состоялось примиреніе между давними друзьями, но влияние Шереметевыхъ уже не возродилось.

Сухость, неискренность — отличительныя черты отрекшагося императора, прозваннаго придворными „византіецемъ“. Всегда наружно-спокойный, обладавшій, подобно всѣмъ Романовымъ, богатой памятью, страстью къ злословію, онъ умѣлъ больно колкнуть неугодныхъ лицъ, сохраняя „ласковую“ привѣтливую улыбку.

Типичный восточный властелинъ, убѣжденно считавшій себя помазанникомъ Божіимъ, ни передъ чѣмъ не останавливающійся при охранѣ своихъ

„прерогативъ“, способный со спокойной совѣстью итти на тяжкое преступленіе,—вотъ кѣмъ въ дѣйствительности былъ Николай Романовъ.

В. Д. Каргановъ, одинъ изъ приближенныхъ покойнаго наслѣдника Георгія Александровича, младшаго брата Николая II, сообщаетъ интересныя свѣдѣнія о томъ, при какихъ обстоятельствахъ произошла смерть Георгія, и кого можно считать виновникомъ этой смерти.

Пріѣхавъ въ Абасъ-Туманъ 20-лѣтнимъ юношей, Георгій прожилъ тамъ около 8 лѣтъ.

Съ 1892 г. по 1894 г. Георгій былъ окруженъ лучшими условіями жизни, извѣстными профессорами, гигиенической обстановкой и немногочисленнымъ, но тѣснымъ кругомъ приближенныхъ, старательно поддерживавшихъ образъ жизни, предписанный юношѣ лейбъ-медикомъ Алышевскимъ. Крѣпкимъ, бодрымъ выглядылъ онъ послѣ 2-лѣтняго пребыванія на Кавказѣ.

Когда послѣ смерти Александра III вступилъ на престолъ Николай II, наслѣдникомъ объявленъ былъ Георгій. Всѣ жрецы науки—Ключевскій, Глазенапъ, Капустинъ и др.—были удалены, гигиенической обстановка стала нарушаться эпизодами, губительно дѣйствовавшими на едва окрѣпшій организмъ, все чаще приходилось больному, морщась, нехотя, но по назойливому требованію надболѣе приближеннаго къ нему офицера осушать до дна бокалы вина.

Каргановъ высказалъ относительно этихъ обстоятельствъ свое недоумѣніе наслѣднику, вновь принявшему тотъ скверный, больной видъ, въ которомъ его привезли въ Абасъ-Туманъ 5 лѣтъ назадъ.

— Вы меня покинули, никто не хочетъ навѣщать меня,—съ грустной улыбкой, полусушутя, отвѣтилъ онъ.

Лица, заслуживающія полного довѣрія, рассказывали Карганову, что камердинеръ наслѣдника З., возмущенный всѣмъ происходившимъ въ абасъ-туманскомъ дворцѣ, взялъ на себя смѣлость письмомъ сообщить матери Георгія о творившихся здѣсь безобразіяхъ. Послѣдняя, видимо, ничего этого не подозрѣвала и, встревоженная письмомъ слуги, пріѣхала

въ сопровожденіи Захарьина. Развращавшія наслѣдника лица были немедленно удалены, приняты были мѣры къ возстановленію былого режима, но все было тщетно, и лѣтомъ 1899 года паденіе съ мотоциклета, вызвавшее кровоизліяніе горломъ, было тѣмъ значительнымъ толчкомъ, который завершилъ разрушеніе истощеннаго организма.

Все изложенное тогда же наводило Карганова на размышленіе объ умышленномъ ухудшеніи условій жизни цесаревича со дня вступленія на царство брата его Николая.

Полозрѣнія свои Каргановъ высказывалъ тогда же въ Петроградѣ нѣкоторымъ почтеннымъ лицамъ, подтвердившимъ его предположенія.

Окружающихъ всегда поражала огромная разница въ характерахъ, выраженіи лицъ и манерѣ обращенія между Николаемъ и его братомъ Георгіемъ, съ которымъ онъ воспитывался и держался вмѣстѣ.

Въ полную противоположность живому, привѣтливому и общительному Георгію, Николай Александровичъ неприятно поражалъ какою-то слишкомъ очевидною тупостью и надутостью. Именно надутостью, а даже не надменностью, которая предполагаетъ тѣнь нѣкотораго, хотя бы и дѣланнаго величія.

Если внѣшность Александра III производила впечатлѣніе силы и грубости, то сынъ его казался слабымъ, что не совсѣмъ легко объяснить, такъ какъ Николай Александровичъ не былъ ни слишкомъ малъ ростомъ, ни худощавъ. Но низкій лобъ при тяжеломъ подбородкѣ, а главное слегка кривыя, въ формѣ „икса“, ноги какъ-то назойливо вызывали въ умѣ вульгарное слово „послѣдышь“.

Рассказывали, на примѣръ, что еще двѣнадцатилѣтнимъ мальчикомъ Николай обнаруживалъ плохую память, и когда однажды, во время поѣздки съ родителями и братомъ Георгіемъ на югъ Россіи, долженъ былъ сказать нѣсколько заранѣе заученныхъ словъ депутаціи Донского войска, подносящей своему атаману почетное оружіе, онъ совершенно растерялся и забылъ приготовленную рѣчь.

Долго Николай, мучительно краснѣя, повторялъ

начало своего обращенія къ казакамъ: „Я такъ молодъ... Я такъ молодъ“—и дальше ни слова.

И когда чуть ли не въ десятый разъ онъ повторялъ эту нехитрую фразу—„я такъ молодъ“,—шустрый мальчишкѣ, его братъ Георгій, довольно громко продолжилъ: „И такъ глупъ“...

Пусть это только выдумка, но характеръ анекдотовъ и легендъ, слагающихся вокругъ какой-либо личности, всегда оправдываетъ пословицу „нѣтъ дыма безъ огня“.

Слабый и безхарактерный, легко поддающийся постороннему влиянію, отрекшійся царь никогда не способенъ былъ на твердое и опредѣленное рѣшеніе.

— Да, да, вы совершенно правы,—говорилъ онъ, напримѣръ, на докладѣ,—нужно это сдѣлать.

Но вотъ пріѣхало другое лицо, и послѣ разговора съ нимъ царь такъ же легко приходилъ къ диаметрально-противоположному заключенію. Не нужно было большихъ трудовъ, чтобы убѣдить царя въ чемъ угодно.

Особымъ самомиѣніемъ Николай II не отличался. Я никогда о себѣ много не думалъ,—замѣтилъ какъ-то разъ царь въ порывѣ откровенности.— Меня очень легко убѣдить.

Съ исключительнымъ уваженіемъ относился Николай къ миѣніямъ специалистовъ, понимая, впрочемъ, этотъ терминъ своеобразно: специалистъ, по миѣнію царя, это—тотъ, кто волею судьбы, Александры Федоровны или Распутина, сталъ во главѣ той или иной отрасли государственнаго хозяйства.

Тѣ же слабость и безхарактерность сказались въ послѣдніе дни. Упорствуя въ мелочахъ, не желая дать отвѣтственнаго министерства даже тогда, когда по улицамъ Петрограда уже двигались перешедшія на сторону народа войска, Николай II сравнительно легко согласился на крайнія уступки—на отреченіе отъ престола, и отрекся и за себя, и за Алексѣя.

Получивъ приказъ объ арестѣ, онъ быстро успокаивается, спокойно спитъ, регулярно ѣсть, не нарушая ни на одну минуту обычнаго этикета. Это не твердость сильнаго чѣловѣка. Такъ, Людовикъ XVI еще наканунѣ ареста и заключенія въ тюрьму мирно

игралъ въ шахматы и острилъ съ придворными.

Но если слабъ Николай II, то того же нельзя сказать объ его супругѣ, властной, энергичной, самостоятельной. Александра Федоровна не считалась ни съ какими препятствіями для проведенія того, что находила необходимымъ. Ни одинъ министръ не могъ получить портфеля безъ ея давленія. Протопоповъ, Голицынъ, Добровольскій, Воейковъ, Раевъ,—это все креатуры Александры Федоровны и Распутина.

На царя она имѣла подавляющее влияніе. Въ присутствіи Александры Федоровны Николай не имѣлъ своего миѣнія. За него говорила она, а царь молча со всѣмъ соглашался.

Въ чемъ секретъ влиянія Александры Федоровны,—никто никогда понять не могъ. Собственная мать, и та не разъ недоумѣнно разводила руками.

Молодая царица не удовлетворялась царствованиемъ. Она стремилась управлять и управляла. Въ годы войны она неоднократно выѣзжала въ ставку. Здѣсь, запершись со своимъ ближайшимъ другомъ А. Вырубовой, Александра Федоровна до глубокой ночи занималась государственными дѣлами. Она набрасывала проекты указовъ и манифестовъ, намѣчала министровъ и губернаторовъ, назначая однихъ и смѣщая другихъ.

Вліяніе Алисы на Николая было настолько велико, что всѣ попытки великихъ князей обратить его вниманіе на мерзости, творящіяся во дворцѣ, неизмѣнно кончались неудачей и приводили только къ гоненіямъ на великихъ князей.

1-го ноября 1916 года Николай Михайловичъ отправилъ царю письмо слѣдующаго содержанія:

„Ты неоднократно выражалъ свою волю довести войну до побѣдоноснаго конца. Вѣришь ли ты, что при настоящихъ тяжелыхъ условіяхъ это исполнимо? Освѣдомленъ ли ты о внутреннемъ положеніи не только внутри Имперіи, но и на окраинахъ (Сибирь, Туркестанъ и Кавказъ)? Говорятъ ли тебѣ всю правду или многое скрываютъ, гдѣ кроется корень зла? Разрѣши въ краткихъ словахъ выяснить тебѣ суть дѣла. Если производимый тобой выборъ министровъ при твоёмъ же сотрудничествѣ былъ извѣстенъ только

ограниченному кругу лицъ, дѣло могло еще итти, но разъ способъ сталъ извѣстенъ всѣмъ и каждому и объ этихъ методахъ распространено во всѣхъ слояхъ общества, такое дальнѣйшее управленіе Россіи немислимо. Неоднократно ты мнѣ сказывалъ, что ты никому не вѣришь, что тебя обманываютъ. Если это такъ, то это же явленіе должно повторяться и съ твоей супругой, но заблуждающейся благодаря злостному обману окружающей ее среды. Ты вѣришь Александрѣ Федоровнѣ. Оно и понятно. Но что исходить изъ ея устъ—есть результатъ ловкой подтасовки, а не дѣйствительная правда. Если ты не властенъ отстранить отъ нея это явленіе, то, по крайней мѣрѣ, огради себя отъ постоянного систематическаго вмѣшательства этихъ нащептываній черезъ любимую тобою супругу. Если твои убѣжденія не дѣйствуютъ, а я увѣренъ, что ты, вѣроятно, неоднократно боролся съ этимъ влияніемъ, постарайся избобрѣсти другіе способы, чтобы навсегда покончить съ этой системой. Твои первые порывы и рѣшенія всегда замѣчательно вѣрны и показательны въ точности, но, когда появляются другія влиянія, ты начинаешь колебаться, и послѣдующія твои рѣшенія уже не тѣ, и, если бы тебѣ удалось устранить это постоянное вторгательство во всѣ дѣла темныхъ силъ, сразу началось бы возрожденіе Россіи и вернулось утраченное тобою довѣріе огромнаго большинства твоихъ подданныхъ. Все послѣдующее быстро наладится само собою. Ты найдешь людей, которые при измѣнившихся условіяхъ согласятся работать подъ твоимъ личнымъ руководствомъ, когда время настанетъ, а оно, вѣроятно, не за горами. Ты самъ съ высоты престола можешь даровать желанную отвѣтственность министрамъ передъ тобой и передъ законодательными учрежденіями. Это сдѣлается просто само собой, безъ напора извнѣ, и не такъ, какъ совершился достопамятный актъ 17 октября 1905 года. Я долго колебался открыть всю истину, но послѣ того, какъ твоя матушка и твои обѣ сестры меня убѣдили это сдѣлать, я рѣшился. Ты находишься наканунѣ эры новыхъ волненій, скажу больше, наканунѣ эры покушеній. Повѣрь мнѣ, если я такъ напираю на твое собствен-

ное освобожденіе отъ создавшихъ оковъ, то я это дѣлаю не изъ личныхъ побужденій, которыхъ у меня нѣтъ,—въ этомъ ты уже убѣдился и ея величество тоже,—а только ради надежды и упованія спасти тебя, твой престолъ и нашу дорогую родину отъ самыхъ тяжкихъ и непоправимыхъ послѣдствій“.

Письмо это осталось безъ отвѣта... Но онъ не преминулъ прочесть это письмо Алискѣ. Когда онъ дошелъ до того мѣста, гдѣ говорилось о царицѣ, она съ яростью выхватила письмо изъ рукъ Николая и разорвала его въ клочки.

Въ личной бесѣдѣ, когда рѣчь зашла о Протопоповѣ, Николай Михайловичъ сказалъ царю:

— Знаешь ли, что Протопопова тебѣ подсунули? У Бадмаева его познакомили съ Распутинымъ.

— Я это знаю,—замѣтилъ царь.

— И ты это находишь нормальнымъ?

Царь промолчалъ. Несмотря на рѣзкость обличительныхъ словъ Николая Михайловича, царь былъ съ нимъ очень любезенъ и по обыкновенію отмалчивался.

— Эта манера отмалчиваться,—разсказываетъ князь,—прямо-таки отнимала всякую охоту говорить съ нимъ о чемъ-нибудь. А тутъ еще эта любезность, не покидавшая его. Онъ положительно charmeur. Я даже какъ-то сказалъ ему, что онъ напоминаетъ мнѣ Александра I. Во время разговора, когда я бросалъ одну рѣзкость за другой, у меня нѣсколько разъ потухала папираса. Царь любезно подавалъ мнѣ спички, а я даже забывалъ поблагодарить его,—такъ я волновался. На послѣдокъ я сказалъ ему:

— Здѣсь у тебя казаки, и много мѣста въ саду. Можешь приказать меня убить и закопать. Никто не узнаетъ. Но я долженъ тебѣ все сказать.

И тутъ онъ промолчалъ. А 31-го декабря, въ 11¹/₂ час. ночи, ко мнѣ пріѣхалъ курьеръ и подаль его письмо. „Повелѣваю тебѣ выѣхать въ Грушевку на 2 мѣсяца“,—писалъ царь. А дальше стояло: „Прошу тебя это исполнить“. „Повелѣваю“ и „прошу“. Вотъ поймите его.

По приказу Николая II, собственноручно имъ написанному, въ ночь подъ Новый годъ Николай

Михайловичъ долженъ былъ выѣхать въ имѣніе Грушевку, Херсонской губерніи, на два мѣсяца.

Предполагая обыскъ и отдавая послѣднее распоряженіе по дому, Николай Михайловичъ просилъ окружающихъ тщательно слѣдить за тѣмъ, чтобы при обыскѣ не пропали цѣнныя рукописи и записки.

— Я своихъ хорошо знаю,—сказалъ онъ.

Родственники Николая II, коронованныя особы, какъ союзныхъ и нейтральныхъ странъ, также неоднократно давали ему настойчивые совѣты заключить „гражданскій миръ съ народомъ“, а также измѣнить методы управленія страной ради спасенія всего дѣла союзниковъ“.

Особенное вниманіе удѣляется въ этихъ письмахъ системѣ назначенія лицъ, вѣдающихъ вопросами внѣшней политики и обороны. Изъ Лондона поступали весьма многочисленныя указанія на то, что Николай II, правившій могущественной имперіей, вступившій въ борьбу съ Вильгельмомъ, могъ бы „заслужить благословеніе всѣхъ народовъ на землѣ“. Николай II весьма холодно относился къ этимъ благороднымъ напоминаніямъ.

Письма изъ Рима, въ томъ числѣ и отъ папы, указывали на личное обѣщаніе Николая II, данное, очевидно, во время свиданія съ Ракониджи и касавшееся, по всей вѣроятности, измѣненія курса внутренней политики.

Особенно много настойчивыхъ совѣтовъ было дано Николаю II изъ Копенгагена со стороны датской династіи. Въ этихъ письмахъ изъ чувства родства и дружбы Николая II предупреждали о томъ, что расчеты на внутреннія неурядицы въ Россіи, неизбежныя при старомъ режимѣ, составляютъ основу германскаго плана войны и дипломатической игры Вильгельма II. Датская династія не скупилась на совѣты, которые она неуклонно давала Николаю II.

Письма эти посылались не обычнымъ дипломатическимъ путемъ, а чрезъ специальныхъ личныхъ курьеровъ. Извѣстно, что два письма привезъ однажды Протопоповъ. Однако, въ ставкѣ во время пріема онъ не преминулъ раскритиковать свободолобивые

взгляды итальянскаго короля и эгоистическіе, по его словамъ, совѣты Георга V.

Между прочимъ, Протопоповъ позволилъ себѣ сдѣлать сравненіе между обоими государями величайшихъ въ мірѣ имперій, при чемъ далеко не въ пользу англійскаго короля.

Вернувшись изъ поѣздки въ Европу Протопопову Николай задалъ вопросъ:

— Правда-ли то, что говорятъ, будто я очень похожъ на короля Англіи?

— Совершенно вѣрно, ваше величество,—отвѣтилъ Протопоповъ,—только не ваше величество похожи на короля Англіи, но король Англіи, Георгъ V, очень похожъ на Васъ...

Николай остался очень доволенъ этимъ отвѣтомъ „персидскаго“ министра, не подозревая, что эта фраза украдена Протопоповымъ.

Каковъ попъ, таковъ и приказъ.

Льстецы пользовались большимъ успѣхомъ у Николая II, а людей, осмѣлившихся сказать ему правду о положеніи страны, онъ считалъ своими личными врагами и не останавливался ни передъ какими средствами, чтобы избавиться отъ нихъ.

Объ этомъ свидѣтельствуетъ и его ненависть къ родному брату Михаилу Александровичу.

Въ 1905 году, во время совѣщанія извѣстной палаты по вопросу о роспускѣ 1-й Государственной Думы, Михаилъ Александровичъ высказался за необходимость итти на уступки.

Съ этого момента между братьями выросла стѣна. Николай опасался, что жизни наслѣдника, хилаго ребенка Алексѣя, грозитъ опасность со стороны родного дяди. За Михаиломъ организуется небывалая слѣжка. Буквально каждый его шагъ становится извѣстнымъ царю. Ни одинъ изъ офицеровъ, близкихъ къ великому князю, не оставленъ въ Петербургѣ.

Въ 1908 г. лѣтомъ Константинъ Константиновичъ охотился въ Гатчинѣ съ Михаиломъ Александровичемъ. Неизвѣстно откуда, раздался выстрѣлъ, сбившій фуражку съ царскаго брата.

Михаилъ поблѣднѣлъ и сказалъ:

— Третій разъ покушеніе за этотъ годъ. Не слишкомъ ли много?..

Второй разъ его поваръ неосторожно всыпалъ въ кушанье морфій, вмѣсто соли, подозрительно затѣмъ застрѣлившійся послѣ допроса въ тюрьмѣ.

Одно время Михаила положительно терроризовалъ постоянный сыскъ. Онъ молить Дедюлина и Столыпина убѣдить Царское Село, что его напрасно обвиняютъ въ честолюбивыхъ замыслахъ, что это клевета, что онъ готовъ отречься отъ всякихъ правъ на престолъ. Сухая благодарность послѣдовала въ отвѣтъ.

На-ряду съ приказомъ о назначеніи Михаила Александровича командиромъ армейскаго гусарскаго полка въ г. Орлѣ на двухъ офицеровъ даннаго полка возложили обязанность убѣдить брата царя надолго покинуть Россію, совершить кругосвѣтное путешествіе, подольше пожить въ Америкѣ и Азіи.

Михаилъ Александровичъ рузрубилъ узелъ иначе, женившись на разведенной женѣ кавалерійскаго поручика.

Объ этомъ пассажѣ Николаю должна была доложить Марія Федоровна, но она упростила поговорить съ царемъ генераль-адъютанта Николаева и одного изъ Константиновичей. Царь молча выслушалъ пріятную новость и приказалъ Михаилу немедленно явиться во дворецъ. Что произошло между братьями, сказать трудно, но великій князь пріѣхалъ въ Гатчину больнымъ. Опасались за его разсудокъ. Нѣсколько дней онъ не принималъ даже молодую супругу, часто плакалъ до истерики, засыпалъ письмами то императрицу, то дворцоваго коменданта Дедюлина. Вскорѣ послѣдовали разрѣшеніе на выѣздъ великаго князя за границу и указъ о лишеніи его регентства.

Съ этихъ поръ Николай становится любящимъ братомъ, стараясь, однако, при случаѣ показать „дорогому Мишѣ“, что послѣдній почти парвеню въ семьѣ Романовыхъ.

Итальянскій король приглашалъ незадолго до войны въ Римъ Михаила въ качествѣ представителя русскаго царствующаго дома на какой-то праздникъ. Царь положилъ резолюцію: Михаилъ Александровичъ

единолично ѣхать не можетъ. Присутствовать въ Италіи вмѣстѣ съ женой ему также неудобно: они не великокняжеская чета, король же приглашаетъ прежде всего великаго князя.

Резолюція немедленно получила огласку. Михаилъ грозилъ вызвать на дуэль всякаго, кто при немъ осмѣлится повторить слова брата.

Война смягчила отношенія Николая къ великому князю. Михаилъ Александровичъ получилъ назначеніе въ армію послѣ продолжительнаго обсужденія этого вопроса въ интимныхъ кругахъ, царя, но слѣжка оставалась.

До какихъ мелочей доходилъ тайный надзоръ, показываетъ найденная въ архивѣ министерства двора записка о пріемѣ великимъ княземъ литератора Н. Н. Брешко-Брешковскаго. Записка указываетъ, сколько минутъ говорилъ князь съ журналистомъ, о чемъ и что просилъ написать, въ какой газетѣ.

На донесеніи помѣтка Воейкова представить незамедлительно напечатанную статью литератора Брешко-Брешковскаго.

Въ такой обстановкѣ протекала жизнь во дворцѣ. Каждый изъ Романовыхъ видѣлъ въ другихъ членахъ фамиліи конкурентовъ на тронъ, всячески стараясь обезвредить соперниковъ.

Сыскъ былъ введенъ въ культъ, и отъ него не были гарантированы и самыя близкія ко дворцу лица.

Надъ всей Россіей царила темная рука предательства...

Николай II, какъ личность.

Говорить о Николаѣ II, какъ о личности, является очень затруднительнымъ. Въ его поступкахъ и дѣйствіяхъ есть столько страннаго, сумбурнаго, что поневолѣ становишься въ тупикъ и не знаешь, съ кѣмъ имѣешь дѣло, — съ челоукомъ злой воли, съ дикимъ эгоистомъ, ослѣпленнымъ „полнотою власти“, или съ „идіотомъ“, жалкой маріонеткой въ рукахъ окружающихъ.

Есть много данных, одинаково подтверждающих оба предположения.

Нѣкоторый свѣтъ на туманную личность царя проливаетъ В. Бурцевъ.

— Личность царя, его намѣренія и интересы, его симпатіи и антипатіи всегда играли огромную роль въ исторической жизни Россіи, — говоритъ В. Бурцевъ.

Все, что можно сказать о бывшемъ царѣ, можетъ быть также сказано о всѣхъ иныхъ представителяхъ царской власти въ теченіе послѣднихъ полутора столѣтій. Ни одинъ изъ царей въ Россіи, занимавшихъ въ это время русскій престолъ, не исключая и большого Павла, даже ни на минуту не выпускалъ власти изъ своихъ рукъ. Наоборотъ, всѣ они непрерывно проводили одну и ту же реакціонную политику, безъ малѣйшаго замѣтнаго измѣненія ея въ ную сторону.

Александръ I и Александръ II дѣлали нѣсколько уступокъ въ началѣ ихъ царствованія, будучи, очевидно, принуждены къ этому временемъ. Они ввели нѣсколько реформъ прогрессивнаго характера, но изъ холоднаго расчета или изъ страха передъ какимъ бы то ни было намекомъ на реформу, могущую нарушить ихъ прерогативы, они скоро отступали назадъ. И, такимъ образомъ, во многихъ случаяхъ предпринимаемыя ими реформы были или уничтожены вовсе или проведены въ очень измѣненномъ видѣ.

Въ теченіе послѣднихъ полутора столѣтій борцамъ за русскую свободу только дважды удалось принудить самодержавное правительство пойти на политическія уступки, которыя, дѣйствительно, подрубали корни самодержавной власти.

Первый разъ это было въ 1881 г., когда подъ давленіемъ террористовъ правительство намѣревалось созвать совѣщательное учрежденіе, комитетъ, состоящій изъ представителей народа, для разсмотрѣнія и обсуждения плана реформы, что до тѣхъ поръ составляло личную прерогативу царя и его бюрократіи.

Второй разъ (это было въ 1905 г.) Николай II подъ вліяніемъ общенароднаго движенія рѣшился искать выхода въ созывѣ Государственной Думы. Это онъ сдѣлалъ съ большой неохотой, послѣ упор-

наго сопротивленія народнымъ требованіямъ всѣми имѣвшимися въ его власти средствами.

Оба раза, однако, въ 1881 и 1905 гг., русскіе самодержцы, пользуясь промахами въ освободительномъ лагерѣ, успѣшно брали назадъ свои обѣщанія и сводили на-нѣтъ реформы, которыя у нихъ были уже вырваны.

И такъ, за исключеніемъ этихъ двухъ мимолетныхъ, хотя и очень важныхъ въ политическомъ отношеніи моментовъ, политика русскихъ царей была всегда систематической, упорной борьбой, проводимой съ обдуманной жестокостью, противъ всякихъ стремленій къ свободѣ. Кто не понимаетъ этой доминирующей роли царей въ ихъ борьбѣ съ освободительнымъ движеніемъ, тотъ не способенъ ни объяснить, ни понять русской исторіи.

Николай II не является вовсе исключеніемъ въ ряду остальныхъ русскихъ царей. Онъ, скорѣе, лишь ихъ болѣе типичный представитель. Его воля накладывала печать на всѣ крупныя событія русской жизни.

Существуетъ два различныхъ взгляда на личность Николая II.

Согласно одному изъ нихъ, онъ являлся слабо-вольнымъ, всѣми обманываемымъ, ни съ чѣмъ не знакомымъ, ничего не знающимъ человѣкомъ, безотвѣтной маріонеткой въ рукахъ своихъ придворныхъ, слабымъ физически, человѣкомъ ограниченныхъ умственныхъ способностей, если даже не просто-напросто слабоумнымъ человѣкомъ, — иные готовы считать его даже почти „идіотомъ“. Однимъ словомъ, его рисуютъ такимъ, что снимаютъ съ него всякую отвѣтственность за всѣ жестокости, творившіяся въ Россіи его именемъ. Всѣ его личные движенія и поступки объясняются вліяніемъ той или иной стоявшей у власти клики бюрократовъ или царедворцевъ.

Такимъ являлся Николай II, подобно всѣмъ другимъ царямъ, въ глазахъ широкой публики и такой взглядъ на него существуетъ не только среди иностранныхъ писателей, давно забывшихъ про активную роль, которую играли короли и императоры въ ихъ собственной странѣ, но и, — это еще болѣе пора-

зительно,—среди русских реакціонеровъ, въ ихъ близорукихъ попыткахъ оправдать самодержавіе.

Даже большинство наиболѣе рѣшительныхъ враговъ Николая II, русскіе революціонеры, не такъ давно еще склонны были раздѣлять эту точку зрѣнія.

Дѣлая такъ, они ставили себѣ этимъ одно изъ самыхъ серьезныхъ препятствій въ своей собственной борьбѣ.

Но существуетъ и другая точка зрѣнія на Николая II, рисующая его, какимъ онъ есть на самомъ дѣлѣ,—человѣкомъ средняго ума и способностей, хорошо освѣдомленнымъ во многихъ вопросахъ, касающихся государственныхъ дѣлъ (хотя и не безъ курьезныхъ пробѣловъ) и знакомымъ со всѣми главными событіями русской жизни. Онъ, по взгляду этихъ людей, обладаетъ достаточной степенью ума, чтобы понять свои собственные интересы и преслѣдовать ихъ. Опираясь на своихъ приверженцевъ при самыхъ неблагоприятныхъ политическихъ и социальныхъ условіяхъ, Николай II свободенъ былъ вести достаточно выгодную съ его собственной точки зрѣнія политику.

Такая характеристика защищаетъ его отъ презрѣнія и издѣвательства, но она вмѣняетъ ему въ вину все, что онъ сдѣлалъ.

Иные изъ приближенныхъ говорили, что Николай добръ. Быть-можетъ,—къ домашней челяди. Въ его голубыхъ глазахъ, однако, нѣтъ ни теплоты, ни ласки. Онъ держался за власть съ какимъ-то изступленіемъ и фанатическимъ упрямствомъ, словно дрожа за свою жизнь и отождествляя ее съ властью. Его система была сложной системой недоувѣрія ко всѣмъ. Этимъ объясняется постоянная наличность какого-то сверхсовѣтника. Такимъ былъ одно время Ключевъ, котораго царь, вопреки явному правительству, разсылалъ для ревизіи страны. Такимъ могъ бы стать Демчинскій, знаменитый „предсказатель погоды“, если бы Демчинскій не свелъ бы быстро все дѣло на полученіе субсидіи его журналу „Климатъ“. Такимъ былъ Филиппъ, князь Путятинъ, наконецъ, Распутинъ. Царская система напоминала управленіе султана, гдѣ за визиремъ смотритъ султанша, за султаншей евнухъ, за евнухомъ истопникъ, и кото-

рые всѣ въ одинъ прекрасный день могутъ погибнуть отъ рукъ тѣлохранителя.

Кругъ идей Николая, какъ можно судить по его дѣламъ и „полному собранію рѣчей“, конфискованному догадливой цензурой, былъ крайне ограниченъ. Въ послѣднее время его упрямство равнялось безумію. По всему Петрограду ходило обращеніе къ царю всѣхъ великихъ князей и княгинь по поводу ссылки Дмитрія Павловича. Онъ и тутъ остался упрямый, непреклонный, словно не чувствуя и не понимая, что погружается въ бездну.

Упрямый, черствый, скупой, онъ обладалъ счастливой способностью владѣть собой. До крайности скрытный, онъ никогда не выдавалъ своихъ истинныхъ намѣреній; поэтому многіе его поступки и слова, быть-можетъ, и кажутся такими неумѣстными и сумбурными.

Пресловутый вятскій сатрапъ князь Горчаковъ рассказывалъ, какъ, будучи калужскимъ губернаторомъ, онъ имѣлъ послѣ смерти Толстого высочайшую аудіенцію и на ней отличился. Кончивъ докладъ, онъ торжественно заявилъ:

— Не могу скрыть отъ вашего императорскаго величества, что Александра Львовна Толстая находится въ незаконной связи съ Чертковымъ.

— Тогда,— продолжаетъ находчивый администраторъ,—государь взялъ меня за руку, крѣпко потрясъ ее и сказалъ задушевымъ голосомъ:

— Благодарю, благодарю васъ; теперь мнѣ все понятно.

Что именно понималъ высочайшій разумъ въ клеветѣ Горчакова,— темна вода.

О такихъ „странностяхъ“ бывшаго „самодержца“ рассказываютъ очень много.

Послѣ обычныхъ и ничего незначащихъ бесѣдъ, которыми цари отдѣлываются отъ докучливой обязанности говорить съ неинтересными людьми, Николай вдругъ сдѣлалъ „простое“ лицо и спросилъ увольняемаго за „либерализмъ“ товарища министра:

— А что, вы получили пенсію?

— Какъ же, ваше в-ство, получилъ, приношу вамъ глубокую благодарность.

— Это очень хорошо, — добродушно перебил царь, какъ бы отвѣчая на свою собственную мысль.

— Потомъ не удержался и высказался:

— Они вѣдь могли бы и не дать...

Это „они“, направленное противъ правительства, тяжесть котораго давала себя чувствовать и Николаю, глубоко тронуло „откланивавшаго“ и, чтобы не выдать волнения, тотъ поспѣшилъ отвѣсить новый поклонъ, но царь, думая, что отставной сановникъ собирается уходить, удержалъ его за руку и сказалъ:

— Погодите. Вы куда ѣдете отсюда?

— Въ Смоленскъ, ваше в-ство.

— Покажите по картѣ, по какимъ дорогамъ вы поѣдете. Я люблю знать, какъ ѣдутъ бывшіе у меня... Съ этими словами онъ подвелъ оторопѣвшаго экскотарища министра къ картѣ Россіи, по которой тотъ и показалъ царю простую черту — Николаевскую и Новоторжскую жел. дороги, которыя извѣстны школьнику.

Это изумительное дѣтское добродушіе и странная безпечность не оставляли Николая и въ тѣ моменты, когда онъ „по долгу службы“ долженъ былъ бы проявлять большую серьезность.

Петроградскій градоначальникъ Драчевскій рассказываетъ о своей аудіенціи передъ отправленіемъ на мѣсто службы въ Ростовъ въ эпоху погромовъ.

Надо замѣтить, что его назначенію предшествовали въ Ростовѣ погромы, и, желая подчеркнуть государю трудность своего новаго поста, будущій ростовскій градоправитель указалъ на важность успокоенія города, взволнованнаго погромами.

— А большой погромъ былъ тамъ? — спросилъ Николай.

— 40 евреевъ убито, ваше величество, кромѣ раненыхъ.

— Только-то, — протянулъ царь-отецъ, а я думалъ больше...

Полицеймейстеръ царскосельскихъ дворцовъ д. с. с. Александровъ, начавшій службу еще при Александрѣ II, вспоминаетъ такой фактъ. Освящается храмъ Воскресенія на Крови, митроп. Антоній устало читаетъ молитвы; царь, обращаясь къ Александрову,

приказываетъ передать владыкѣ, что „онъ служить не у г-жи Побѣдоносцевой, обожавшей шопотомъ“. Антоній поблѣднѣлъ, но читать сталъ громко.

Николай Романовъ даже по отзывамъ лицъ, ему близкихъ, — коварный лицемеръ, предатель въ душѣ, вѣроломный, неискренній и лживый... Сейчасъ онъ пытается возбудить къ себѣ жалость, плачетъ и говоритъ, какъ всегда, что его обманывали. Онъ притворится сейчасъ покорнымъ волѣ Божьей, надѣнетъ на себя личину смиренія и будетъ говорить жалостливыя слова и даже благородныя. Но нельзя вѣрить этому иезуиту въ горностаевой мантии. И нѣтъ ручательства за то, чтобы Романовъ разъ навсегда прекратилъ свои попытки вернуть сгнившій тронъ...

Фаворитка Николая Романова.

Еще въ тѣ дни, когда Россія стонала подъ гнетомъ тирановъ и всюду царило недреманное полицейское око, терроризованные обыватели, пугливо оглядываясь по сторонамъ, дѣлились впечатлѣніями о „тайнахъ“ дома Романовыхъ. Среди этихъ „тайнъ“ не послѣднее мѣсто занимала Матильда Феликсовна Кшесинская, любовница Николая Романова. Среди широкой публики она пользовалась огромной извѣстностью не столько какъ балерина, а какъ любовница царя, и въ битковыхъ сборкахъ, повсюду выпадавшихъ на ея долю, болѣе повиненъ Николай Романовъ, чѣмъ ея артистическій талантъ.

Объ ея дворцѣ на В.-Дворянской, построенномъ ей Николаемъ Романовымъ, рассказывались прямо-таки чудеса.

Матильда Феликсовна Кшесинская уѣхала изъ Петрограда, оставивъ свой особнякъ и захвативъ съ собою лишь небольшой саквояжъ съ брилліантами, гувернера-француза и мальчика Вову.

Въ день бѣгства балерины въ ея дворцѣ былъ произведенъ толпою разгромъ верхняго этажа, и только подоспѣвшая милиція предупредила полное разгроменіе дворца.

Изъ найденныхъ при обыскѣ во дворцѣ документовъ явствуетъ, что „высочайшая“ балерина не лишена была влеченія къ „политикѣ“, очень интересовалась поставками въ армію и даже не отказывалась отъ содѣйствія по освобожденію отъ призыва,—однимъ словомъ, интересовалась не только узкимъ кругомъ вопросовъ балетнаго искусства. Она играла роль не только въ балетной средѣ, но и въ промышленности.

У балерины сохранился цѣлый рядъ телеграммъ за подписью бывшаго великаго князя Сергѣя Михайловича, явно подтверждающихъ коммерческія взаимоотношенія балерины и князя.

Когда въ газетѣ „Рѣчь“ отъ 31 декабря 1910 г. появилась замѣтка объ обыскѣ у „одной видной балерины“, то въ передовой статьѣ этой газеты отъ 31 декабря сообщалось слѣдующее:

„... дѣйствительно, что можетъ быть, напримѣръ, общаго между постановками завода Крезо и балетомъ? А между тѣмъ по Петрограду ходятъ упорные слухи, что именно въ связи съ поставками Крезо былъ недавно произведенъ обыскъ у одной видной балерины,—и обыскъ оказался далеко не безрезультатнымъ“.

Выемка нѣкоторыхъ документовъ тогда была сдѣлана тутъ же и передана въ распоряженіе бывшаго военнаго министра ген. Сухомлинова. Однако, дѣло, какъ извѣстно, не пошло дальше министерскаго кабинета. Изъ телеграммъ великаго князя мы узнаемъ о рядѣ дѣлъ, относящихся, безспорно, къ различнаго рода поставкамъ.

Изъ Вержболова Сергѣй Михайловичъ посылаетъ г-жѣ Кшесинской длиннѣйшую телеграмму, въ которой имѣются слѣдующія двѣ строки: „Мѣшокъ высланъ на имя Веденяпина съ вечернимъ скорымъ поѣздомъ“.

Въ другой телеграммѣ изъ Полтавы сообщается, что „въ Кіевѣ все прошло благополучно“.

Въ третей телеграммѣ изъ Крыма находимъ слѣдующія сообщенія: „Какъ только кончу тутъ дѣло, возвращусь въ Петроградъ. Пора кончить эту грязь“. Въ двухъ другихъ телеграммахъ—такое по-

рученіе Сергѣя Михайловича: „Передайте Зедигеръ, что двѣ фишки у меня въ карманѣ“, а въ слѣдующей сообщается изъ Вержболова: „Пропелъ границу пѣшкомъ. Пока все благополучно“.

Подобныхъ писемъ и телеграммъ найдено очень много, и изъ нихъ явствуетъ, что госпожа Кшесинская участвовала въ крупныхъ коммерческихъ дѣлахъ, пользуясь услугами и влияніемъ великаго князя. Ознакомившись съ этими матеріалами, мы не удивились, когда прочитали нѣсколько писемъ, адресованныхъ „глубокочтимой и глубокоуважаемой Матильдѣ Феликсовнѣ“, съ просьбой посодѣйствовать освобожденію отъ призыва и устройству отсрочки.

Обращаетъ на себя вниманіе одно письмо, датированное 29-мъ іюня 1916 г., изъ города Козельска Калужской губерніи, изъ Оптиной Пустыни. Авторомъ этого посланія является отецъ Мардарій, который пишетъ балеринѣ слѣдующее: „Пребываніе въ вашемъ домѣ всегда доставляло мнѣ радость“. Оказывается, что посѣтителемъ салона г-жи Кшесинской были не только Николай II и великіе князья, но и лица духовнаго званія.

Даже лѣтній отдыхъ г. Кшесинской въ „Стрѣльнѣ“ нарушаетъ нѣкая „фрау Клаусъ“ извѣщеніями о дѣлахъ. Дѣло въ томъ, что г-жа Клаусъ уѣхала въ Одессу, гдѣ поселилась на Большомъ Фонтанѣ, и оттуда спѣшитъ сообщить балеринѣ: „Эти постановки необходимо выполнить какъ можно скорѣе, такъ какъ время не ждетъ“.

Найденныя при обыскѣ тетради съ записями расходовъ ярко иллюстрируютъ стяжательныя способности фаворитки царя и свидѣлствуютъ о томъ, что въ деньгахъ она понимала толкъ. Въ этихъ тетрадяхъ имѣются такія записи: „За шляпу—115 р. Костюмъ С.—500 руб. Человѣку на чай—10 коп. Борная кислота 10 коп. Вовѣ—5 коп.“ Такими записями испещрены всѣ тетради балерины-миллионерши.

Въ дополненіе къ этому, для болѣе полной характеристики г-жи Кшесинской слѣдуетъ привести отрывки изъ писемъ нуждающихся въ помощи артистовъ, которые въ трудную минуту жизни рѣшились обратиться за помощью къ товарищу по сценѣ:

„Сижу безъ сантимата. Умоляю васъ, Матильда Феликсовна, поддержите хотя бы нѣсколькими десятками франковъ и дайте мнѣ возможность выбратъся отсюда“. Авторъ этого же письма пишетъ слѣдующее:

„На первыя два письма я не получилъ никакого отвѣта и еще разъ пытаюсь обратиться къ вамъ, глубокоуважаемая Матильда Феликсовна. Ради Бога, не оставьте моей просьбы, вышлите хотя 10 франковъ. Вотъ уже недѣля, какъ я, кромѣ хлѣба, ничего не имѣлъ во рту“.

„Глубокоуважаемая“ и „добрѣйшая“ Кшесинская осталась глуха къ этимъ словамъ. Очевидно, балерина была слишкомъ занята другими дѣлами, о чемъ свидѣлствуютъ нѣкоторые найденные документы, также переданные въ градоначальство, подъ заголовкомъ: „Отчетъ игры въ поккеръ съ 1-го октября 1911 г. по 1-е мая 1912 г. Поккерныхъ собраній состоялось 86. Принято участіе въ 47-ми. Результатъ — 3,506 рублей. Балансъ игры—15.499 рублей.—Вѣрно бар. А. Зедигеръ“.

Ясно, что „высочайшую“ балерину нельзя было упрекнуть въ излишней расточительности тамъ, гдѣ дѣло касалось собственнаго кармана, а не народныхъ денегъ. Удивительное сходство въ этомъ отношеніи между балериной и ея „благочестивѣйшимъ“ покровителемъ. Историкъ остается только выяснитъ вопросъ о томъ, кто изъ нихъ вліялъ на другого въ этомъ направлеиіи.

М. Ф. Кшесинская, какъ извѣстно, сыграла весьма видную роль въ жизни Николая II. Въ ея будуарѣ находятся фотографіи съ автографами самого Николая II отъ 1893 г. вел. князя Александра Михайловича отъ 1894 г., великаго князя Андрея Владиміровича отъ 1908 г. и др.

Балерина прилагала всѣ усилія къ тому, чтобы не опуститься ниже коронованныхъ особъ, и однажды на вечерѣ у Андрея Владиміровича она стала заигрывать съ великимъ княземъ Дмитріемъ Павловичемъ, а черезъ нѣсколько дней послѣ случайнаго съ нимъ свиданія прислала Дмитрію Павловичу въ подарокъ портсигаръ. Однако, Дмитрій Павловичъ, со

свойственной ему прямою и откровенностью, написалъ ей слѣдующее посланіе: „Я боюсь, что письмо вамъ не очень понравится, но ужъ простите, я буду писать откровенно. Хотя вы мнѣ у Андрея Владиміровича сказали, что имѣете желаніе мнѣ портсигаръ подарить, я былъ глубоко увѣренъ, что вы шутите и что дальше разговоровъ это не поидеть. Вышло же немного иначе. Вчера я получилъ вашъ подарокъ. Съ вами я только вижу въ четвертый разъ, остаемся мы только знакомыми, врядъ-ли есть необходимость дарить другъ другу подарки. Мнѣ ничего не остается, какъ поблагодарить васъ только.

„Дмитрій“.

Этотъ прямой отвѣтъ немало сконфузилъ привыкшую къ величію Кшесинскую. Но это не первый отказъ отъ принятія подарковъ. 21-го ноября 1911 г. великій князь Сергій Михайловичъ сообщаетъ ей слѣдующее: „Плещеевъ отказался отъ подарка и подписку протоколовъ прекратилъ. Ожидаю вырѣзокъ изъ газетъ о первомъ представленіи „Лебединого“, для того чтобы вызвать Плещеева для перевода ему и составленія статьи въ „Новое Время“.

Не прошелъ мимо блестящей балерины и „герой нашего времени“ А. Д. Протопоповъ.

Въ этомъ большомъ замкѣ на Дворянской было много страннаго, темнаго и тайнаго, но сейчасъ, когда свѣжая струя ворвалась въ особняки бывшаго царя, нѣкоторыхъ великихъ князей и другихъ „привилегированныхъ особъ“, есть увѣренность, что все затхло, смрадное исчезнетъ. Среди огромной кипы различныхъ бумагъ нашли анонимное посланіе, отправленное изъ Ярославля М. Ф. Кшесинской, въ которомъ, между прочимъ, говорится слѣдующее: „на народныя потомъ и кровью добытыя денежки вамъ выстроили столь красивый теремъ. Скромненько, безъ борьбы ликвидируйте свои дѣла и съ Богомъ—изъ Россіи. Пока мы васъ не тронемъ, но близокъ часъ, когда придетъ расправа и надъ вами, и надъ вашимъ высокимъ покровителемъ“.

Это предсказаніе сбылось. Великій русскій на-

родь сбросил со своихъ богатырскихъ плечъ позолоченную мерзость, и дворцы, гдѣ раньше въ развратѣ и кутежахъ продавали Россію, заняты народомъ, который дастъ имъ лучшее назначеніе.

1905
Николай II и 1915-й годъ.

Отличительною чертою Николая II была его всегдашняя готовность выслушивать сужденія о дѣлахъ государственныхъ людей, не посвященныхъ въ нихъ, и нашептыванія разныхъ проходимцевъ и шарлатановъ. Больше того: онъ самъ заговаривалъ о вопросахъ внутренней политики съ тѣми, кому выпало лицедрѣть его.

Но здравыя сужденія пропускались Николаемъ II мимо ушей, а вздорныя мнѣнія темныхъ личностей просачивались въ его мозгъ и принимались имъ къ свѣдѣнію и исполненію. Онъ внималъ совѣтамъ международныхъ аферистовъ, въ родѣ гипнотизеровъ Папюса и Филиппа и невѣжественнаго „старца“ Распутина.

Среди другихъ предсталъ однажды предъ царскія очи покойный климатологъ и инженеръ Н. А. Демчинскій. Доступъ въ царскую резиденцію открыли Демчинскому его опыты съ пресловутой „грядковой культурой“ и предсказанія погоды. Его теоріей о такъ-называемыхъ лунныхъ узлахъ заинтересовались въ сферахъ, и царь пожелалъ видѣть у себя климатолога. Это было въ эпоху временщика В. К. Плеве, сугубо охранявшаго царя отъ всякихъ внѣшнихъ вліяній.

Пріемъ Демчинскаго Николаемъ II состоялся безъ какого-либо участія Плеве.

Выслушавъ сообщеніе Демчинскаго объ его теоріи предсказанія погоды, Николай II неожиданно спросилъ его:

— А какъ вы полагаете: долженъ ли я въ своей политикѣ идти по пути реформъ моего дѣда Александра II?

Какъ ни неожиданъ былъ вопросъ царя, — Демчинскій нашелся. Опытный публицистъ-практикъ, кото-

рому не разъ приходилось высказываться печатно по вопросамъ внутренней политики, прибѣгнувъ къ аллегоріи, чтобы быть болѣе понятнымъ своему не очень проницательному собесѣднику.

— Если влить въ глиняную или стеклянную посуду воду и заморозить ее, — сказалъ, онъ, — то посуда непременно дастъ трещину, ибо образовавшійся ледъ будетъ напирать на стѣнки ея. То же мы наблюдаемъ и въ мірѣ общественныхъ явленій. То, что у насъ принято называть крамолою, есть въ сущности физическій законъ.

Демчинскій говорилъ въ этомъ направленіи аллегоріями.

Казалось, что Николай II какъ-будто проникся его мыслями.

— Изложите мнѣ все сказанное вами письменно, въ видѣ записки, и представьте мнѣ, — сказалъ царь.

Демчинскій не замедлилъ составить требуемую записку, въ полной увѣренности, что его слова упали на благородную почву. Въ запискѣ этой онъ указывалъ на необходимость Земскаго Собора. По тогдашнему времени, когда властвовалъ всеильный Плеве, идея о Земскихъ Соборахъ и вообще о народномъ представительствѣ являлась очень смѣлой. Записку Николай II передалъ Плеве, которому приказалъ вызвать для бесѣды автора ея и доложить ему потомъ, къ чему она привела.

Въ одно прекрасное урро Демчинскій получилъ приглашеніе пожаловать къ министру внутреннихъ дѣлъ, и тотъ вступилъ съ нимъ въ продолжительную бесѣду.

Съ мѣста въ карьерѣ всеильный временщикъ заявилъ, что онъ считаетъ себя „старшимъ городовымъ“, которому надлежитъ строго охранять существующій порядокъ, и что по этой причинѣ онъ не можетъ допустить, чтобы царю внушались всякія вольныя мысли, идущія вразрѣзъ съ охраняемымъ имъ режимомъ.

Отъ словъ Плеве перешелъ къ дѣлу и принялъ мѣры, чтобы Демчинскій не зачастилъ въ царскую резиденцію. Климатологъ видѣлъ еще разъ Николая,

чтобы поблагодарить его за выданную по его распоряженію субсидію на изданіе журнала „Климатъ“.

Земскій Соборъ созванъ не былъ, а царь продолжалъ идти по стопамъ не дѣда, а отца, какъ это внушалось ему Плеве и другими совѣтчиками.

Первымъ любимцемъ, возлежавшимъ близъ сердца царева, былъ „Дурново-Бразильскій“, прозванный такъ за свою „выемку“ документовъ изъ стола бразильскаго посланника и вылетѣвшій со службы съ выразительной резолюціей Александра III.

Довѣріе Николая II Дурново сохранилъ недолго и передалъ свой постъ министра внутреннихъ дѣлъ несомнѣнно благополучно нынѣ здравствующему Горемыкину.

Этотъ дѣятель считался специалистомъ по крестьянскому вопросу, но на дѣлѣ избралъ себѣ другую спеціальность—женщинъ.

Онъ открыто потащилъ за собой мужей своихъ приятельницъ, раздавъ имъ мѣста, сообразно достоинствамъ каждой изъ нихъ.

На докладахъ старый жуиръ имитировалъ сцены, устраиваемыя ему возлюбленными, когда онѣ сомнѣвались въ прочности своего положенія, и однажды разыгралъ при царѣ настоящую истерику, направивъ ручьи слезъ противъ Витте“.

Надо сказать, что передъ тѣмъ Витте сильно подвелъ Горемыкина, рассказавъ царю о сношеніяхъ того съ капиталистомъ Джексономъ, поддерживающимъ „благодарностями“ проектъ проведенія въ столицѣ метрополитѣна.

Далѣе замелькала плеяда вліятельныхъ въ разные моменты министровъ, въ родѣ, напримѣръ, Т. Филиппова, „государственнаго контролера и интригана, собиравшаго одновременно и сплетни, и старинныя русскія пѣсни“.

Несравненно большими „качествами“ обладалъ министръ внутреннихъ дѣлъ Сипягинъ, извѣстный, какъ тонкій поваръ и ханжа, одаренный при этомъ вкусомъ къ предметамъ барскаго обихода“, такъ что при вступленіи на послѣдній постъ позаботился скопировать министерскую столовую съ московской Грановитой палаты, для чего туда были командиро-

ваны архитекторъ и чиновники на казенный счетъ.

Изъ проведенныхъ имъ въ жизнь государственныхъ мѣропріятій особенно были замѣчательны земскіе стражники, въ отношеніи которыхъ онъ одно время серьезно подумывалъ даже о своего родѣ гербѣ для нихъ, заимствовавъ его идею отъ опричниковъ Ивана Грознаго, возившихъ съ собой, какъ извѣстно, собачью голову и метелку, что должно было намекать на собачью преданность царю и готовность вымести всякую крамолу.

Слѣдующимъ министромъ внутреннихъ дѣлъ былъ „сынъ бѣднаго калужскаго аптекаря, ногами мѣсившій грязь большой дороги, возвращаясь домой на учебныя вакаціи“.

Плебей, онъ затаилъ навсегда презрѣніе въ родовитости и любилъ ставить глуповатыхъ губернаторовъ и предводителей дворянства въ неловкое положеніе, задавая имъ недоступные ихъ пониманію вопросы.

Хорошій юристъ, онъ зналъ цѣну облику законности, хотя бы она прикрывала, какъ венеціанскіе дворцовыя фасады, грязь каналовъ, гнусность провокаціи и заказныхъ ревизій.

Хитрый, знающій администраторовъ, Плеве притворился предъ всякимъ нужнымъ ему человѣкомъ искреннимъ слугою родины и народа и любилъ въ туманныхъ выраженіяхъ обнаруживать якобы таившіяся въ немъ залежи либеральнаго золота, на дѣлѣ бывшаго лишь колчеданомъ“.

На министерское кресло Плеве перешелъ съ мѣста государственнаго секретаря, развернувъ здѣсь свои недюжинныя способности.

Стоя на вытяжку передъ царемъ на засѣданіяхъ Государственнаго Совѣта, онъ пронизывалъ его своимъ острымъ, хищнымъ взглядомъ, въ то время, какъ его отточенные періоды бюрократической рѣчи сами собою укладывались стройными рядами въ разсѣянномъ мозгу Николая.

Засѣдающіе по обѣ стороны царя министры и первые чины государства слушали въ гробовомъ молчаніи гипнотизирующіе доклады рѣчистаго государственнаго секретаря, но сквозь почтительныя ихъ фізіо-

номіи и позы ясно сквозила затаенная завистливая мысль: „видимъ, куда мѣтишь, голубчикъ“.

Однимъ изъ величайшихъ грѣховъ всесильнаго Плеве передъ народомъ было его энергичное содѣйствіе возмутельной аферѣ Абазы, Павлова и Безобразова, спекулировавшихъ на корейскихъ лѣсныхъ концессіяхъ и вызвавшихъ нашъ разгромъ японцами.

Впрочемъ, дальневосточная война вообще входила въ расчеты Плеве. Легкими, казалось, лаврами, добытыми въ бояхъ, такъ красиво можно было украсить поблекшій престижъ самодержавія, а всплывшие отъ крови штыки побѣдоносной арміи, влюбленной въ своего верховнаго вождя, такъ серьезно и внушительно угрожаютъ смутѣ и революціи, признаки которой Плеве уже тогда усматривалъ повсюду.

Когда извѣстный А. А. Лопухинъ однажды выразилъ нѣкоторое сомнѣніе въ конечномъ результатѣ затѣяннаго дѣла, Плеве съ не удовольствіемъ замѣтилъ:

— Значитъ, вы считаете, что пятьдесятъ милліоновъ больше ста пятидесяти?

Январь злополучнаго 1904 года кончался. На 19-е назначенъ былъ большой балъ въ Зимнемъ дворцѣ. Войны ждали съ часу на часъ, и всѣ почему-то думали, что царь самъ объявитъ о ней своимъ гостямъ.

За ужиномъ возлѣ царя сидѣла жена покойнаго посла въ Лондонѣ, графиня Бекендорфъ. Вдругъ посреди незначашаго разговора она спрашиваетъ Николая Александровича:

— Ваше величество, будетъ у насъ война съ Японіей?—и добавила:

— Я спрашиваю васъ не изъ любопытства и не какъ жена вашего представителя, а какъ мать. Вѣдь у меня сынъ въ Портъ-Артурѣ на эскадрѣ.

Семейныя чувства тронули царя, и онъ поспѣшилъ отвѣтить:

— Войны не будетъ. Я ея не хочу и сдѣлалъ все, чтобы ея не было.

Характернѣйшій штрихъ для увертливости Николая.

Въ моментъ, когда война была уже безповоротно

рѣшена нами и былъ уже составленъ текстъ высочайшей депеши на имя намѣстника Алексѣева съ приказомъ атаковать японцевъ, если ихъ флотъ явится въ Кореѣ сѣвернѣе 38-й параллели, царь проявилъ свою обычную двойственность, скрывшись за неправду, имъ сказанную, сознательно затемняя истину.

Наконецъ, несчастная война съ Японіей началась...

Десятки тысячъ русскихъ людей проливали кровь на далекихъ поляхъ Манчжуріи во славу лѣсныхъ концессій Абазы и К°.

Внутренніе враги, присосавшіеся къ народному тѣлу, обкрадывали казну съ усердіемъ, достойнымъ лучшей участи.

Одинокіе, заброшенные, продаваемые разными Стеселями, гибли русскіе витязи въ далекомъ чужомъ краю...

А Николай въ это время ѣздилъ по Россіи, служилъ молебны, а въ тайникахъ души глумился надъ народомъ и его страданіями и готовилъ ему новые пути. Его ничего не трогало.

Его не тронула и трагическая гибель „Петропавловска“.

Въ день гибели „Петропавловска“ и Макарова должность министра императорскаго двора, за отпускомъ Фредерикса, временно исполнялъ Рыдзевскій.

Рыдзевскій съ ужасомъ думалъ объ атмосферѣ царскаго кабинета, когда Николай останется съ нимъ наединѣ и дастъ волю обуревающему его отчаянію. Не тутъ-то было...

— Пріѣзжаю я,— рассказывалъ потомъ Рыдзевскій,—оказывается, государь на панихидѣ по Макаровѣ. Ну, думаю, еще хуже вышло. Но вотъ кончается служба. Николай въ морской формѣ возвращается изъ церкви, привѣтливо здоровается со мною, тянетъ за руку въ кабинетъ и говоритъ, указывая на окна, въ которыхъ порхали крупныя снѣжинки:

— Какая погода! Хорошо бы поохотиться... Давно мы съ вами не были на охотѣ. Сегодня у насъ что—пятница? Хотите, завтра поѣдемъ?

Совершенно уничтоженный, Рыдзевскій пробор-

моталь что-то въ отвѣтъ и, скомкавъ свой докладъ, поспѣшилъ откланяться.

Въ пріемной онъ встрѣтился, однако, съ пріятелемъ и нѣсколько минутъ проговорилъ съ нимъ.

А когда спускался по лѣстницѣ въ вестибюль, то въ окно увидѣлъ Николая, стрѣлявшаго въ саду воронъ изъ небольшой винтовки.

Царь всея Руси забавлялся „на досугъ“.

Николая и въ этомъ случаѣ не покидало хладнокровіе, потому что событіе непосредственно его не задѣвало, а какое ему было дѣло до того, что гибли тысячи жизней и миллионы народныхъ денегъ?

Но стоило ему, немного позже, убѣдиться въ томъ, что его „священнымъ прерогативамъ“ угрожаетъ опасность, какъ онъ чуть-ли не впалъ въ истерику.

Подходилъ часъ перваго думскаго засѣданія.

Во дворцѣ готовились къ торжественному пріему обѣихъ палатъ.

Въ тронной залѣ Александра Ѳедоровна сама раскладывала по креслу, на которомъ долженъ былъ сидѣть Николай, эффектными складками горностаевую мантию, совершенно не скрывая злобы и ненависти къ новымъ учрежденіямъ и чуя женскимъ инстинктомъ, что мужъ ея пользуется такою же любовью народа, какъ и она сама.

Началось. Николай вошелъ съ царицей.

Его лицо, съ припухшими вѣками глазъ и съ привычными складками рта, не выражало смущенія.

По окончаніи молебствія царь взомель по ступенямъ трона, присѣлъ на секунду на оставшіяся непокрытымъ порфиною кусочекъ его сидѣнья и, взявъ у Фредерикса листъ бумаги, громко прочелъ свою рѣчь.

Сдержанные крики „ура“ подчеркнули отсутствіе общаго подъема среди депутатовъ.

Ротъ царицы сжался въ злую линію.

Царедворцы рассказывали, что во „внутреннихъ апартаментахъ“ состояніе царскаго духа, подавленное напряженіемъ воли, разрѣшилось спазмомъ горла, и что два часа Николай не могъ произнести ни слова.

Это было тамъ, за кулисами, во „внутреннихъ апартаментахъ“, но предъ лицомъ „людей земли“, открыто признавшими его строй „пагубнымъ и ненавистнымъ“, царь Николай не потерялъ присутствія духа и держался величественно, насколько вообще это опредѣленіе примѣнимо къ нему.

Въ полковничьемъ мундирѣ, съ привычно-застывшей любезной улыбкой и заученно-привѣтливымъ взоромъ стоялъ царь всея Руси предъ выборными людьми своей страны.

Съ воодушленіемъ произнесъ князь Трубецкой свою взволновавшую всѣхъ насъ тогда рѣчь, прибавилъ нѣсколько проникновенныхъ фразъ М. П. Федоровъ. Отвѣтилъ царь...

Было во всемъ происшедшемъ нѣчто, не поддающееся точному опредѣленію словами, но ощущавшееся всѣми депутатами. Трубецкой, какъ натура въ высшей степени нервная, впечатлительная и тонкая, формировалъ, быть-можетъ, правильно мысли товарищей.

— И это царь!—сказалъ онъ съ горечью, опускаясь по пышной дворцовой лѣстницѣ.

Тамъ, наверху, за плотно закрывшимися массивными дверями краснаго дерева, впечатлѣніями дѣлились проще и въ болѣе прямыхъ выраженіяхъ. Ни делегаты не понравились, ни того больше—ихъ рѣчи.

У Александры Ѳедоровны даже рвалось опредѣленіе, отноду не вытекавшее изъ словъ Трубецкого, но характерное для самихъ царей, воображавшихъ себя помѣщиками-вотчинниками:

— Они торгуются!

Дѣйствительно, чего-чего, а правильнаго пониманія существа верховной власти въ Царскомъ Селѣ и въ намекъ никогда не было. Прямо—хозяинъ огромнаго имѣнія, и все.

Когда Булыгинъ, этотъ—по отзыву Дурново—„просто толстый человѣкъ въ креслѣ, который сидитъ и улыбается“, запросился однажды въ отставку, царь сильно вознегодовалъ на такое своеволіе и положилъ на его прошеніи сентенцію:

— У насъ не республика, министры выходятъ

въ отставку не тогда, когда они хотятъ, а когда я хочу.

Свои „интересы“ Николай отлично сознавалъ и защищалъ. Онъ только прикидывался „блаженненькимъ“ тогда, когда дѣло касалось нужды народа.

Правда, онъ довольно своеобразно защищалъ свои интересы, и это обстоятельство и привело его къ нынѣшнему положенію.

Онъ ухитрялся одною рукою отнимать то, что давалъ другою и издавалъ взаимо-противорѣчащіе указы, помѣченные иногда однимъ и тѣмъ же днемъ.

Таковы, напримѣръ, акты 18 февраля 1905 г. — указы Сенату и манифестъ.

Въ указѣ предписывалось Сенату заняться разсмотрѣніемъ поступающихъ отъ частныхъ лицъ и учреждений „видовъ и предположеній по вопросамъ, касающимся усовершенствованій государственнаго благоустройства“, а въ манифестѣ тѣ же лица и учреждения назывались „ослѣпленными гордынею злоумышленными вождями мятежнаго движенія, дерзновенно посягающими на основные устои государства Россійскаго“.

Совѣтъ министровъ, пораженный нелѣпымъ противорѣчіемъ обоихъ актовъ царскосельскаго измышленія, выѣхалъ къ нему въ полномъ составѣ и настоялъ на изданіи второго, опровергающаго указа. Спѣшили такъ, что Сенату посланъ былъ на распубликованіе черновикъ, писанный карандашомъ.

Забастовочное движеніе октябрьскихъ дней привело къ первой Государственной Думѣ. Выборы членовъ ея сложились не такъ, какъ это хотѣлось бы власти.

Витте подаль въ отставку, не рѣшаясь предстать передъ народомъ въ роли предсѣдателя совѣта министровъ.

Царь не сразу отпустилъ ненавистнаго ему челоука, неоднократно посылая ему шпильки по поводу его „неумѣлаго конституціонализма“.

— А что касается до выборовъ, — пишетъ онъ ему однажды своимъ женскимъ почеркомъ, — то вы сами виноваты въ его результатахъ. Это вы потре-

бовали у меня, чтобы правительство не оказывало на нихъ давленія, тогда какъ во всей Европѣ такое давленіе дѣлается.

Кто послѣ этого возьмется утверждать, что Николай былъ безвольной игрушкой въ рукахъ своихъ царедворцевъ?

Вѣрнѣе всего, онъ окружалъ себя лицами, по своимъ нравственнымъ качествамъ болѣе други приближавшимися къ „самодержцу всея Руси“.

О томъ, что Николай игралъ далеко не пассивную роль въ 1905 году, а являлся главнымъ вдохновителемъ поворота въ сторону реакции, — свидѣтельствуется и покойный великій князь Константинъ Константиновичъ въ своихъ запискахъ.

Николай съ ожесточеніемъ противился малѣйшимъ уступкамъ обществу, на которыхъ настаивали нѣкоторые изъ великихъ князей, въ томъ числѣ и Михаилъ Александровичъ.

Открытіе первой Гос. Думы считалось послѣднимъ актомъ революціи. Съ часу на часъ ожидали, что Таврическій дворецъ объявитъ себя Учредительнымъ Собраніемъ, а войска — свободными отъ присяги.

Великій князь Алексѣй Александровичъ все свое состояніе въ 9.000.000 руб. перевелъ за границу.

Сергѣй Михайловичъ держалъ день и ночь наготовѣ лошадей въ продолженіе мѣсяца, спалъ всегда одѣтымъ.

Всѣ представлявшіяся царю депутаціи предварительно обыскивались.

Паника дошла до послѣднихъ предѣловъ. Николай II боялся выходить за ворота дворца въ петергофскомъ паркѣ. Въ его кабинетѣ и спальнѣ были устроены секретныя двери въ тайные лабиринты — проходы въ казармы охраны.

10 мая 1906 года всѣ находившіеся въ Петроградѣ члены императорской фамилии ночью были вызваны въ Петергофъ. Изъ постороннихъ семья Романовыхъ получилъ приглашеніе одинъ Бирилевъ, на которомъ лежала охрана царской резиденціи. Предсѣдателемъ фамильнаго совѣта былъ избранъ Михаилъ Николаевичъ, какъ старѣйшій изъ великихъ

князей. Константинъ Константиновичъ велъ секретарскую часть и записывалъ главнѣйшія рѣчи.

Царь разсказалъ, что Муромцевъ прислалъ ему отвѣтъ на тронное привѣтствіе, гдѣ требуетъ широкаго парламентскаго строя. Горемыкинъ совѣтуетъ распустить Гос. Думу. Владимиръ Александровичъ предложилъ подкупить кадетскихъ лидеров обѣщаніемъ чиновъ и наградъ. Принцъ Ольденбургскій — устроить засѣданіе съ министрами и умѣренными изъ членовъ Гос. Думы: Стаховичемъ, гр. Гейденомъ, профессоромъ Шершеневичемъ и даже кн. Павломъ Долгоруковымъ.

Къ концу засѣданія весь въ пыли вошелъ въ комнату великій князь Михайлъ Александровичъ. Онъ говорилъ за необходимость уступить.

— Чему и ради чего уступить?

— Гос. Думѣ и Муромцеву, ради династіи, — отвѣтилъ Михайлъ.

— Никогда, — пишетъ Константинъ Константиновичъ, — я не видѣлъ царя столь возбужденнымъ. Онъ упрекалъ брата въ слабости, стучалъ по столу и кончилъ клятвой скорѣй умереть, чѣмъ отказаться отъ права выбирать и назначать министровъ.

И Николай, конечно, пошелъ своей дорогой, куда влекли его ложная гордость восточнаго владетелина и безпредѣльная жажда власти надъ народомъ, который онъ глубоко презиралъ, считая его матеріаломъ для удобренія самодержавной нивы.

Михаилу онъ не могъ простить этого выступленія противъ прерогативъ короны; онъ ставилъ ему въ вину стремленіе къ перевороту, и дѣло дошло до того, что Михаилу грозило убійство изъ-за угла...

Если подобныя „мѣры“ принимались противъ „неблагонадежнаго“ брата, то уже легко, разумѣется, объяснить кошмарный терроръ, царившій въ Россіи послѣ роспуска 1-ой Государственной Думы...

Мы не забыли цѣлаго лѣса висѣлицъ, воздвигнутыхъ по приказу кроваваго Николая.

Кровь стынеть въ жилахъ при воспоминаніи о томъ, что творилъ Николай въ своей „вотчинѣ“ въ дни 1905 года...

Достаточно вспомнить, при какихъ обстоятель-

ствахъ былъ убитъ царскими опричниками народный герой лейтенантъ Шмидтъ, чтобы лишній разъ убедиться въ томъ, съ какой холодной расчетливостью, съ какимъ звѣрствомъ расправлялся бывший царь съ лучшими гражданами страны, стремившимися къ народному благу, желавшими видѣть страну и народъ свободными.

Во время подавленія возстанія 1905 г. лейтенантъ Шмидтъ былъ схваченъ и заключенъ подъ арестъ на одномъ изъ броненосцевъ черноморскаго флота.

Офицеры броненосца, еще нѣсколько дней тому назадъ сочувствовавшіе движенію, теперь рѣзко измѣнили фронтъ и, чтобы загладить свою вину передъ самодержавнымъ царемъ, они подвергли арестованнаго Шмидта жестокому истязаніемъ. Въ одномъ бѣльѣ Шмидтъ былъ привязанъ къ палубѣ броненосца веревками, и офицеры били по очереди его по лицу, плевали въ глаза и, издѣваясь, кричали:

— Гдѣ же твои товарищи? Почему тебя не спасаютъ?..

Передъ связаннымъ, безпомощнымъ человѣкомъ они кричали, чтобы досадить ему:

— Да здравствуетъ самодержавіе и нашъ обожаемый монархъ Николай II.

Лейтенантъ Шмидтъ молча вынесъ эти издѣвательства.

Когда онъ былъ отданъ подъ военно-морской судъ и объ этомъ стало извѣстно его роднымъ, его сестра г-жа Избашъ экстренно выѣхала въ Петроградъ, чтобы тамъ ходатайствовать о смягченіи участи брата. По пріѣздѣ въ Петроградъ она обратилась къ всеильному тогда премьеръ-министру С. Ю. Витте, которой принялъ просительницу очень милостиво и обѣщаль добиться или отмѣны казни, или отсрочки. Какъ потомъ выяснилось, С. Ю. Витте вступилъ въ упорную борьбу съ генераломъ Треповымъ и съ матерью царя Николая Маріей Фёдоровной, которые настаивали на казни лейтенанта. На этотъ разъ побѣда осталась на сторонѣ Витте. Онъ вызвалъ г-жу Избашъ и сообщилъ ей, что въ сферахъ ему было обѣщано замѣнить казнь Шмидту вѣчнымъ заточеніемъ. Однако, черезъ три дня С. Ю. Витте сно-

ва вызвалъ г-жу Избашъ, и когда та прїѣхала къ нему, онъ встрѣтилъ ее страшно взволнованной.

— Простите меня. Я обманутъ!..

И, глухо застонавъ, онъ опустился въ кресло. Пораженная такимъ сообщеніемъ, г-жа Избашъ потеряла сознание и потомъ, очнувшись, она увидѣла, что Витте плачетъ.

— Да, меня обманули! Всѣ обманули и онъ... государь!..

Николай самъ отдалъ распоряженіе о казни Шмидта...

Г-жа Избашъ экстренно выѣхала въ Севастополь, но уже не застала своего брата въ живыхъ. Онъ былъ казненъ за два дня передъ этимъ. Послѣ казни съ громадными усилиями г-жѣ Избашъ удалось выручить отъ жандармовъ платокъ и маленькую икону, которые были у Шмидта въ моментъ казни. Несмотря на всѣ просьбы и мольбы, г-жа Избашъ такъ и не могла узнать, гдѣ похороненъ ея братъ. И только путемъ разспросовъ, она узнала нѣкоторыя подробности убійства Шмидта. Перевезенный на островъ Березань, Шмидтъ былъ привязанъ къ столбу, впереди котораго была вырыта глубокая яма. Онъ былъ безъ фуражки, босой и въ одномъ бѣльѣ. Его должны были разстрѣлять моряки, которыми командовалъ офицеръ, школьный товарищ казеннаго. Передъ казнью Шмидтъ крикнулъ офицеру-товарищу:

— Сережа, только прямо въ сердце!.. Да здравствуетъ конституція!

Онъ хотѣлъ что-то еще сказать, но затрещали барабаны, раздался залпъ, и вся грудь несчастнаго была изрѣсечена пулями. Матросы перерѣзали веревки, сбросили трупъ въ яму, сорвали столбъ, засыпали могилу, утрамбовали землю, а потомъ по могилѣ прошли войска съ музыкой и знаменами.

Все было сравнено, и до послѣдняго времени никто не зналъ, гдѣ находилась могила лейтенанта Шмидта.

Николай упорно проводилъ свою политику, совершенно игнорируя совѣты и указанія тѣхъ немногихъ честныхъ людей, которые имѣли доступъ ко двору.

А такіе люди все-таки находились даже и въ то темное безпросвѣтное время.

Николай, съ застывшей улыбкой на устахъ, добродушно выслушивалъ ихъ „рѣзкости“, милостиво успокаивалъ ихъ, и все продолжалось по-старому.

О революціонныхъ дняхъ 1905 г. передаютъ слѣдующія интересныя подробности:

Бывшій министръ внутреннихъ дѣлъ Дурново получилъ отъ подчиненныхъ ему губернаторовъ списки чиновъ магистратуры, какъ-то: прокуроровъ, предсѣдателей палатъ и судовъ, которые за неблагонадѣжность подлежали увольненію.

Дурново, напр., потребовалъ отъ Манухина увольненія старшаго предсѣдателя московской палаты Арнольди, прокурора Московскаго суда Давыдова за участіе послѣднихъ въ политическихъ митингахъ.

Къ этому времени также разыгрался инцидентъ съ минскимъ губернаторомъ Курловымъ, котораго арестовалъ прокуроръ минскаго суда.

Шефъ жандармовъ Дурново добился у Николая II, чтобы въ Царскомъ Селѣ, подъ предсѣдательствомъ самого бывшаго царя, было устроено специальное совѣщаніе, посвященное русскому суду.

Слово было предоставлено на совѣщаніи Дурново. Онъ выступилъ съ обвинительной рѣчью по адресу судей, обвиняя русскую юстицію въ нарушеніи законовъ, въ томъ, что она потворствовала революціонному движенію и требовалъ принятія самыхъ рѣшительныхъ мѣръ вплоть до отрѣшенія и преданія суду всѣхъ безъ исключенія предсѣдателей магистратуры, которые выносятъ оправдательные приговоры по политическимъ дѣламъ.

Затѣмъ слово было предоставлено премьеру гр. Витте, но послѣдній искусно уклонился отъ полемики.

Отказъ гр. Витте выступить съ рѣчью объясняется тѣмъ, что премьеръ, съ одной стороны, не желалъ разставаться съ Манухинымъ, а съ другой—боялся Дурново, который къ тому времени сталъ подкапываться подъ него.

Манухинъ въ самыхъ рѣшительныхъ выраженіяхъ отвергъ заявленія Дурново и, кромѣ того, рѣши-

тельно заявилъ, что послѣ того, что здѣсь произошло, онъ не можетъ оставаться во главѣ министерства юстиціи.

— Я,—говорилъ Манухинъ,—не могу допустить, чтобы судили русскую юстицію на основаніи какихъ то доносовъ департамента полиціи и провинціальныхъ администраторовъ.

Послѣ рѣчи Манухина Николай II объявилъ засѣданіе закрытымъ.

Затѣмъ царь подошелъ къ Манухину и, подавая ему руку, сказалъ:

— Я доволенъ результатами совѣщанія.

Манухинъ отрѣзалъ буквально слѣдующее:

— Вы, ваше величество, довольны, а я не доволенъ. Ходатайствую объ отставкѣ.

Николай сталъ убѣждать Манухина не покидать своего поста, и генераль-прокуроръ подался, но заявилъ царю, что ставитъ условіе: завтра же царь долженъ подписать заготовленный министромъ юстиціи текстъ обращенія къ чинамъ министерства юстиціи, въ которомъ должна содержаться благодарность царя за ихъ ревностную службу родинѣ.

И Николай II, который только-что выслушалъ здѣсь обвинительный актъ Дурново по адресу судей, не долго думая, согласился. На слѣдующій день былъ напечатанъ приказъ бывшаго царя съ благодарностью чинамъ магистратуры.

Дурново пришелъ отъ этого въ ужасъ, а Витте пріѣхалъ на квартиру Манухина, сталъ его поздравлять съ побѣдой.

Однако, Манухинъ здѣсь же вручилъ гр. Витте прошеніе объ отставкѣ, заявивъ, что послѣ царско-сельскаго совѣщанія онъ не можетъ оставаться на своемъ посту.

Отставка Манухина не была принята, и ее тянулъ Николай II около 2-хъ мѣсяцевъ.

А когда великій князь Николай Михайловичъ,—явленіе совершенно исключительное по уму, даровитости и подлинному патриотизму въ мужской романовской исторіи, человекъ неустанно боровшійся до послѣднихъ дней съ политикою Николая II и не упускавшій случая высказать царю въ глаза горькую

правду и за это ненавидимый въ Царскомъ Селѣ,— однажды, съ особою энергіею, произнесъ царю страстную филиппику противъ правительственныхъ безобразій, то въ отвѣтъ получилъ классическую фразу убійственного свойства:

— Cela me chatouille.

Его „щекочетъ“.

Какъ видите, Николай не былъ лишенъ и юмора...
Какая роковая шутка!

Какъ продавали Россію.

Передъ войной за границей было издано въ ограниченномъ количествѣ экземпляровъ роскошное изданіе „Исторія царствованія Николая послѣдняго, около 600 страницъ. Книга охватываетъ событія, кончающіяся роспускомъ третьей Думы. Она содержала массу любопытныхъ документовъ и фотографій изъ эпохи 1905 г. Между прочимъ, выдѣляется фотографія чиновъ охраннаго петроградскаго отдѣленія, во главѣ съ бывшимъ начальникомъ полковникомъ Карповымъ, убитымъ при Столыпинѣ на конспиративной квартирѣ при взрывѣ.

Министерство двора предложило заграничнымъ агентамъ скупить изданіе, которое разсылалось проживающимъ за границей дипломатамъ и русскимъ аристократамъ. Правительственнымъ агентамъ удалось скупить около 200,000 экземпляровъ, на что израсходовано свыше 20 тысячъ рублей. Большинство изданія разошлось по рукамъ. Около 40 экземпляровъ находится въ столичныхъ частныхъ бібліотекахъ.

Въ этой книгѣ содержится слѣдующая характеристика Николая послѣдняго.

„Внѣшняя скромность, даже застѣнчивость, печальные глаза и недобрая усмѣшка губъ, чадлоубіе въ кругу собственной семьи и равнодушіе къ всероссійской, подозрительность и вѣра на слово всякому проходимцу, щепетильная обрядность и столоверченіе, открытіе мощей и выписка спиритовъ. Здѣсь не только двойственность, неизбѣжный спутникъ всякой живой человѣческой души; здѣсь просто анархическая смѣсь

разныхъ наклонностей, неустройство мыслительнаго аппарата, машина, гдѣ одни винты ослаблены, другіе—перевинчены, третьи—растеряны, зло сверху расходится концентрическими кругами, докатываясь до самыхъ мелкихъ корней всей системы“.

А направленіе всей этой системѣ давалъ неизмѣнно самъ Николай.

Если онъ не всегда осмотрительно дѣйствовалъ въ отношеніи угрожавшихъ потерю частей Россійской территоріи, то финансовые вопросы иногда находили въ немъ бдительнаго толкователя.

Формулировка ихъ, правда, бывала иной разъ преоригинальная. Руководящіе принципы установились въ духѣ времени царственными словами:

— Если городской возьметъ триста рублей, то это взятка, а если тридцать—дополненіе къ содержанію.

„Дополненіе къ содержанію“ въ обиходѣ гранд-сенъеровъ и синъоринъ, со связями“ колебались въ зависимости отъ многихъ причинъ.

Если для городского „дополненіемъ къ содержанію“ являлась сумма въ 30 рублей, то для министра миллионная взятка никакъ не могла считаться взяткой, а являлась просто „дополненіемъ къ содержанію“, а тѣмъ болѣе не могли считаться взятками „посторонніе доходы“, выпадавшіе на долю Кшесинской, великихъ князей и всѣхъ фаворитовъ, „имѣвшихъ счастье“ присосаться ко двору.

А откуда шли эти „дополненія къ содержанію“,— является просто празднымъ вопросомъ, т. к. деньги запаха не имѣютъ и на золотѣ нѣмецкомъ нѣтъ пятенъ.

Конечно, многіе изъ высокопоставленныхъ нѣмецкихъ шпионовъ въ Россіи не унизились до того, чтобы брать деньги въ уплату за свое предательство, но тѣмъ больше вреда принесли они Россіи, т. к. они дѣйствовали по моральнымъ побужденіямъ изъ любви къ своей любимой родинѣ... Германіи...

Послѣдніе годы царствованія Николая Романова— это сплошной кошмаръ, сумасшествіе, вакханалія. Развратникъ Распутинъ, наперсникъ Александры Феодоровны и придворныхъ дамъ, въ родѣ Вырубовой, наложилъ послѣдніе мазки на династію, и, спасая

ее, Дмитрій Павловичъ и Юсуповъ пытались убійствомъ старца, несомнѣннаго германскаго агента, спасти еще положеніе и предотвратить катастрофу.

Но было поздно.

Первое преступленіе Николая Романова и его клеветовъ и величайшее при этомъ преступленіе— это измѣна и предательство. „Нѣмкинь мужъ“ и Александра Феодоровна больше заботились объ улучшеніи участи нѣмецкихъ плѣнныхъ въ Россіи, чѣмъ о русской арміи и побѣдѣ. Во дворцѣ свили себѣ гнѣздо предательства и шпионажъ. Когда осенью 1914 года военное развѣдочное бюро обыскивало высокія зданія въ Петроградѣ и окрестностяхъ, отыскивая безспорно существовавшія радиотелеграфныя шпионскія станціи (ихъ телеграммы перехватывались нами, но мѣстопробываніе станцій было неизвѣстно), то властямъ, производившимъ разслѣдованіе, пришлось притти къ выводу, что есть нѣмецкія шпионскія станціи въ Царскомъ Селѣ. Разслѣдованіе пришлось прекратить.

Народная молва недаромъ считала Царское Село гнѣздомъ нѣмецкаго шпионажа. Придворная партія наша преимущественно нѣмецкая. Министръ императорскаго двора баронъ Фредерикъ не умѣлъ говорить по-русски, а только по-нѣмецки. Извѣстно, что двадцать пять процентовъ чиновъ второго класса— нѣмцы. Плачевная роль фонъ-Штюрмера въ качествѣ министра иностранныхъ дѣлъ общеизвѣстна. Онъ упорно влекъ Россію къ позору сепаратнаго мира съ Германіей. Союзная пресса обвиняетъ его, что онъ выдавалъ Германіи наши военныя и дипломатическія тайны. „Только идиотъ или государственный измѣнникъ могутъ вести, себя какъ Штюрмеръ“!—воскликнулъ о немъ одинъ изъ нашихъ пословъ въ Европѣ.

Министръ внутреннихъ дѣлъ А. Н. Хвостовъ, который былъ уволенъ въ отставку за то, что поставилъ своей цѣлью развести Николая и Александру и убить Распутина, открыто говорилъ своимъ близкимъ, что у него есть документы, уличающіе дворъ въ сношеніяхъ съ Берлиномъ. Также открыто говорилъ Хвостовъ и о томъ, что Распутинъ окруженъ нѣмецкими шпионами, передающими всѣ дворцо-

выя и военныя тайны, узнававшіяся отъ вѣчно пьянаго „старца“, немедленно въ Берлинъ. И, конечно, Хвостовъ, самъ принадлежавшій къ той же шайкѣ темныхъ силъ, ограничился только разговорами и ровно ничего не дѣлалъ, чтобы помѣшать нѣмецкимъ шпионамъ, застѣвшимъ на русскомъ олимпѣ, продолжать свою гнусную работу.

Дѣло шпиона Мясоѣдова было только пріоткрыто. Если разслѣдовать его въ глубину, то шпионскія нити протянутся далеко вверхъ, къ правящимъ, къ министерствамъ, къ дворцамъ.

Яркая нить протянулась къ дѣятельности Сухомлинова, который, еще будучи кievскимъ генераль-губернаторомъ, окружилъ себя нѣмецкими шпионами. Его ближайшимъ другомъ, съ утра и до ночи бывавшимъ въ его домѣ, былъ родственникъ его жены Альтшилеръ, оказавшійся начальникомъ австрійской контръ-развѣдки. Наша контръ-развѣдка хорошо знала это обстоятельство, но не предпринимала никакихъ мѣръ, оправдываясь тѣмъ, что пока Альтшилеръ дѣйствуетъ подѣ тайнымъ нашимъ надзоромъ, каждый шагъ его извѣстенъ. Этотъ Альтшилеръ узналъ и выдалъ Австріи помощника начальника генеральнаго штаба австрійской арміи полковника Ридля, бывшего нашимъ тайнымъ агентомъ и прекрасно освѣдомлявшаго нашъ штабъ объ австрійскихъ дѣлахъ.

Вмѣстѣ съ Альтшилеромъ, сначала въ Кіевѣ, а потомъ въ Петроградѣ, около Сухомлинова ютилась шайка другихъ австрійскихъ и германскихъ шпионовъ, которые были въ то же время поставщиками на го военнаго министерства и поэтому знали всѣ секреты оборудования нашей арміи. Одинъ изъ этихъ поставщиковъ-шпионовъ былъ арестованъ весной 1915 года въ Москвѣ, но, по приказанію Сухомлинова, освобожденъ.

Теперь уже документально установлено, что берлинскіе шпионы жили душа въ душу съ русскими охранниками и нити ихъ дѣятельности сходились въ Царскомъ Селѣ.

Если кто-либо хотѣлъ-бы стать поперекъ дороги берлинскимъ шпионамъ, на помощь являлась русская

охранка и „обезвреживала“ дерзкаго. Не останавливались и предѣ преступленіемъ.

Во французской печати появился цѣлый рядъ разоблаченій, выясняющихъ подробности, связанныя съ убійствомъ П. А. Столыпина.

Цѣлый рядъ любопытныхъ, чтобы не сказать болѣе, совпаденій какъ-будто даетъ возможность слегка приподнять завѣсу надъ тайной, до сихъ поръ не разгаданной, этого террористическаго акта, совершеннаго агентомъ охранки, провокаторомъ Богровымъ.

Такъ, на примѣръ, теперь выясняется, что первое покушеніе на Столыпина, на Аптекаарскомъ островѣ, состоялось случайно въ тотъ же день, когда вернулся въ Петербургъ жандармскій офицеръ, командированный-было Столыпинымъ въ Эйдкуненъ произвести слѣдствіе о дѣятельности полковника Мясоѣдова. Въ ожиданіи доклада о результатахъ слѣдствія Мясоѣдовъ былъ временно отстраненъ отъ исполненія служебныхъ обязанностей.

Офицеръ этотъ, производившій слѣдствіе, былъ убитъ при взрывѣ, прежде чѣмъ онъ успѣлъ сдѣлать Столыпину докладъ о результатахъ своей развѣдки.

Еще тогда, какъ извѣстно, Мясоѣдовъ уже успѣлъ пробудить къ себѣ подозрѣнія.

Какъ бы то ни было, но смерть офицера, производившаго разслѣдованіе въ Эйдкуненѣ, спасла Мясоѣдова, который послѣ нѣкотораго промежутка времени снова вернулся къ власти.

Когда же П. А. Столыпинъ прибылъ осенью 1911 г. въ Кіевъ, то снова начала угрожать опасность не только Мясоѣдову, но также и всему гнѣзду германскаго шпионажа, блестяще организованнаго главой германской „развѣдки“ Альтшиллеромъ, который былъ въ близкихъ отношеніяхъ съ семьей бывшего военнаго министра Сухомлинова и который, несомнѣнно, узналъ о разоблаченіяхъ всѣхъ этихъ лицъ, оказавшихся предателями, сдѣланныхъ А. И. Гучкову генераломъ Ивановымъ.

Былъ ли П. А. Столыпинъ въ курсѣ этихъ разоблаченій или, гг. Мясоѣдовы, Сухомлиновы и К^о опа-

сались, что онъ въ любую минуту узнаеть объ ихъ предательствѣ, но какъ бы то ни было, смерть Столыпина спасла еще разъ Мясоѣдова и помѣшала раскрытію этой преступной банды.

Извѣстенъ случай, когда на выручку арестованному германскому шпиону успѣшила явиться сама бывшая царица Александра Феодоровна.

4 августа 1914 г. въ Москву впервые послѣ объявленія войны прибылъ съ семьей, многочисленной свитой и почти со всѣмъ составомъ совѣта министровъ бывший царь Николай II.

5 августа, въ 5 час. утра, въ большомъ кремлевскомъ дворцѣ, подъ предсѣдательствомъ Николая II, состоялось засѣданіе совѣта министровъ.

Въ 4½ час. утра того же 5 августа военный министръ ген. Сухомлиновъ экстренно вызвалъ по телефону во дворецъ бывшаго пристава Городского участка подполковника Добровольскаго.

Подполковникъ Добровольскій прибылъ во дворецъ въ 6-мъ часу утра, когда засѣданіе совѣта министровъ уже началось. Однако о прибытіи пристава по экстренному вызову военного министра было доложено предсѣдательствующему въ совѣтѣ Николаю II, и ген. Сухомлиновъ, оставивъ залъ засѣданія, вышелъ въ приемную. Здѣсь онъ передалъ подполковнику Добровольскому визитную карточку арестованнаго и содержащагося въ Крутицкихъ казармахъ германскаго поданнаго Августа Форбаха и приказалъ передать градоначальнику, чтобы Августъ Форбахъ былъ немедленно освобожденъ. „Такова воля государыни Александры Феодоровны“, — добавилъ ген. Сухомлиновъ.

Подполковникъ Добровольскій донесъ о распоряженіи военного министра градоначальнику ген. Адрианову, и, по распоряженію послѣдняго, Августъ Форбахъ былъ тотчасъ же освобожденъ и выѣхалъ неизвѣстно куда.

Кто такой Августъ Форбахъ, какія у него связи и почему въ его освобожденіи была заинтересована Александра Феодоровна, — рѣшительно ничего неизвѣстно.

Нужно надѣяться, что впоследствии и эта тайна будетъ открыта, какъ и многія другія.

Многое нужно еще выяснитъ. Надо выяснитъ, почему царскому правительству Штюмеровъ, Протопоповыхъ, Сухомлиновыхъ не было дѣла до того, что нѣкій баронъ Унгернъ-Штернбергъ, находящійся при ставкѣ, былъ родственникомъ германскаго шпиона барона Карла-Густава-Эрнеста Павловича Унгерн-Штернбергъ, разоблаченнаго въ 1910 г. Кстати, онъ также былъ русскимъ офицеромъ, корнетомъ Драгунскаго ея величества полка.

Когда 12 июня 1910 г. былъ рѣшенъ арестъ этого „корнета ея величества“, онъ былъ задержанъ въ своей квартирѣ по Мойкѣ, 61, т.-е. черезъ два дома отъ квартиры военного министра Сухомлинова.

Царское правительство совершенно пассивно относилось къ уничтоженію важной части архангельскаго порта, и адмиралъ Кергберъ такъ и не нашелъ виновныхъ. А въ „Обществѣ 1914 г.“ виновниковъ называли открыто.

Какимъ образомъ не было разслѣдовано убійство въ зданіи германскаго посольства, гдѣ былъ найденъ трупъ драгомана Альфреда Маврикіевича Катнера? Это было поручено полиціи, и, конечно, полиція много знала, но по чьему-то приказу скрыла подробности и причины убійства, сваливъ все на „буйствующую толпу, громившую зданіе посольства“.

Какая была связь между убитымъ Катнеромъ и петроградскимъ германскимъ вице-консуломъ Карломъ Германовичемъ Вальтеромъ? 24 іюля 1914 г. онъ былъ задержанъ по подозрѣнію въ шпионствѣ, и въ его квартирѣ, въ д. № 45, по Казанской ул., была найдена обширная переписка съ почетнымъ германскимъ консуломъ и агентомъ итальянскаго консульства во Владивостокѣ Датганомъ, съ консуломъ въ Санъ-Франциско Бонномъ, съ секретаремъ германскаго консульства въ Кіевѣ Отто Густавовичемъ Герольдомъ и со Шмидтомъ въ Архангельскѣ.

Всѣ эти люди въ первые же дни войны были заподозрѣны въ обслуживаніи интересовъ Германіи. Тутъ сказались симпатіи высшихъ чиновъ администраціи къ германскимъ агентамъ. Герольда

защищалъ генераль-адъютантъ Сухомлиновъ, Датгана—штабмейстеръ Гондатти, Вальтера—близкій къ Сухомлинову Василий Давидовичъ Думбадзе, арестованный 11 октября 1915 г. по требованію военнаго слѣдователя штаба главнокомандующаго юго-западнаго фронта.

Связь же между убійствомъ Катнера и Вальтеромъ существовала. Какая,—трудно рѣшить. Однако, передъ отъѣздомъ германскихъ дипломатовъ изъ русской столицы отъ Катнера требовали какихъ-то документовъ, переданныхъ ему Вальтеромъ. Кто вызывалъ Катнера изъ дома въ день его убійства?

На эти вопросы отвѣты могли быть даны въ свое время, но ихъ покрыли тайною, удобной для тѣхъ, кто теперь такъ поздно будетъ расплачиваться за свои преступленія. Если бы царское правительство не находилось вмѣстѣ со своей волей и совѣстью въ рукахъ бывшаго царя, Алисы Гессенской, Маріи Мекленбургъ-Шверинской и ихъ преступной камарилли, какъ быстро и совершенно была бы уничтожена германская развѣдка въ нашемъ отечествѣ.

Весь ужасъ именно въ томъ и заключался, что все царское правительство, не отвѣтственное передъ народомъ, было въ полной мѣрѣ отвѣтственно передъ Алисой Гессенской, приказы которой оно безропотно исполняло.

Этимъ и объясняется то обстоятельство, что морской министръ адмиралъ Григоровичъ, исполняя повелѣнія царя (читай: Алисы Гессенской), довелъ флотъ до того жалкаго состоянія, въ которомъ застала его война съ Германіей.

Въ 1911 году, когда уже предстоялъ спускъ нашихъ балтійскихъ дредноутовъ, имѣвшихъ 23 узла хода и новѣйшія орудія въ 12" и строившихся подъ наблюденіемъ англичанъ (заводъ Джонъ Браунъ), Григоровичъ вознамѣрился построить нѣсколько дредноутовъ и для Чернаго моря, которые могли бы противостоятъ возрождавшемуся тогда турецкому флоту.

Въ это же время въ Англии было приступлено къ постройкѣ четырехъ сверхъ-дредноутовъ, съ ходомъ въ 25 узловъ.

Казалось бы, что, принимая во вниманіе уже строящіяся наши балтійскіе дредноуты съ ходомъ въ 23 узла и англійскіе съ ходомъ въ 25,—Григоровичъ былъ бы долженъ строить черноморскіе линейные корабли съ орудіями не ниже 13,5 и съ ходомъ не ниже 28 узловъ, что и было бы прогрессивнымъ типомъ балтійскихъ строившихся въ то время кораблей.

Поятно, черноморскіе дредноуты были построены Григоровичемъ: и съ орудіями лишь въ 12", и съ ходомъ лишь въ 21 узелъ.

Въ результатѣ, какъ это уже общеизвѣстно, имъ было нелегко сражаться даже съ современнымъ линейнымъ крейсеромъ „Гебеномъ“, гдѣ орудія всего въ 11".

Малый ходъ дредноутовъ не позволялъ приблизиться на достаточное разстояніе къ „Гебену“, а меньшій 13,5" калибръ ихъ орудій препятствовалъ успѣшно добросить снаряды въ убѣгающій „Гебенъ“.

Между тѣмъ, если бы черноморскіе дредноуты имѣли ходъ хотя бы въ 23 узла, то они могли бы значительно болѣе сблизиться съ „Гебеномъ“, а если бы имѣли и орудія въ 13,5", то, сблизившись, потопили бы этотъ крейсеръ своими снарядами.

Въ 1915 году Григоровичъ вознамѣрился построить для нашего флота нѣкоторое количество судовъ.

Для этой цѣли Григоровичемъ былъ вызванъ конкурсъ не только между русскими и дружественныхъ Россіи державъ судостроительными фирмами, но и между нѣкоторыми фирмами тогда нейтральныхъ государствъ.

Несомнѣнно, что приглашеніе къ конкурсу фирмъ нейтральныхъ государствъ само по себѣ было уже болѣе чѣмъ неосторожнымъ дѣяніемъ, такъ какъ вообще въ нейтральныхъ странахъ всегда масса агентовъ воюющихъ державъ, и агенты эти обыкновенно (а германскіе—въ особенности) зорко слѣдятъ за всѣми дѣйствіями противной стороны.

Поэтому къ вызову на конкурсъ нейтральныхъ фирмъ можно было бы прибѣгать лишь въ тѣхъ крайнихъ случаяхъ, если безъ этихъ фирмъ совершенно нельзя обойтись.

Въ данномъ случаѣ и тѣни такой необходимости не было, и вполне можно было бы обойтись помощью русскихъ и дружественныхъ намъ державъ фирмъ.

Но это вообще неосторожное дѣяніе б. морского министра Григоровича становится уже явно преступнымъ, если принять во вниманіе слѣдующее обстоятельство.

Какъ высшій начальникъ русскаго морского вѣдомства, Григоровичъ, а также и подвѣдомственные ему морской генеральный штабъ и главное управленіе кораблестроенія, несомнѣнно, должны были бы знать подробно, что представляютъ собою тѣ нейтральныя фирмы, къ которымъ обратились.

Григоровичъ и иже съ нимъ позволили себѣ послать запросы (снабженные чертежами и заданиями) одной изъ нейтральныхъ фирмъ, которая имѣетъ филиальныя отдѣленія какъ въ Германіи, такъ и въ Австро-Венгріи!.

Помимо заданий и чертежей, въ запросахъ этихъ было означено и число потребныхъ судовъ, равно и распредѣленіе ихъ по нашимъ морямъ.

Если германцы, какъ извѣстно, прилагаютъ всѣ старанія и тратятъ бездну денегъ для наилучшей постановки шпионажа, то послѣдствіемъ такого поступка Григоровича и К^о явилось слѣдующее:

По полученіи этой нейтральной фирмой официальныхъ свѣдѣній русскаго морского министерства о числѣ этихъ судовъ и ихъ заданияхъ (и чертежей), все это немедленно было скопировано и тотчасъ же отправлено въ Германію и Австро-Венгрію.

На самыя отвѣтственныя мѣста царизмъ всегда стремился назначить людей, готовыхъ слѣпо служить интересамъ Германіи.

Бывшій начальникъ штаба бывшаго верховнаго главнокомандующаго Николая Николаевича, а затѣмъ помощникъ послѣдняго по должности намѣстника на Кавказѣ, ген. Янушкевичъ является одно изъ тѣхъ личностей, которыя выдвигались на высокіе посты не по заслугамъ или талантамъ, а исключительно по протекціи, руководившей судьбою чловѣка во времена монархическаго режима.

Не будемъ детально разбираться въ авантюристической карьерѣ генерала Янушкевича, а обратимъ лучше вниманіе на одинъ штрихъ изъ его дѣятельности, отмѣченный нашей прессой.

Оказывается, генераль Янушкевичъ причастенъ, къ дѣлу извѣстнаго предателя—шпіона Мясоѣдова о чемъ сообщилъ министру юстиціи нѣкто Фрейнатъ, бывший соучастникъ указаннаго шпіона и содержащійся въ одесской тюрьмѣ.

Если Фрейнатъ приведетъ обоснованныя доказательства виновности генерала Янушкевича, то передъ нами предстанетъ новая картина той подлой измѣны, которая, какъ удушливый газъ, окутала нашу многострадальную армію.

Стремясь свалить съ себя вину за неудачи, бездарность и непредусмотрительность, поставившія армію и все дѣло русскаго фронта въ тягчайшее положеніе, ген. Янушкевичъ свои специфическія дарованія направилъ въ сторону прорыва фронта общенациональнаго мнѣнія. Созданіемъ „кужинскаго“, „маріампольскаго“ и цѣлаго ряда другихъ фальсифицированныхъ процессовъ о мнимыхъ измѣнникахъ ген. Янушкевичъ пытался направить волну народнаго гнѣва по линіи наименьшаго сопротивленія, по испытанному самодержавнымъ режимомъ руслу антисемитизма.

Только этотъ антисемитизмъ романовскаго избрѣтенія и спасалъ всегда русскую монархію отъ народнаго гнѣва. Особенно вѣрную службу антисемитизмъ сослужилъ б. царю Николаю.

Его преступленія были столь очевидны, что ему оставалось только безпрестанно ослѣплять народъ и направлять его по ложному пути.

Но ничто не спасло его, связь Николая съ измѣнниками и его содѣйствіе имъ выяснились съ полной очевидностью.

Въ какой странѣ, въ какомъ царствѣ бывали случаи, чтобы царь благоволилъ къ министру, котораго весь народъ обвиняетъ въ измѣнѣ?

А Николай дошелъ и до этого позора.

Въ своемъ письмѣ къ Сухомлинову онъ пишетъ: „Многоуважаемый Владиміръ Александровичъ, мнѣ

очень тяжело вамъ сообщить, что я пришелъ къ убѣжденію, что, въ интересахъ Россіи и въ цѣляхъ удовлетворенія желанія арміи, необходимо, чтобы вы оставили руководство военнымъ министерствомъ. Послѣ разговора съ верховнымъ главнокомандующимъ я укрѣпился въ этомъ моемъ убѣжденіи. Мнѣ писать вамъ объ этомъ особенно тяжело.

Послѣ разговора, который я имѣлъ съ вами въ день передъ моимъ отъѣздомъ, мнѣ пріятно вспомнить, что въ теченіе нашей совмѣстной продолжительной работы между нами не было никакихъ недоразумѣній. Исторія оцѣнить вашу дѣятельность, и ея судь, быть можетъ, будетъ не такъ строго, чѣмъ судь современниковъ. Искренно уважающій васъ Николай“.

Николай ошибся жестоко. Судъ исторіи оказался очень строгимъ не только для Сухомлинова, но и для самого Николая.

Судъ народа производитъ къ позорному столбу всѣхъ Романовыхъ, всю свою власть использовавшихъ только въ направленіи, вредномъ для Россіи и полезномъ для Германіи.

Ждетъ своего суда и арестованная недавно по приказу Временнаго Правительства бывш. вел. княг. Марія Павловна.

Причина ареста Маріи Павловны, — перехваченная радиотелеграмма; кромѣ того, при обыскѣ у лицъ свиты Маріи Павловны были найдены документы и письма бывшей фрейлины Васильчиковой къ Маріи Павловнѣ.

Содержаніе этихъ писемъ, очевидно, и скомпрометировало великую княгиню.

Такъ какъ Васильчикова не могла добиться приѣма въ Царскомъ Селѣ послѣ того, какъ она была разоблачена Родзянко, передаточной инстанціей между Васильчиковой и Царскимъ Селомъ была Марія Павловна, Васильчикова же, получая директивы изъ Австріи и Германіи, сообщала обо всемъ великой княгинѣ Маріи Павловнѣ.

Марія Павловна „старшая“, рожденная принцесса Мекленбургъ-Шверинская, — вдова Владимира Александровича, родная тетка германской кронъ-прин-

цессы Цециліи, близкая кузина Элеоноры болгарской, рожденной принцессы Рейсъ, равно какъ и принца Рейсъ, германскаго посланника въ Персіи, столь вредившаго русскимъ интересамъ въ этой странѣ, сестра принца Консорта нидерландскаго и знаменитаго Юганна Мекленбургъ-Шверинскаго, немало поработавшаго для возстановленія балканскихъ государствъ противъ Россіи.

Всѣ перечисленные лица являются, такъ сказать, щупальцами Маріи Павловны, чтобы всюду, гдѣ только можно, вредить Россіи.

Карьерой своей эта, одна изъ многочисленныхъ германскихъ принцессъ, наводнявшихъ російскій дворъ, давно прославилась на всю Европу.

Несмотря на ежовыя рукавицы, въ которыхъ Александръ III держалъ своихъ родственниковъ, Марія Павловна вела козни противъ Россіи еще и въ царствованіе „миротворца“, въ каковыхъ была въ 80-хъ годахъ уличена однимъ изъ русскихъ генераловъ, гр. Ш., представившимъ царю письма русской великой княгини къ старому Вильгельму и Бисмарку; за это Александръ III выслалъ жену своего брата за границу, гдѣ княгиня пребыла болѣе года.

Позднѣе нѣмецкіе офицеры подъ веселую руку за кружкой пива въ знаменитомъ „Keiser-Keller“, вспоминая о пребываніи „русской принцессы“, открывничали предъ русскими офицерами: „Слава Богу, что нѣтъ войны съ Россіей, будь война, Марія Павловна принесла бы намъ большую пользу“. (Разсказы объ этомъ передавались русскими офицерами въ первый годъ войны въ нѣкоторыхъ штабахъ; генералы за эти и другія свѣдѣнія о Маріи Павловнѣ благодарили, боязливо озираясь, и дальше этого дѣло не шло).

Въ настоящую войну, близкая уже къ преклонному возрасту, Марія Павловна облеклась въ личину сердобольной матери раненыхъ.

Возмущаясь и критикуя дѣятельность бывшей императрицы, вынося всевозможный соръ изъ большаго двора, „августѣйшая“ филантропка широкою сътью раскинула свою „организацию“ на „нужды“ страждущихъ воиновъ.

Но интересно, кѣмъ комплектовалась эта организация: молодежью, бѣжавшей отъ выстрѣловъ; три четверти этой молодежи носили нѣмецкія фамиліи.

Вопреки всѣмъ законамъ и правиламъ, въ этой организации находили пріютъ молодые, здоровые люди, большою частью состоятельные; особенно много было киевскихъ богатыхъ коммерсантовъ, которые содержали поѣздъ съ питательнымъ пунктомъ на станціи „Столбцы“.

Неоднократно по приказу изъ ставки всѣ способные къ строю убирались съ нестроевыхъ должностей на фронтъ, и мѣра эта распространилась и на организацию Маріи Павловны. Но достаточно было ея телеграммы къ Эверту, какъ, по мановенію жезла, приказаніе отмѣнялось, особенно для „жертвъ“ съ нѣмецкими фамиліями.

Въ минувшемъ году случился въ организациіи конфликтъ, сначала въ хозяйственномъ отношеніи, и нѣкоторые служащіе, видя, что дѣло неладно, стали отказываться отъ завѣдыванія складами; затѣмъ открыто заговорили на минскомъ фронтѣ, что поѣздъ княгини въ „Столбцахъ“ кишитъ шпионами. Вскорѣ поѣздъ убрали въ тылъ.

Внезапныя поѣздки Маріи Павловны по фронтамъ обыкновенно совпадали съ перемѣнами не въ нашу пользу. А ѣздить она любила.

Странное совпаденіе случилось минувшею осенью.

Въ началѣ сентября, когда на южномъ побережьи Крыма мирно лечились увѣчные воины,—гарантированные отъ набѣга „Гебена“ и „Бреслау“, дряхлымъ, но всесильнымъ Фредериксомъ и его „arter ego“, генераломъ Мосоловымъ, по странной случайности, въ концѣ карьеры попавшимъ въ дипломаты,—обнаруженъ былъ въ горахъ радиотелеграфъ, сообщавшійся съ непріятелемъ.

Числа 13—14 сентября прибываетъ въ Ливадію Марія Павловна на 3 дня.

Эти 3 дня растянулись въ недѣли: здѣсь ее одинъ за другимъ посѣщали видные нѣмецкіе колонисты, которые широко открывали передъ княгиней свой кошелекъ на нужды „организациіи“.

Въ этомъ дѣлѣ Мосолову помогать, нынѣ арестованный, бывший охранникъ, а потомъ градоначальникъ Ялты, ген. Спиридовичъ, трогательнымъ единеніемъ котораго съ Кулябкой, коллегой его по убійству Столыпина, умилялась курортная публика.

Объ этой идилліи писалось курсовыми своимъ друзьямъ въ Петроградъ, но письма, очевидно, перехватывались ревностнымъ градоначальникомъ.

Одинъ изъ больныхъ офицеровъ, чувствуя явно дѣятельность нѣмецкаго шпионажа во флотѣ, въ частномъ письмѣ въ концѣ сентября писалъ, что, по его мнѣнію, катастрофа на Черномъ морѣ неизбежна, но письмо было перехвачено, и офицеръ этотъ, подъ предлогомъ несоблюденія госпитального режима, былъ 6 октября, вечеромъ спѣшно увезенъ въ автомобилѣ Спиридовича въ Севастополь на крѣпостную гауптвахту.

7-го, утромъ, офицеръ проснулся въ своей камерѣ отъ оглушительнаго треска, а немного спустя черезъ окно съ желѣзной рѣшеткой увидѣлъ огромный столбъ дыма. То была катастрофа сверхъ-дредноута „Марія“.

Офицеръ отмѣтилъ въ своей записной книжкѣ: „„Марія“ погибла отъ Маріи“.

Погибло много русскаго добра, погибло много свѣтлыхъ возможностей, много надеждъ, но Россія не погибла.

Она сбросила съ себя династію шпионовъ, династію лжи, подлости и разврата и собственными силами пойдетъ по свѣтлому пути достиженія національныхъ и общечеловѣческихъ идеаловъ.

„Внѣшняя политика“ Романовыхъ.

Въ самомъ началѣ войны, произнося съ балкона дворца рѣчь къ жителямъ Берлина, Вильгельмъ, потрясая въ воздухѣ какой-то бумагой, говорилъ: „Вотъ у меня въ рукахъ доказательство вѣроломности русскаго императора“. Но бумаги этой не оглашалъ. Ему нужно было убѣдить свой народъ, что въ войну онъ вѣроломно вовлеченъ. Но окончательно дискредитировать Николая II, видимо, не входило въ его расчеты. Онъ тогда былъ увѣренъ въ

скорой побѣдѣ и, конечно, лучшаго монарха для побѣжденной Россіи не желалъ бы и поддерживалъ бы его всѣми силами. Что же это была за бумага?

Графъ С. Ю. Витте, ненавидѣвшій Николая II, рассказалъ нѣсколькимъ лицамъ о слѣдующемъ обстоятельстве:

Когда Витте возвращался изъ Америки, ему удалось подготовить во Франціи крупный русскій заемъ, при помощи котораго мы могли довольно безболѣзненно ликвидировать финансовыя послѣдствія несчастной русско-японской войны. Въ этомъ займѣ должны были участвовать и германскіе банкиры и на довольно значительную пропорцію. Но именно къ тому времени на европейскомъ горизонтѣ сгустились тучи, и Франція оказалась изъ-за Марокко чуть ли не накануне войны съ Германіей. Французское правительство было страшно встревожено. Витте просили какъ-нибудь воздѣйствовать на Вильгельма, заявляя, что въ случаѣ какихъ-либо франко-германскихъ политическихъ осложненій заемъ для Россіи осуществленъ быть не можетъ. Разумѣется, при такой постановкѣ вопроса достигнутое Витте въ Портсмутѣ въ значительной мѣрѣ склонялось не въ пользу Россіи, и послѣдней грозило банкротство.

Когда Витте былъ въ Потсдамѣ, между нимъ и Вильгельмомъ по вопросу о Марокко былъ поднятъ разговоръ. Витте постарался представить Вильгельму всѣ доводы въ пользу необходимости сдѣлать уступки Франціи. Со свойственной ему аффектаціей Вильгельмъ заявилъ, что въ видѣ, якобы, особаго расположенія къ Витте онъ готовъ склониться на его доводы, въ доказательство чего тутъ же составилъ опредѣленную телеграмму канцлеру.

Конечно, все это было сдѣлано нѣмецкимъ актеромъ со свойственной ему театральностью. Расположеніе и довѣріе тутъ не играли никакой роли, а просто Германія тогда не была готова къ войнѣ и не была въ состояніи мобилизовать въ странѣ необходимые для военныхъ надобностей милліоны и милліарды. Но Витте былъ очень удивленъ, когда послѣ послышки канцлеру телеграммы Вильгельмъ обратился къ нему съ вопросомъ, освѣдомленъ ли онъ о томъ,

что произошло въ Біоркѣ. На его отрицательный отвѣтъ императоръ германскій сказалъ: „Ну, узнаете по возвращеніи домой, а вотъ на память о томъ событіи вамъ въ подарокъ эта группа“, подъ которой онъ и сдѣлалъ надпись съ хронологической датой.

По возвращеніи въ Петроградъ Витте былъ захваченъ цѣлкомъ событіями нашей внутренней жизни. Ему суждено было стать первымъ предсѣдателемъ объединеннаго правительства и, такимъ образомъ, сосредоточить въ своихъ рукахъ власть и законодательную, и исполнительную. Всякій государственный актъ, исходившій отъ монарха, долженъ былъ быть имъ контрастированъ, иначе онъ не получалъ законной силы. Такимъ образомъ, и актъ о портсмутскомъ договорѣ въ то время подлежалъ его контрастированію. И вотъ въ одинъ изъ ближайшихъ дней по вступленіи Витте въ должность предсѣдателя совѣта министровъ онъ получилъ отъ министра иностранныхъ дѣлъ увѣдомленіе, что онъ долженъ поговорить съ нимъ по предмету величайшей государственной важности, и лишь тогда Витте узналъ отъ него о существованіи заключеннаго въ Біорке между двумя императорами оборонительно-наступательнаго договора. Витте былъ до крайности удивленъ и возмущенъ этимъ секретнымъ документомъ, составленнымъ вопреки всѣмъ законамъ политической справедливости и государственной честности и притомъ въ совершенно незаконной формѣ. Противъ кого готовилось выступленіе? Кто контрастировалъ этотъ договоръ? Противъ кого? Очевидно, противъ Франціи, являвшейся всегда въ глазахъ Вильгельма объектомъ всяческихъ вождельнѣй захватнаго порядка,—той самой Франціи, съ которой въ интересахъ ея безопасности отъ германскаго нашествія у насъ имѣлся уже договоръ. Такимъ образомъ оказывалось, что Николай Александровичъ какъ бы игралъ двойную игру, не отдавая себѣ отчета въ ея опасныхъ послѣдствіяхъ и какъ бы не сознавая всего этического достоинства своего предательскаго поступка. Контрастированіе? Подъ актомъ значилась подпись полупьянаго Бирилева и какого-то нѣмецкаго адмирала вмѣсто подписей министровъ иностранныхъ дѣлъ,

въ вѣдѣніе которыхъ долженъ былъ быть переданъ новый актъ соглашенія. По соглашенію съ нашимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ и съ вѣдома одного высокопоставленнаго лица Витте рѣшилъ употребить всѣ мѣры къ тому, чтобы это соглашеніе было уничтожено и признано недѣйствительнымъ. Формальнымъ основаніемъ къ требованію такого уничтоженія было въ его глазахъ отсутствіе соблюденія законной формы. На этомъ Витте уперся и снесся по сему предмету съ Берлиномъ, заявивъ, что если Вильгельмъ не откажется отъ признанія акта недѣйствительнымъ и уничтоженія его, то онъ не контрастируетъ акта о портсмутскомъ договорѣ, что въ то время совершенно не входило въ планы Вильгельма, разстраивало его политическую игру и лишало его поддержки германскихъ банкировъ, заинтересованныхъ въ осуществленіи займа. Въ интересахъ своей экономической политики Вильгельмъ уступилъ, и актъ объ оборонительно-наступательномъ союзѣ, составленный въ Біоркѣ, былъ, по взаимному соглашенію между Берлиномъ и Царскимъ Селомъ, признанъ неосуществленнымъ.

Вотъ, быть-можетъ, та таинственная бумага, говорившая о вѣроломности русскаго императора, которой размахивалъ Вильгельмъ, но содержанія которой все-таки не оглашалъ, чтобы окончательно не погубить своего временнаго врага, прошлаго и будущаго вѣропреданнаго, почти-что слугу.

Этого вмѣшательства Витте въ дѣла внѣшней политики ни Николай, ни Вильгельмъ ему не простили. При дворѣ Витте впалъ въ полную немилость, а когда разразилась братоубійственная война народовъ, Вильгельмъ, зная, что Витте находится въ предѣлахъ Германіи, сдѣлалъ распоряженіе о немедленномъ его арестѣ.

Разсказывая обо всемъ этомъ Витте сказалъ:

„Когда я помру и къ тому представится удобный случай, повѣдаете Россіи о легкомысліи или предательствѣ,—называйте, какъ угодно,—Николая II.

Что касается вывода относительно характеристики русскаго монарха, то предоставляю его сдѣлать на основаніи этихъ данныхъ вашимъ будущимъ чита-

телямъ. Клянусь Богомъ, что все сказанное мною—настоящая правда!“

Въ своихъ мемуарахъ графъ Витте также много говоритъ о губительныхъ послѣдствіяхъ чужихъ совѣтовъ и приводитъ текстъ обращенія Вильгельма II къ Николаю при подавленіи возстанія въ Польшѣ. Вильгельмъ не только требовалъ отъ русскаго царя безпощаднаго подавленія волненій въ Прибалтійскомъ краѣ и въ Польшѣ, но и угрожалъ, „если гвардія русскаго царя не вдолбитъ прикладами идей порядка въ головы подданныхъ“, то онъ пошлетъ для этого своихъ гренадеровъ.

Дѣло въ томъ, что въ связи съ возстаніемъ въ Польшѣ начинались уже беспорядки въ Познани, и мѣстный гарнизонъ получилъ изъ Берлина приказъ дѣйствовать самымъ рѣшительнымъ образомъ. Вильгельмъ II подписалъ даже указъ о введеніи осаднаго положенія.

Въ мемуарахъ покойнаго Витте особенное значеніе придается этимъ коварнымъ совѣтамъ, цѣлью которыхъ являлось желаніе ослабить Россію. Россійскому послу въ Берлинѣ ставились весьма внушительныя требованія освободить нѣмецкихъ агитаторовъ, дѣйствовавшихъ въ Польшѣ и стоявшихъ нерѣдко во главѣ максималистскихъ организацій.

Это были не совѣты, а просто на просто *предписанія* изъ Берлина, которыхъ Николай не смѣлъ не исполнить. До самаго послѣдняго времени Россіей, ея внѣшней и внутренней политикой руководилъ фактически Вильгельмъ II.

Извѣстенъ еще одинъ фактъ изъ дипломатической дѣятельности Николая II, касающійся извѣстной исторіи съ назначеніемъ германскаго генерала Лиманъ-фонъ-Сандерса командующимъ турецкими войсками въ Константинополѣ.

Въ 1912 году, во время потсдамскаго свиданія, Вильгельмъ, за обѣдомъ спросилъ Николая II, не встрѣтится ли съ его стороны препятствій къ назначенію Лиманъ-фонъ-Сандерса командующимъ турецкимъ корпусомъ въ Константинополѣ. Николай II изъявилъ согласіе и здѣсь же, послѣ обѣда подписалъ заранѣе заготовленный текстъ соглашенія. Никто

изъ членовъ русскаго правительства, въ томъ числѣ и министръ иностранныхъ дѣлъ С. Д. Сазоновъ, объ этомъ соглашеніи не зналъ.

Когда фонъ-Сандерсъ переѣхалъ изъ Берлина въ Константинополь къ мѣсту своей новой службы, со стороны Франціи и Англіи послѣдовали энергичныя представленія турецкому правительству съ протестомъ противъ его назначенія. Къ протесту присоединилось и русское правительство. Въ это время въ Берлинѣ, проѣздомъ изъ Парижа, находился бывший предсѣдатель совѣта министровъ графъ В. Н. Коковцовъ. Во время аудіенціи Вильгельмъ обратилъ вниманіе гр. Коковцова на протестъ русскаго правительства противъ назначенія фонъ-Сандерса и выразилъ по этому поводу свое удивленіе, заявивъ: „Кто же у васъ руководить внѣшней политикой? У меня имѣется соглашеніе съ русскимъ императоромъ, который не встрѣтилъ препятствій къ назначенію фонъ-Сандерса, а ваше правительство заявляетъ протестъ противъ рѣшенія своего монарха“. Вильгельмъ тутъ же показалъ Коковцову документъ, подписанный Николаемъ II.

Гр. Коковцовъ отвѣтилъ Вильгельму, что произошло, повидимому, недоразумѣніе, и что согласіе русскаго императора на назначеніе фонъ-Сандерса надо понимать въ томъ смыслѣ, что фонъ-Сандерсъ приглашается турецкимъ правительствомъ лишь въ качествѣ инструктора турецкихъ войскъ.

Вильгельмъ развелъ руками и заявилъ Коковцову: „Стоитъ ли поднимать изъ-за такого пустяка шумъ? Постараемся уладить этотъ непріятный инцидентъ“.

По возвращеніи въ Петроградъ гр. Коковцовъ освѣдомился у С. Д. Сазонова объ историческомъ соглашеніи, которое было заключено въ Потсдамѣ между Николаемъ и Вильгельмомъ. С. Д. Сазоновъ отвѣтилъ полнымъ незнаніемъ, добавивъ, что ему объ этомъ документѣ никто никогда ничего не говорилъ.

Тогда Коковцовъ составилъ докладъ о своемъ разговорѣ въ Берлинѣ съ Вильгельмомъ и представилъ его Николаю II, указавъ при этомъ на необходимость телеграфно сообщить Вильгельму, что потс-

дамское соглашеніе слѣдуетъ понимать только въ томъ смыслѣ, что Лиманъ-фонъ-Сандерсъ приглашенъ въ Константинополь въ качествѣ инструктора.

Николай II на докладѣ Коковцова написалъ: „Я такъ и думаю“.

Затѣмъ Вильгельмъ въ своихъ переговорахъ съ Англіей и Франціей по поводу назначенія фонъ-Сандерса командующимъ константинопольскимъ гарнизономъ ссылался на договоръ съ русскимъ императоромъ.

Бывшему предсѣдателю совѣта министровъ гр. Коковцову и бывшему министру иностранныхъ дѣлъ С. Д. Сазонову стоило многихъ усилій ликвидировать этотъ непріятный инцидентъ.

Затѣмъ Коковцовъ отъ имени совѣта министровъ представилъ Николаю II устный докладъ, смыслъ котораго сводился къ тому, что царя предостерегали заключать какія бы то ни было соглашенія дипломатическаго характера съ иностранными царствующими особами безъ вѣдома министра иностранныхъ дѣлъ.

Это весьма поучительный историческій анекдотъ: ярые сторонники абсолютной неограниченной царской власти пришли къ выводу о необходимости ограничить своего самодержавнаго монарха въ его правахъ...

Николай въ концѣ-концовъ внялъ этому совѣту своихъ министровъ. Но онъ не измѣнилъ направленія внѣшней политики, а вручилъ портфель министра иностранныхъ дѣлъ Штурмеру, который съ радостью согласился, подобно Николаю, въ вопросахъ внѣшней политики, дѣйствовать по директивамъ Вильгельма Прусскаго.

Документально установлено, что при Борисѣ Штурмерѣ наши дипломатическія и военныя тайны становились извѣстными нашимъ врагамъ, одной изъ очередныхъ измѣнъ являлась дѣятельность Штурмера, хотя и кратковременная, по отношенію къ королю Константину.

Изъ найденныхъ документовъ обнаружилось, что дворъ Романовыхъ имѣлъ близкое и дружественное соприкосновеніе съ дворомъ греческаго короля Константина.

Все наши дипломатическія тайны шли отъ предателя, министра Штурмера, черезъ короля Константина въ Германію.

Когда Вензелось сформировалъ временное правительство въ Солуни и хотѣлъ начать агитацію въ пользу республики, которая одна могла бы очистить атмосферу въ Аѳинахъ, онъ неожиданно получилъ указаніе со стороны одной изъ державъ согласія, что *„увеличеніе количества республикъ въ Европѣ русский царь считаетъ нежелательнымъ“*.

— Русский царь не можетъ позволить вмѣшиваться въ вопросы династіи! Устройте манифестаціи въ честь короля.

Вензелось вынужденъ былъ тогда, подъ сильнымъ давленіемъ изъ Петрограда, устроить манифестацію, и въ церквахъ было провозглашено торжественное многолѣтіе Константину.

Этотъ поворотъ, столь губительно отозвавшійся на дѣлѣ моральнаго успѣха союзниковъ въ Аѳинахъ, надо приписать исключительно вліянію вдовствующей королевы эллиновъ, которая въ теченіе всего этого времени имѣла свою сильную партію при русскомъ дворѣ.

Пользуясь родственными отношеніями между двумя династіями, греческая королева, ничѣмъ не стѣняясь, ѣздила въ Россію, интриговала, давала и получала указанія.

Изъ Царскаго Села и Петергофа протягивались невидимыя нити въ Аѳины, по которымъ шли сообщенія, какъ надо держаться.

Когда союзная дипломатія, основываясь на донесеніяхъ командующихъ на македонскомъ фронтѣ, отстаивала необходимость для блага Европы разорить гнѣздо вильгельмовцевъ въ Аѳинахъ, именно бывший царь заявилъ, что вопросы династическіе не должны имѣть ничего общаго съ вопросами политическими.

Въ то время, когда маленький датскій дворъ дѣлалъ все возможное, чтобы удержать Константина въ границахъ приличія, Романовы потворствовали ему во всѣхъ его наглыхъ авантюрахъ.

И главнымъ дѣйствующимъ лицомъ въ Царскомъ селѣ была „высочайшая родственница“ греческая королева.

Ясно, что черезъ нее въ Германію также проносили свѣдѣнія о всѣхъ нашихъ военныхъ планахъ.

Могли ли мы послѣ этого вести войну хоть съ нѣкоторымъ успѣхомъ.

Во главѣ Россіи стоялъ Великій Предатель, который является виновникомъ милліона смертей въ сугробахъ и ущельяхъ Карпатъ, и на равнинахъ Польши.

Романовы и Витте.

Графъ Витте, этотъ „большой человѣкъ“, сыгравшій такую видную роль въ исторіи Россіи, всей душою ненавидѣлъ Николая II. Онъ давно предвидѣлъ гибель династіи Романовыхъ и пророчески, еще 10 лѣтъ тому назадъ, предсказалъ ту „революцію презрѣнія“, которая нынѣ, волею русскаго народа, свершилась.

Николай платилъ ему той же ненавистью. Оба эти лица, царь и его временщикъ, чувствовали другъ къ другу глубокую антипатію. Николай II боялся Витте и не могъ простить ему акта 17-го октября 1905 г. Витте, человѣкъ громаднаго тщеславія и тосковавшій въ своемъ почетномъ отдаленіи отъ власти, все надѣялся, даже до послѣднихъ дней, предшествовавшихъ нынѣшней войнѣ, что пробьетъ его часъ, когда царь снова призоветъ его къ власти и поручитъ ему ту или иную отрасль государственной жизни Россіи. Эта мысль явно сквозила и во всѣхъ бесѣдахъ Витте и отразилась на его поведеніи въ отношеніи Царскаго Села, которое онъ въ интимныхъ бесѣдахъ хотя и съ большою осторожностью порою, а порою съ нескрываемою раздражительностью поносилъ, но передъ которымъ въ своихъ личныхъ отношеніяхъ съ представителями двора онъ склонялся и, пожалуй, трепеталъ. Помимо самого Николая II, къ коему онъ питалъ явное недоброжелательство, у него былъ тамъ непримиримый врагъ въ лицѣ Александры Фѣдоровны, не могшей ему простить одного инцидента, случившагося въ Ливадіи въ 1904 году.

Въ этотъ годъ, въ свою бытность въ крымской резиденціи, Николай II тяжело заболѣлъ, а Витте, находившійся тогда на Дальнемъ Востокѣ по дѣламъ корейско-японскимъ, которыя къ тому времени приняли уже угрожающій для Россіи характеръ, поспѣшили вернуться на родину и прибыть въ Ливадію, куда пріѣхалъ и Куропаткинъ. Два антагониста въ вопросѣ о Дальнемъ Востокѣ встрѣтились въ одной изъ пріемныхъ ливадійскаго дворца, и въ присутствіи тогдашняго министра двора гр. Фредерикса состоялась бесѣда на тему дня—о болѣзни царя и будущемъ Россіи. Царь опасно боленъ, и романовскій престолъ, за неимѣніемъ у Николая II потомства мужского поколѣнія, оставался какъ бы вакантнымъ, могшимъ стать предметомъ посягательства на него со стороны властолюбивой молодой царицы. Куропаткинъ и Фредериксъ не знали, что предпринять, а Витте, совершенно забывъ, что императрица въ послѣднемъ періодѣ беременности, выступилъ съ предложеніемъ немедленно потребовать прибытія въ Ливадію Михаила Александровича и въ случаѣ катастрофы съ царемъ тутъ же объявить его законнымъ наслѣдникомъ престола. О такомъ предложеніи министра финансовъ Фредериксъ довелъ до свѣдѣнія Александры Федоровны, и послѣдняя затаила съ того времени противъ всеильнаго временщика чувство злобы и ненависти, отъ каковыхъ она не могла освободиться до конца дней графа Витте:

— Она мнѣ не прощаетъ моего неосторожнаго предложенія, которое Фредериксъ ей разболталъ.

Обращаясь къ личности Николая II, Витте всегда характеризовалъ его какъ челоуѣка двоедушнаго, не держашаго своего слова и готоваго на всяческія предательства.

— Я ему спасъ въ 1905 г. тронъ и корону, и сдѣлалъ я это не ради него самого, а ради его сына,—ребенка, къ которому я чувствую невольное сердечное влеченіе, отождествляя въ его лицѣ какъ бы образъ моего внука Нарышкина, котораго я обожаю. Я видѣлъ, что вся разъяренная въ 1905 г. общественная стихія готова обрушиться на престолъ и поглотить всю царскую семью, а въ томъ числѣ

неповиннаго въ поведеніи отца и матери ребенка. Тогда-то я при содѣйствіи Оболенскаго и великаго князя Николая Николаевича и выдвинулъ на защиту царя и его сына конституцію 1905 г., и она сдѣлала свое дѣло. Партіи бросились грызть другъ-друга, забывъ о Царскомъ Селѣ. Игра была выиграна, но вмѣсто благодарности Николай II за ограниченіе своихъ правъ затаилъ противъ меня злобу и ненависть и искалъ лишь удобнаго случая, чтобы отъ меня отдѣлаться. Онъ подозрѣвалъ меня въ желаніи узурпировать его власть, установить въ Россіи республиканскую форму правленія и самому мнѣ сдѣлаться первымъ президентомъ Россійской республики. Повидимому, въ этихъ его подозрѣніяхъ онъ встрѣчалъ поддержку со стороны моихъ враговъ, но, конечно, во всемъ этомъ не было и крупинки правды. Какъ-то разъ въ бесѣдѣ графа Витте съ однимъ журналистомъ рѣчь зашла о непрочности здоровья наслѣдника Алексѣя Николаевича, и на вопросъ, кто же, по его мнѣнію можетъ явиться впослѣдствіи претендентомъ на російскій престолъ, Витте, не задумываясь, отвѣтилъ:

— Конечно, только второй сынъ Александра III, мой ученикъ, великій князь Михайлъ Александровичъ. По сему предмету между стариками-юристами, членами Государственнаго Совѣта, происходилъ неоднократный обмѣнъ мнѣній, и явно выжившіе изъ ума старики городили невозможный вздоръ, утверждая, что, будто, въ виду морганатическаго брака Михаила Александровича, престолъ долженъ перейти: по мнѣнію однихъ—въ женскую линію, а по мнѣнію другихъ—къ старшему поколѣнію изъ дома Александра II.

Вопросъ о русскомъ престолонаслѣдіи почему-то очень интересовалъ гр. Витте и даже лѣтомъ 1914 г., накануне войны съ Германіей. Въ свою бытность въ нѣмецкомъ курортѣ онъ выписывалъ себѣ какіе-то историческіе документы и справки изъ Основныхъ законовъ Россійской имперіи. Ясно было, что онъ надъ чѣмъ-то задумывается и чего-то ожидаетъ.

Когда грянула нынѣшняя война и Витте удалось избѣжать нѣмецкаго плѣна, очутившись на берегахъ Невы, онъ былъ чрезвычайно взволнованъ

и подавленъ. Еще весною ему мерещилась надежда быть призваннымъ къ заключенію новаго русско-германскаго договора, къ каковому онъ усиленно готовился, а тутъ вдругъ крупная, видная роль у него вырвалась ходомъ политической жизни Европы. Онъ рвалъ и металъ и противъ Вильгельма, и противъ Николая II. Въ бесѣдѣ съ журналистомъ, указывая на лежавшій у него на полкѣ портретъ Вильгельма съ автографомъ, Витте говорилъ:

— Онъ сумасшедшій, нахаль и трусь. Стоило его только поманить пальцемъ, обѣщать ему нѣкоторыя уступки въ торговомъ договорѣ, и Европа была бы освобождена отъ кровопролитія.

— Не говорить ли въ васъ въ данномъ случаѣ нѣкоторое германофильство, въ которомъ васъ обвиняетъ общественное мнѣніе? Васъ считаютъ другомъ Вильгельма.

— Какой вздоръ! Быть-можетъ, никого въ Россіи Вильгельмъ такъ не ненавидитъ, какъ меня. Я, именно я, а не кто другой, былъ виновникомъ уничтоженія акта о двойственномъ наступательно-оборонительномъ союзѣ, заключенномъ Николаемъ II и Вильгельмомъ въ Бюрке.

И, дѣйствительно, трудно повѣрить въ германофильство графа Витте, о которомъ въ началѣ войны прогремѣли на весь міръ.

Онъ ненавидѣлъ и Вильгельма, и Николая, равно, какъ оба они ненавидѣли его.

Николай ненавидѣлъ Витте прежде всего за то, что наканунѣ 17 октября онъ запугалъ его, топая ногами и разыгравъ сцену притворной истерики въ присутствіи императрицы. Одинъ изъ приближенныхъ къ Витте чиновниковъ рассказывалъ по всему Петрограду, что, пріѣхавъ отъ царя съ докладомъ, Витте хватился за голову, бѣгалъ изъ комнаты въ комнату съ видомъ затравленнаго звѣря. „Имѣть съ нимъ дѣло! О, имѣть съ нимъ дѣло!“—вопилъ Витте.

Пріѣзжаетъ разъ съ докладомъ графъ С. Ю. Витте вскорѣ послѣ опубликованія манифеста 17 октября. Царь принимаетъ его, окруженный свитой, дабы имѣть поддержку въ случаѣ противорѣчій премьера; Витте докладываетъ о необходимости внѣш-

няго займа во Франціи, что было обставлено условіями, касавшимися внутренняго положенія Россіи.

Николай прерываетъ докладъ вопросомъ: „Неужели, С. Ю., вамъ мало дворца на Каменноостровскомъ, или думаете на коммисіонныя купить имѣніе въ Ниццѣ. А впрочемъ прошу продолжать“. Витте продолжать не смогъ, отговорился усталостью.

Немало возмущало графа Витте и „легкое“ отношеніе Николая къ погромамъ, о чемъ мы уже говорили выше.

Есть основаніе думать, что подобное легкое отношеніе къ погромамъ было внушено Царскому Селу, между прочимъ, чтеніемъ пресловутаго московскаго погромнаго листка „Вѣче“.

Объ этой неподобающей связи въ одномъ случаѣ зло обмолвился гр. Витте, когда ему довелось отвѣчать на вопросъ близкаго ему лица, интересовавшагося, какихъ политическихъ убѣжденій вообще придерживался государь.

— Политическія убѣжденія?—сказалъ Витте, и лукавый огонекъ блеснулъ въ глазахъ виды выдавшаго опытнаго бюрократа.—Газету „Вѣче“ знаете?

— Знаю,—пробормоталъ его собесѣдникъ.

— Такъ вотъ вполне соответствуютъ направленію „Вѣче“.

Врядъ ли Витте забылъ при этомъ въ разговорѣ ту форму, въ которой была незадолго до этого констатирована ненужность его услугъ монарху.

На очередномъ докладѣ получена резолюція откровенно не стѣснительная:

— Теперь, когда новый заемъ заключенъ, я могу отпустить васъ, тѣмъ болѣе, что вы жалуетесь на упадокъ силъ.

Разумѣется, Витте оставалось одно—почтительно проглотить оскорбленіе и ступеваться.

Военный и политическій союзъ, въ который сплюю вещей вступили нынѣ Россія и Соединенные Штаты, а равно послѣдовавшій нынѣ переворотъ, десять лѣтъ тому назадъ предсказанъ графомъ Витте.

Доказательство этого мы находимъ въ послѣдней части его мемуаръ, гдѣ покойный премьеръ рассказываетъ о своемъ пребываніи въ Америкѣ въ періодъ

переговоры о мирѣ между Россіей и Японіей. Витте присутствовалъ при весьма знаменательной манифестации, въ кафедральномъ соборѣ Нью-Йорка. Долго срывавшіяся переговоры, грозившія снова перейти въ ожесточенную войну, наконецъ, были налажены и прелиминарный миръ былъ подписанъ. Охваченное энтузіазмомъ, население столицы широкой волною потекло въ храмъ, чтобы возблагодарить Всевышняго за ниспосланную благодать—прекращеніе человѣческой бойни. Къ церкви прибылъ графъ С. Ю. Витте, пѣшкомъ, безъ обычной помпы. Толпа, узнавшая его, по его сѣрой помятой шляпѣ, окружила его густымъ кольцомъ, и всѣ наперерывъ—банкиры, рабочіе, артистки, матросы, негры-чистильщики сапогъ—протягивали ему руку и пожимали ее, матери подносили къ нему своихъ дѣтей. И, взволнованный, не удерживая счастливыхъ слезъ, гр. Витте гладилъ по головкамъ дѣтей и жалъ руку ихъ матерямъ.

— Повѣрьте, мы будемъ большими, большими друзьями,—говорилъ онъ,—ваши дѣти увидятъ болѣе счастливую эпоху союза всѣхъ людей между собою; прекратятся войны, наступитъ миръ всѣхъ народовъ. Быть-можетъ, я этого не увижу, но помяните мое слово: дѣти ваши до этого доживутъ.

„Въ этотъ день,—писалъ въ послѣдствіи графъ,—я испыталъ величайшее счастье. Мнѣ казалось, что я вижу уже въ перспективѣ тѣ пути, по которымъ придетъ бѣдное человѣчество къ миру и къ свободѣ. Я понималъ, я отдавалъ себѣ отчетъ, что американцы по политическимъ причинамъ должны были бы желать дальнѣйшей борьбы между Японіей и Россіей. Несомнѣнно, война грозила Японіи полнымъ истощеніемъ силъ, а Россіи пришлось бы долго лечиться отъ новыхъ ранъ войны. Несомнѣнно, что то разрѣшеніе „проблемы Тихаго океана“, которое рано или поздно должно было наступить, было бы къ большей выгодѣ Америки, если бы оно наступило послѣ завершения борьбы до истощенія обѣихъ воюющихъ странъ... И тѣмъ не менѣе я видѣлъ самое искреннее, самое пламенное желаніе американцевъ прекратить, наконецъ, бойню и по мѣрѣ силъ способствовать торжеству идеалистическихъ, а не материалистическихъ

принциповъ. Это подняло мою вѣру въ хорошую сторону человѣчества и въ способность его, несмотря ни на что, стремиться и къ правдѣ, и къ справедливости, къ братству и единенію... Въ сущности я вѣрую въ это давно“.

Когда заходила рѣчь о взаимномъ непониманіи русскаго и американскаго обществъ, С. Ю. Витте ясно сознавалъ—какая пропасть существуетъ между Америкой и Россіей: абсолютизмъ и республика, просвѣщеніе и народная тьма, свободная самостоятельность гражданъ и русскія колодки мысли, энергія и рабство. Это различіе весьма ярко сказывалось во взглядахъ на еврейскій вопросъ въ Америкѣ и Россіи.

— Я вѣрилъ всегда въ богатые способности евреевъ,—пишетъ Витте,—охотно съ ними совѣтовался, пользовался ихъ сотрудничествомъ, но вся государственная система, не мною созданная, строилась на безправіи отдѣльныхъ націй. А въ Америкѣ я видѣлъ единый свободный народъ, гдѣ каждый гражданинъ равенъ самому себѣ, гдѣ общество не раздѣлено искусственно и гдѣ управлять и созидать легко, опираясь на просвѣщенныхъ гражданъ. Тогда я слышалъ, что между Америкой и Россіей не можетъ быть гражданскаго мира до тѣхъ поръ, пока въ Россіи существуетъ форма государственнаго бытія, противная сама по себѣ свободному духу американцевъ. И тогда я поклялся, что русская монархія либо перестанетъ быть абсолютной, либо вообще перестанетъ быть. Я стремился къ первому, но идеи моей юности властно напоминали мнѣ о второмъ. Я не смѣлъ самому себѣ сознаться въ томъ, что восторжествоуетъ. Я могъ смѣть думать, какъ мнѣ было угодно, но поступать я обязанъ былъ только въ извѣстномъ направленіи, и, когда Россія пробудилась послѣ грома войны, я вырвалъ у *нихъ* манифестъ 17 октября.

Мнѣ пришлось для этого стать передъ ними на колѣни и умолять... Мои молебны о спасеніи этимъ путемъ Россіи не помогали, и я умолялъ ихъ сдѣлать это ради спасенія династіи. О, они никогда мнѣ этого простить не могли...

Въ разговорахъ, которые С. Ю. Витте велъ съ различными выдающимися людьми Америки, онъ

высказывался въ томъ смыслѣ, что введеніе свободныхъ демократическихъ учреждений въ Россіи неизбежно и что если монархія не отвернется отъ народа, то народъ отвернется отъ нея. По крайней мѣрѣ Штраусъ, бывший посланникъ Соединенныхъ Штатовъ въ Константинополь, въ одномъ изъ своихъ писемъ увѣряетъ, что гр. С. Ю. Витте, какъ-то въ бесѣдѣ съ нимъ сказалъ:

— Вы увидите, что двѣ величайшія республики міра: россійскіе и американскіе Соединенные Штаты подадутъ другъ-другу руку черезъ Великій океанъ.

— Неужели вы считаете возможной въ Россіи такую радикальную революцію?—спросилъ чуткій американецъ.

— Ба, да вѣдь мы съ вами бесѣдуемъ на отвлеченныя темы,—спохватился С. Ю.

Его трудно было,—замѣчаетъ Штраусъ,—вполнѣ увлечь для бесѣды на эту тему; однако я однажды при случаѣ шутливо его спросилъ:

— Что же вы сдѣлаете съ монархіей въ Россіи?—утопите ее въ Великомъ океанѣ?

— Удѣлъ монархіи,—словно про себя замѣтилъ графъ,—это утонуть въ грязи. У насъ когда-нибудь наступитъ „революція презрѣнія“ (revolution du mępris), и Россія станетъ свободной.

Въ своихъ запискахъ Витте предсказываетъ гибель династіи Гогенцоллерновъ и Габсбурговъ.

„Хорошіе примѣры,—пишетъ онъ,—такъ же заразительны, какъ и дурные. Нарожденіе въ Европѣ одной республики неизбежно приведетъ къ наличности цѣлаго десятка. Короны вѣнценосцевъ будутъ выметены изъ дворцовъ и брошены въ сорный ящикъ исторіи“.

Большая часть предсказаній Витте сбылась. Будемъ надѣяться и вѣрить, что сбудутся и остальные его предсказанія, что падутъ троны варваровъ-вѣнценосцевъ и весь міръ будетъ избавленъ отъ кровавыхъ побоищъ и объединенные народы, наконецъ, вздохнуть свободно.

„Самодержецъ всероссійскій“ Алиса Гессенская и ея фавориты.

Неизвѣстны въ точности причины, почему это такъ происходило, но тотъ фактъ, что „самодержцемъ всероссійскимъ“ была Алиса Гессенская, является вполнѣ установленнымъ.

Объ этомъ фактѣ свидѣтельствуетъ, между прочимъ, и письмо извѣстнаго государственнаго дѣятеля къ Ж. Клемансо, датированное 1—14 ноября 1906 года.

Этотъ документъ поражаетъ своимъ необыкновеннымъ проникновеніемъ въ неизбежность тѣхъ событій, которыя создали съ стихійной быстротой великій государственный переворотъ.

Какъ видно будетъ изъ ниже приведенныхъ строкъ сенсаціоннаго письма, царская власть была у насъ фикціей еще десять лѣтъ тому назадъ. Россійскимъ государствомъ управляла б. царица.

Въ основѣ внѣшней политики гессенской принцессы, волею случая ставшей русской императрицей, было сближеніе съ Германіей и парализованіе союза съ Франціей.

Съ помощью своего родственника, Вильгельма-Кроваваго, она намѣревалась, мечтала укрѣпить шатавшіеся устои ненавистнаго самодержавія.

Первая русская революція 1905 г. не убила, а разожгла въ ней эти замыслы къ самовластию и абсолютизму.

Письмо, о которомъ идетъ рѣчь, было написано Ж. Клемансо съ цѣлью предостеречь Францію отъ реализаціи новаго русскаго займа безъ санкціи Государственной Думы.

Авторъ письма—французскій дипломатъ—предусматривалъ, что новый притокъ золота изъ Франціи послужитъ только для торжества реакціи и проведенія такихъ мѣропріятій, какія вызовутъ неизбежно новую революцію, угрожающую гибели 15 миллиардамъ, помѣщеннымъ союзницею въ Россіи.

„Новый заемъ во Франціи,—говоритъ авторъ письма,—будетъ, съ точки зрѣнія международной политики, совершенно бесполезенъ въ виду того, что

официальная Россія разсматриваетъ теперь союзъ какъ операцію исключительно кредитную и въ политическомъ отношеніи тяготеетъ къ Германіи“.

Вотъ когда еще проницательные умы прозрѣли истинное положеніе вещей: 10 лѣтъ тому назадъ.

Дальше въ письмѣ говорится объ этой тайной измѣнѣ общему дѣлу съ большей опредѣленностью:

— Истина заключается въ томъ, что нѣмецкое вліяніе является безусловно преобладающимъ въ Царскомъ Селѣ.

Императрица, въ теченіе послѣдняго года принимающая активное участіе въ политикѣ, постоянно совѣтуется съ Постдамомъ.

И, что бы вамъ ни заявлялъ министръ иностранныхъ дѣлъ, фактъ, впервые сообщенный мицувшимъ лѣтомъ мною—приготовленіе къ возобновленію союза трехъ императоровъ,—остается фактомъ.

Въ Царскомъ Селѣ для властолюбивой царицы, пропитанной ультра-монархическими принципами, былъ непріятенъ союзъ съ республиканской Франціей, и она нашептывала возможность сближенія трехъ коронованныхъ деспотовъ и, можетъ-быть, на условіяхъ взаимной поддержки, въ случаяхъ революціоннаго движенія въ народныхъ массахъ.

„Современная русская политика, — говорится дальше въ письмѣ, — въ значительной степени опредѣляется нѣмецкими вліяніями, допускающими въ Россіи монархію, наподобіе Прусской, но никакъ не парламентскій режимъ. Прибавьте къ этому, что роспускъ Думы (первой) былъ произведенъ почти по прямому приказу германскаго императора. Объясню вамъ подробно эту исторію, если она васъ интересуетъ, въ Парижѣ. Здѣсь достаточно сказать, что Германія, безусловно рѣшившая охранять отъ гибели свою „національную культуру“ въ Прибалтійскомъ краѣ, воспротивилась всѣми средствами принятію начала отчужденія большихъ помѣстій, на которомъ настаивала Г. Дума и которое бы безусловно положило конецъ владычеству нѣмцевъ въ этой области... Отмѣчаю эти немногіе факты для того, чтобы показать вамъ, какъ напрасны надежды помѣшать сбли-

женію современной Россіи съ Германіей на нашъ счетъ“.

Таковой была внѣшняя политика Алисы Гессенской, руководившейся въ данномъ случаѣ родственными чувствами къ нѣмцамъ, что же касается внутренней политики, то эта „новая Екатерина“, помимо исполненія ею точныхъ предписаній Вильгельма на этотъ счетъ, окружила себя цѣлою плеядой альфонсовъ и „старцевъ“, которые фактически являлись хозяевами страны, доведенной благодаря этому до послѣдней степени порабощенія и униженія.

Фавориты Алисы?—ихъ цѣлые легіоны.

Въ столицѣ много говорили о нѣжной симпатіи, установившейся между Александрой Федоровной и блестящимъ кирасиромъ Орловымъ, красивѣйшимъ изъ офицеровъ гвардіи.

Характеръ интимности эти отношенія приобрѣли въ дни японской войны.

Для прекращенія сплетенъ Орлову предложили въ 1906 г. уѣхать изъ Россіи. Онъ прожилъ нѣсколько мѣсяцевъ гостемъ германскаго императора на о. Корфу. Затѣмъ съ прибывшей изъ Петрограда офицерской депутаціей отбылъ въ Каиръ, гдѣ и покончилъ съ собой.

Казенная версія объясняла эту смерть нервнымъ разстройствомъ Орлова, помѣшавшагося якобы во время карательныхъ экспедицій въ Прибалтійскомъ краѣ, гдѣ Орловъ прославился особенными жестокостями.

Пламенной поклонницей Орлова считалась Танѣева, нынѣ Вырубова. Молодая дѣвушка слыла въ интимныхъ кругахъ невѣстой красавца-кирасира, пока тотъ не увлекся государыней. Послѣ брака ея съ Вырубовымъ, вскорѣ окончившагося разводомъ, Танѣева-Вырубова вновь мирится съ измѣнившимся ей женихомъ.

Между царицей и ея фрейлиной шла упорная борьба ослѣпленныхъ ревностью влюбленныхъ женщизъ, пока не послѣдовалъ трагическій финалъ обоихъ романовъ. Смерть Орлова примирила и сдружила соперницъ. Царица безъ Вырубовой не могла жить, во всемъ слѣпо вѣрила ей.

Генераль Орловъ умеръ.

Манія преслѣдованія наложила на него свою руку сильнѣе, чѣмъ на другихъ, и скрутила молодой еще организмъ въ какіе-нибудь два—три года.

Тѣмъ искреннѣй и горше были высочайшія слезы, проливавшіеся надъ могилою прибалтійскаго усмирителя.

Императрица долго посѣщала могилу; семейные нелады, отъ которыхъ никакая власть не страхуетъ, обострялись; учащались сцены и увеличивалось число ихъ невольныхъ свидѣтелей.

Дворцовая жизнь дрябла, „видныя“ фигуры Игнатьева, Трепова, Побѣдоносцева сошли въ могилы.

Ихъ мѣста заняла мелочь, въ родѣ Дедюлина, Оболенскаго, Восторгова, виднѣлась уже, въ отдаленіи пока, расплывчатая, тѣнь Распутина.

Во дворцѣ было такъ же тошно, какъ въ любой буржуазной семьѣ наканунѣ распада. На бѣду, психическое состояніе стало внушать серьезныя опасенія.

Подкравшись, какъ всегда, по закоулкамъ, устроеннымъ тяжелою наследственностью, психозъ выбралъ подходящую минуту и проявилъ себя, водворяясь плотнѣе въ бѣдномъ человѣческомъ мозгу.

Такимъ критическимъ моментомъ явился памятный инцидентъ съ императорскою яхтою „Штандартъ“, поставленною на мель ея командиромъ — потомъ застрѣлившимся — Чагинымъ.

Сильный толчокъ при этомъ, какъ рассказывали, и былъ поводомъ, вызвавшимъ скрытый недугъ наследника.

Во время высадки царской семьи со шлюпки на берегъ не разобравшая, въ чемъ дѣло, береговая охрана открыла ружейный огонь по ней и насмерть перепугала Александру Федоровну.

Корень мозговыхъ функций въ головѣ царицы съ тѣхъ поръ сталъ принимать характеръ прямо маниакальныхъ предвзятостей.

Тутъ-то и началась странная, но ничѣмъ непреоборимая привязанность царицы къ Вырубовой. Разлука съ ней, хотя бы непродолжительная, приводила царицу въ такое раздраженіе, что однажды пришлось изъ финляндскихъ шхеръ командировать

за излюбленною фрейлиною миноносецъ, который и доставилъ живое лѣкарство.

По отношенію къ Александрѣ Федоровнѣ пробовали всевозможнѣйшіе методы лѣченія. „Держали въ Вилла-Франкѣ яхту для изоляціи на морѣ, строили специальный дворецъ въ Крыму для уединенія на сушѣ, интернировали за рѣшетками родного замка Фридберга, близъ Наугейма.

Осматривали больную свѣтила міровой медицины, молились о ней архипастыри всѣхъ церквей; общее сочувствіе соотечественниковъ нѣмецкаго народа могло быть полезно, какъ успокаивающее средство“.

Но, какъ видно, ничего не помогало, такъ какъ число фаворитовъ увеличивалось.

Интересны отношенія Алисы къ „конвойцамъ“, о которыхъ послѣдніе сами и повѣствуютъ.

Московскій журналистъ Н. Ф. такъ рассказываетъ о своей встрѣчѣ на вокзалѣ съ двумя конвойцами, отправляемыми на фронтъ:

„Породистыя лица, сильныя и высокія фигуры. Великолѣпные экземпляры человѣческой породы.

Какъ, вѣроятно, хороши были они въ своихъ черкесахъ изъ тонкаго сукна, въ папахъ съ яркими верхами, обвѣшанные кинжалами, обшитые позументами, съ продернутыми подъ серебряныя вензеля выгоды кистями.

Но это—въ прошломъ.

Теперь на нихъ скромная обще-армейская одежда. Отъ прошлаго осталась только у каждаго, въ лѣвомъ ухѣ, казачья серьга.

Любопытныя серьги.

Тонкій золотой, какъ мѣсяцъ, рогъ и на немъ— крупный брилліантъ.

Конвоецъ тряхнулъ бритой головой:

— Любуетесь? Сашкина слеза.

И брилліантъ затрепеталъ, заискрился, точно капля росы.

— Сашкина?

— Да, царицы бывшей. Это ея подарки. Каждый новый офицеръ, вступающій въ конвой, получалъ отъ нея обязательно по сережкѣ.

Другой сказалъ:

— За нами бѣгала. Популярности искала...

И онъ выругался.

Досталъ бумажникъ:

— Тутъ тоже есть о ней воспоминанія. Деньги она намъ дарила и расписывалась на кредиткахъ, чтобы мы съ другими не смѣшивали. Эту я получилъ изъ ея собственныхъ рукъ 28 февраля. Вотъ и подпишись...

Дѣйствительно, черезъ всю кредитку, отъ края до края идетъ отчетливая крупная надпись:

— Александра.

А ниже—имя того, кому предназначался этотъ подарокъ.

И—дата.

Конвоецъ вынулъ еще нѣсколько сторублевокъ, и на каждой изъ нихъ—такая же надпись и календарная отмѣтка.

Другой сказалъ:

— Я свои отдалъ на красный крестъ.

— А мнѣ жалко. Все-таки воспоминанія. Если надоѣсть, — можно будетъ продать. Хорошія деньги заплатятъ за такой автографъ... Только я продавать не собираюсь; воспоминанія ужъ больно интересныя.

И онъ раскатисто захохоталъ.

Я спросилъ:

— Значить, во дворцѣ вамъ скучно не было?

— Намъ-то? Житье было замѣчательное... Вотъ о Воейковѣ пишутъ, а о женѣ его—ни слова. Такой красавицы, какъ Воейкова, я въ жизни не видѣлъ. Въ ней-то и была зарыта „кувака“... По ночамъ она насъ съ дворцовыхъ карауловъ снимала и тащила въ свои комнаты. Помнишь?

Тутъ и другой не выдержали и широко и блаженно улыбнулись.

— Да, Воейкова... Красавица... Гдѣ-то она теперь? Въ крѣпости? Тамъ съ караула никого не снимешь...

Ударилъ звонокъ.

— Пора въ вагоны.

Они вскочили и пошли, мелькая верблюжьимъ сукномъ шинелей и сѣрыми шапками.

И блестя, какъ двѣ росинки:

— Сашкины слезы....“

Это маленькое повѣствованіе какъ нельзя лучше характеризуетъ Алису Гессенскую и тѣ нравы, которые свили себѣ прочное гнѣздо въ Царскомъ Селѣ.

Было бы страннымъ, если бы люди съ явнымъ психическимъ уклономъ, погрязшіе въ развратѣ, не пользовались-бы услугами разныхъ спиритовъ, медиумовъ и прочихъ шарлатановъ.

Такъ оно и было.

Покойный извѣстный спиритъ О. Ю. Стано рассказывалъ о томъ, какъ въ 1906 году при дворѣ эксъ-императора Николая увлекались спиритизмомъ.

По совѣту покойнаго генерала Трепова, Николай пригласилъ пріѣхать изъ Парижа извѣстнаго французскаго медиума, директора такъ-называемой школы „мартинистовъ“ въ Парижѣ, доктора Пайноса.

Цѣлью его приглашенія было желаніе Николая Романова посовѣтоваться съ „духомъ“ своего отца Александра III о средствахъ умиротворенія страны.

Пайносъ пріѣхалъ, и съ его участіемъ въ Новомъ Петергофѣ состоялся цѣлый рядъ медиумическихъ сеансовъ, во время которыхъ якобы неизмѣнно являлся духъ Александра III.

Кромѣ политики, пріѣздъ Пайноса въ Петергофъ объяснялся еще тѣмъ, что вся русская придворная аристократія интересовалась оккультическими науками. Этотъ интересъ сталъ замѣчаться послѣ японской войны.

Это былъ второй пріѣздъ Пайноса въ Петроградъ.

Въ первый разъ онъ пріѣхалъ въ 1903 г., незадолго до рожденія Алексѣя Романова, съ порученіемъ „внушить“ Александрѣ Федоровнѣ, чтобы она родила сына.

Въ послѣдніе годы большимъ вліяніемъ при дворѣ пользовался еще одинъ проходимецъ, „докторъ тибетской медицины“ знахарь Бадмаевъ.

При обыскѣ во дворцѣ Бадмаева, произведенномъ послѣ переворота, выяснилось одно серьезное обстоятельство, не произведшее, къ сожалѣнію, особаго впечатлѣнія и недостаточно привлечшее на себя общественное вниманіе.

А между тѣмъ оно составляетъ своего рода важное открытіе, бросающее отчасти свѣтъ на многіе

факты, составляющіе до сихъ поръ непонятную загадку.

Установлено, что Бадмаевъ снабжалъ Распутина какимъ-то снадобьемъ или фильтромъ, которымъ по наущенію своей любовницы Тягъевой (разведенной Вырубовой) онъ спаивалъ царя и наслѣдника.

Очень вѣроятно, что тѣмъ же средствомъ онъ пользовался также, чтобы дѣйствовать и на другихъ членовъ царской семьи.

Большимъ вліяніемъ при дворѣ пользовались и тѣ безсовѣстные льстецы, которые, зная слабую струнку Алисы, искренно считавшей себя „помазанницей Божіей“, доходили въ своей лести до святотатства.

Интересенъ „дебютъ“ одесскаго союзника Пеликана при дворѣ Алисы.

Въ Петроградѣ Пеликанъ былъ принятъ Протопоповымъ и въ заключеніе длинной бесѣды прямо спросилъ его, не будутъ ли кассированы выборы, если ихъ придется произвести съ необходимыми для успѣха пеликановцевъ махинаціями.

Протопоповъ въ отвѣтъ на это неожиданно спросилъ, какъ населеніе Одессы относится къ царю.

Пеликанъ отвѣтилъ:

— Въ небѣ есть Троица—Отецъ, Сынъ и Святой Духъ, и на землѣ троица—царь, царица и наслѣдникъ.

На другой день Пеликанъ совершенно неожиданно для себя былъ вызванъ во дворецъ и получилъ аудіенцію у Александры Феодоровны, милостиво бесѣдовавшей съ нимъ 45 минутъ и затѣмъ спросившей его:

— Что думаетъ обо мнѣ населеніе?

Пеликанъ повторилъ свою кощунственную тираду о Троицѣ.

Тогда, по выраженію Пеликана, царица „величественно“ встала и сказала:

— Поѣзжайте въ Одессу. Дѣлайте выборы. Никакой кассации не будетъ!

Вся „общественная жизнь“ въ Россіи протекала подъ знакомъ Алисы Гессенской, она давала направление всей внутренней политикѣ.

— Этого хочетъ царица, — предъ этимъ лозунгомъ склонялись всѣ.

Сама царица тоже не была чужда общественной дѣятельности. Съ самаго начала войны она „посвятила“ себя уходу за ранеными.

Какъ же она справлялась съ этой миссіей?

Раненые, лежавшіе въ царскосельскихъ дворцовыхъ лазаретахъ, и медицинскій персоналъ рассказываютъ весьма характерные подробности „высочайшихъ визитовъ“, которыми бывшая императрица осчастлививала въ свое время эти лазареты.

Въ дни ея визитовъ весь нормальный строй жизни раненыхъ нарушался и начиналось какое-то тревожное смятеніе и беспорядокъ. Перевязки и операціи откладывались, сестры и врачи отвлекались отъ своихъ обязанностей, раненые и больные, зараженные общей суматохой, нервничали и волновались.

Александра Феодоровна рѣдко пріѣзжала одна, чаще всего въ сопровожденіи Вырубовой, иногда ей сопутствовали еще двѣ старшія дочери.

Бывшая царица молча и чопорно кивала головой на поклоны и быстро обходила палаты, изрѣдка останавливаясь у чьей-нибудь койки и задавая три стереотипныхъ вопроса:

— Вы какого полка? Вы куда ранены? Рана болитъ?

И, едва дослушавъ отвѣтъ, она отходила, изрѣдка бросая на прощанье:

— Ну, поправляйтесь.

Почти никто и никогда не видѣлъ улыбки на ея устахъ и никому она не сумѣла сказать ласковаго, привѣтливаго слова.

Послѣ ея отъѣзда раненые горестно недоумѣвали: зачѣмъ, собственно, пріѣзжала къ нимъ эта сухая, чванная, надменная женщина, внесшая въ ихъ жизнь только одно безпокойство?

Когда Александра Феодоровна бывала не въ духѣ, то эти ея визиты являлись для администраціи лазаретовъ сущей пыткой. Сестрамъ милосердія приходилось потомъ перебѣгать отъ одной койки къ другой, вячески успокаивая волновавшихся и возмущавшихся раненыхъ и сглаживая рѣзкіе эксцессы.

Быль случай, когда бывшая императрица явилась на одинъ изъ лазаретныхъ концертъ только для того, чтобы, ни съ кѣмъ не здороваясь, пройти въ первый рядъ, молча, не раскрывая рта, просидѣть полчаса и молча же удалиться.

Этотъ визитъ былъ принятъ собравшимися на концертъ ранеными, какъ откровенное выраженіе презрѣнія и полнаго пренебреженія къ нимъ.

Черезъ нѣсколько дней послѣ убійства Распутина старшая сестра одного изъ лазаретовъ обратилась по телефону къ б. великой княжнѣ Анастасіи съ вопросомъ, посѣтитъ ли она и ея сѣстры, а также и царица предстоящій въ лазаретъ спектакль въ пользу раненыхъ. Великая княжна пошла предварительно справиться у матери и, вернувшись къ телефону, плачущимъ голосомъ сказала: — Намъ теперь не до раненыхъ. У насъ свое горе.

Отвѣтъ этотъ скоро сталъ извѣстенъ въ лазаретѣ и вызвалъ взрывъ бурнаго негодованія.

Вѣроятно, Александра Федоровна узнала чрезъ своихъ всюду разставленныхъ клеветовъ объ этомъ взрывѣ, такъ какъ ни въ одинъ изъ лазаретовъ она съ тѣмъ поръ на показывалась.

Раненыхъ навѣщали только великія княжны, но и ихъ визиты производили скорѣй странное, чѣмъ пріятное впечатлѣніе. Застѣнчивыя отъ природы, задерганныя придирчивой строгостью матери и въ то же время впитавшія въ себя все тлетворное, отвратительное вліяніе „распутинства“, царившаго при дворѣ, великія княжны держали себя въ присутствіи раненыхъ такъ, какъ-будто бы визиты въ лазаретъ являлись для нихъ тягостной и несносной обязанностью.

Иногда онѣ были совершенно дики, угрюмы и неразговорчивы, иногда какъ-то странно и неумѣстно развязны и болтливы.

Однажды, незадолго до выступленія Румыніи, одинъ изъ раненыхъ офицеровъ рискнулъ задать Татьянѣ Николаевнѣ вопросъ, не извѣстно ли ей о срокѣ этого выступленія и вообще о румынскихъ дѣлахъ.

На этотъ первый серьезный вопросъ, обращенный къ ней, б. великая княжна, вспыхнувъ, отвѣтила:

— Мама запретила намъ разговаривать съ вами о войнѣ.

Запрещая дочерямъ разговаривать съ ранеными о войнѣ, сама Алиса охотно вела бесѣду на эту тему.

Посѣтивъ царскосельскій офицерскій госпиталь, бывшая царица завела съ раненымъ офицеромъ бесѣду о войнѣ. Офицеръ отвѣчалъ на вопросы.

— Нашъ натискъ на нѣмцевъ былъ страшно сильный. Они не выдержали удара и бѣжали.

— А какой противъ васъ былъ нѣмецкій полкъ?— спросила „русская императрица“.

— Гессенскій полкъ, ваше величество,— отвѣчалъ офицеръ.

Александра Федоровна не выдержала такого оскорбленія своей родины. Она нервно встала и быстро проговорила:

— Неправда! Гессенцы никогда не показываютъ спина!

И, возмущенная, ушла.

На офицеровъ, лежавшихъ въ той же палатѣ, эта сцена произвела потрясающее впечатлѣніе. Послѣ долгаго молчанія кто-то зарыдалъ.

Какъ относилась Александра Федоровна къ войнѣ и къ нѣмцамъ, видно изъ слѣдующей ея бесѣды съ французской сестрой милосердія, получившей въ Царскомъ Селѣ аудиенцію.

Александра Федоровна, только-что разставшись съ Распутинимъ и поцѣловавъ на глазахъ сестры руку у „старца“, обратилась къ сестрѣ съ вопросомъ:

— Когда же окончится эта ужасная война?

Сестра отвѣтила:

— Когда будетъ побѣда.

Александра Федоровна удивленно посмотрѣла на сестру, и ея глаза сразу наполнились слезами. Она сказала, ломая пальцы:

— Какая же можетъ быть побѣда, когда „на нихъ“ ополчился весь міръ. По-русски это называется: семеро на одного.

Иначе говоря, „ихъ“ она считала своими.

На Россію она смотрѣла какъ на „доходное мѣсто“, какъ на вотчину, а душой и сердцемъ она всецѣло принадлежала Германіи.

Она презирала Россію и русскихъ и безъ стѣсненія говорила объ этомъ во всеуслышаніе.

Особенно она презирала русскую интеллигенцію.

— Я люблю русской народъ, — говорила она, — но не люблю русскихъ выскочекъ. Распутинъ, вотъ это человекъ изъ народа...

Она держалась свысока и съ членами дома Романовыхъ, выказывая имъ на каждомъ шагу свое якобы превосходство. И нечего удивляться тому, что члены дома Романовыхъ бывали въ Царскомъ Селѣ очень рѣдко, въ самыхъ необходимыхъ случаяхъ.

Понятно, Алисъ всѣ платили такой же ненавистью.

Ее ненавидѣла и вся Россія, особенно тѣ русскіе граждане, которые „имѣли счастье“ бывать въ ея присутствіи.

Раненые, которыхъ она посѣщала, не переносили ея присутствія.

Эта общая ненависть къ бывшей царицѣ разчуть не привела къ трагическому финалу.

Передаютъ рассказъ о произведенномъ сравнительно недавно покушеніи на бывшую царицу.

26 декабря 1916 г., въ 12 часовъ дня, Александра Федоровна сидѣла за столомъ въ дворцовомъ лазаретѣ въ Царскомъ Селѣ, гдѣ были разложены рождественскіе подарки для раненыхъ офицеровъ. Съ лѣвой стороны у спинки кресла Александры Федоровны стояла Вырубова.

Офицерамъ лазарета за два дня до этого былъ сообщенъ церемоніаль представленія.

Всѣ усердно готовились къ этому торжеству.

Все произошло согласно заранѣе объявленному церемоніалу.

Раненые были выстроены въ шеренгу.

Они по очереди подходили къ столу, получали изъ рукъ царскихъ дочерей подарки, затѣмъ подходили къ Александрѣ Федоровнѣ и благодарили.

Когда церемонія подходила къ концу, вдругъ раздался выстрѣлъ, и, стоявшая возлѣ бывшей царицы, Вырубова была ранена въ руку.

Александра Федоровна взглянула въ сторону стрѣлявшаго и, блѣдная, взволнованная, не говоря ни слова, удалилась изъ лазарета.

Вся эта исторія до сего времени продолжаетъ оставаться тайной.

Никто арестованъ не былъ.

Въ этомъ направленіи дѣлались всевозможные догадки, циркулировали всевозможные слухи, но ничего определеннаго по поводу этого таинственнаго покушенія неизвѣстно до сего времени.

Очевидно, у „самодержавной“ Алисы были всѣ основанія, чтобы замаять эту исторію и не дать ей широкой огласки.

Много есть таинственнаго и загадочнаго въ скандальной исторіи дома Романовыхъ, такого, чего ни мы, ни наше потомство не узнаютъ, быть-можетъ, никогда.

Распутинъ.

Среди различныхъ темныхъ личностей послѣдняго царствованія величественно выдѣляется историческая фигура Распутина.

Для характеристики этого невѣжественнаго авантюриста огромный матеріалъ даютъ воспоминанія его бывшего друга Иліодора.

„Святой чортъ“, какъ называетъ Иліодоръ Григорія Распутина, вырисовывается въ этихъ воспоминаніяхъ, или, вѣрнѣе, въ разоблаченіяхъ, во всемъ своемъ отвратительномъ видѣ.

„Другъ“ царской семьи, кумиръ царицы и ея дочерей, Распутинъ представляетъ собой типъ алкоголика съ признаками вырожденія и физиологическими особенностями, извѣстными психіатріи.

Воспоминанія Иліодора являются первымъ документальнымъ свидѣтельствомъ о похожденияхъ этого злого духа павшей династіи, имя котораго стало символомъ разложенія верховъ русскаго общества.

Въ этомъ документальномъ характерѣ записокъ — вся ихъ цѣнность и значительность. Само по себѣ свидѣтельство автора записокъ, бывшего іеромонаха Иліодора, о подвигахъ Распутина едва ли заслуживало

бы общественнаго вниманія, такъ какъ пристрастность этого свидѣтельства очевидна. Слишкомъ многимъ повредилъ Распутинъ карьерѣ Иліодора, чтобы послѣдній сохранилъ въ себѣ должное безпристрастіе при воспоминаніяхъ о своемъ другѣ, а, затѣмъ, заклѣтомъ врагѣ. Но въ книгѣ Иліодора приводятся неопровержимыя данныя: выписки изъ дневниковъ генеральши Лохтиной, слѣпой поклонницы Распутина, копии со многихъ писемъ къ Распутину и отъ Распутина, провѣренныхъ лицами, заслуживающими полного довѣрія, и, наконецъ, многіе факты, легко провѣряемые другимъ свидѣтелями.

Все это вмѣстѣ взятое заставляетъ утверждать, что самый важный и центральный документъ книги Иліодора — дневники ген. Лохтиной — „документъ первостепеннаго значенія для ума незараженнаго, документъ историческій“, полный „правдивости“. Вся же книга Иліодора въ цѣломъ, несомнѣнно, заслуживаетъ самаго пристальнаго вниманія историковъ и публицистовъ, могущихъ въ ней найти подчасъ неожиданные отвѣты на многія, казалось бы, загадочныя явленія и событія нашей политической жизни періода послѣднихъ годовъ царствованія Николая II.

Прежде всего въ книгѣ воспоминаній Иліодора поражаютъ страницы, рисующія отношенія Распутина къ семьѣ Романовыхъ. Отношенія эти вскрываются какъ самимъ Распутинымъ въ его интимныхъ бесѣдахъ съ Иліодоромъ, такъ и въ дневникахъ генеральши Лохтиной, которая пунктуально записывала всѣ письма Распутина къ Романовымъ и всѣ письма Романовыхъ къ Распутину.

Чѣмъ объяснялось неотразимое вліяніе Распутина на Николая II и его супругу? Если въ отношеніяхъ послѣдней къ Распутину несомнѣнно было на-лицо нѣкоторое психо-физическое и историческое извращеніе природы, то въ отношеніяхъ Николая крупную роль играло нѣкоторое подобіе религіознаго помѣшательства, на почвѣ страха передъ революціей.

Вотъ какъ рассказываетъ самъ Распутинъ объ этомъ:

— „Царь разъ упалъ предо мною на колѣни и говоритъ: „Григорій, Григорій, ты Христось, тынашь

Спаситель“. А почему? Когда революція подняла высоко голову, то они очень испугались. А тутъ Антоній вольинскій гдѣ-то сказалъ проповѣдь, что наступили послѣднія времена. Они и давай складывать вещи, чтобы куда-то спрятаться. Позвали меня и спросили. А я долго ихъ уговаривалъ плюнуть на всѣ страхи и царствовать. Все не соглашались. Я на нихъ началъ топтать ногою и кричать, чтобы они меня послушались. Первая государыня сдалась, а за нею и царь. Когда я пришелъ къ нимъ послѣ успокоенія, они упали предо мной на колѣни и стали цѣловать мои руки и ноги. Царица подняла кверху руки и со слезами говорила: „Григорій. Если всѣ люди возстанутъ на тебя, то я не оставлю тебя, не послушаюсь“. А царь, тоже поднявши руки, закричалъ: „Григорій, ты—Христось“.

Распутинъ всегда въ разговорахъ съ Иліодоромъ, похваляясь тѣмъ положеніемъ, какое онъ занялъ при дворѣ, выражался такъ: „Мнѣ ничего не стоитъ любого министра смѣстить. Кого захочу, того и поставлю“.

„На мой вопросъ: неужели государь всегда слушаетъ тебя?—Григорій однажды отвѣтилъ мнѣ: „Папа-то съ трудомъ меня слушается, волнуется, ему стыдно, а мама говоритъ, что „безъ тебя, Григорій, я ни одного дѣла не рѣшу; обо всемъ тебя буду спрашивать“. А вѣдь, знаешь, царь такъ маму слушается, такъ слушается, что она всегда имъ командуетъ“.

Иліодоръ приводитъ слѣдующее объясненіе тому обстоятельству, что запросы Государственной Думы о Распутинѣ не оказывали никакого дѣйствія на Николая и его супругу.

„Ока́зывается, что въ то время, когда Государственная Дума волновалась, дѣлая запросы, „старецъ“ сидѣлъ въ Покровскомъ и немислимыми ковелюгами выводилъ письмо „папѣ и мамѣ“. Копію этого письма, какъ и много другихъ „знаменитыхъ“ писемъ, Лохтина занесла въ свои дневники, по всей вѣроятности, немного исправивъ орфографію „старца“.

Вотъ это письмо: „Миленькаи папа и мама. Вотъ бѣсъ-то силу беретъ окаянный. А дума ему служить: тамъ много люцинеровъ и жидовъ. А имъ что. Скорѣе

бы Божьяго помазаннека долой. А Гучковъ господинь ихъ прихвость,—клевететь, смуту дѣлаеть. Запросы. Папа. Дума твоя, что хошь, то и дѣлай. Какеи тамъ запросы о Григоріи. Это шалость бѣсовская. Прикажи. Никакихъ запросовъ не надо. Григорій“.

И дѣйствительно, запросы были положены подъ сукно, и Государственную Думу стали игнорировать еще больше.

Въ настоящій моментъ, когда снова выплываетъ имя бывшаго митрополита московскаго Макарія, въ связи съ его выступленіями противъ В. Н. Львова, большой интересъ представляетъ исторія о томъ, какъ назначилъ Распутинъ Макарія на московскую кафедру. Вотъ что рассказываетъ объ этомъ Иліодоръ:

„Въ 1913 г., за переводомъ Владиміра въ Петербургъ, освободилась московская митрополичья кафедра.

Начали гадать, кого государь назначить въ Москву. Общественное мнѣніе остановилось на двухъ видныхъ кандидатахъ: Сергіи Финляндскомъ и Антоніи Волынскомъ.

Между ними завязалась уже борьба: сторонники того или другого старались разукрасить всячески своихъ любимцевъ: печатались по ихъ адресу похвальные статьи, выдумывали, по обыкновению, ихъ добродѣтели, приписывали имъ несуществующія у нихъ качества души и т. д.

Горячка шла порядочная. Вдругъ, противъ всѣхъ ожиданій, Николай назначаетъ митрополитомъ московскимъ томскаго архіепископа Макарія, человѣка только съ семинарскимъ образованіемъ, старичка хитренькаго, покладистаго.

Всѣ недоумѣвали по поводу этого назначенія, недоумѣвали, потому что не знали, что Макарій съ давнихъ поръ — большой другъ „блаженнаго“ Распутина.

Вотъ „старецъ“ и вызволилъ убогаго, слабенькаго старичка изъ алтайскихъ ущелій на кафедру знаменитаго Филарета, а на мѣсто старичка Макарія въ Томскъ онъ провелъ другаго своего друга, епископа барнаульскаго Мелетія, который какимъ-то образомъ

обратилъ Григорія когда-то на путь покаянія, приказавши ему странствовать и „старчествовать“.

О назначеніи Макарія на московскую кафедру Распутинъ писалъ Николаю и Александрѣ такъ: „Миленькаи папа и мама. Много шуму, много спору, а все одна суета. Кого послать на Москву. Антоней не надо, онъ лукавъ. Да молодь. Зависть пойдетъ и злоба. А бѣсамъ того и надо. Вотъ кого: подвижника алтайскаго Макарія, мово друга. Божій старецъ. Его надо. Да. Григорій“.

(Дневники О. В. Лохтиной).
А вотъ разсказъ о томъ, какъ Распутинъ спасалъ небезызвѣстнаго Макарія Гнѣвушева, на котораго посыпались въ синодъ жалобы изъ Москвы по поводу уголовныхъ преступленій, совершенныхъ имъ въ бытность настоятелемъ Петровскаго монастыря:

„Спасая своего друга, Распутинъ писалъ самому Макарію: „Миленькій, отче. Твое письмо я отослалъ въ Крымъ и черновикъ телеграммы оберъ-прокурору: вѣдь бѣсы на насъ — горе имъ, а не намъ, пойми, не здѣсь духъ, а мы тамъ идемъ“.

Оберъ-прокурору Саблеру: „Миленькій. Премудрость: снизойди Гнѣвушину поменѣе наказанія; для него смерть. Новый“.

Вырубовой въ Ливадію: „Бѣды на праведникахъ помогите ему, трезеникъ для войскъ. Цѣлую васъ Пишите все, читать есть кому“.

Царю Николаю и царицѣ Александрѣ: „Папа мои миленькаи и мама. О какъ многое множество жалобъ на Макарія. А что бѣсамъ надо. Все на нашихъ друзей идутъ. А вы не строго поступайте. Надо его ласкать, онъ сдѣлалъ много. На него клеветуютъ жида. Защита ему нужна. Видѣлъ его. Жалко. Вотъ вамъ пишу я. Да. Григорій“.

Вскорѣ послѣ этого Макарій получилъ санъ епископа.

Такимъ же образомъ, путемъ писемъ Распутина къ Николаю и его супругѣ, былъ спасенъ третій участникъ московскаго триумвирата — протоіерей Восторговъ.

„Противъ Восторгова подняли кампанію. Скандаль былъ въ разгарѣ и грозилъ нехорошимъ концомъ. Но Восторговъ, по всей вѣроятности, родился въ

сорочкѣ. Онъ обратился къ „блаженному старцу“. Старецъ не замедлилъ написать „миленькимъ папѣ и мамѣ“. Писалъ онъ по обыкновенію такъ: „Миленькаи. Бѣсы напали на отца Ивана. Икону на него. А вы не слушайте. Хоша она и базарская, а все равно святая, какъ принять и еще болѣ. А Восторгову награду за Сибирь. Враги пусть плачутъ. Григорій“.

Безграмотная записка пьянаго мужика, бывшаго конокрада, значила больше, чѣмъ приказъ министра...

За послѣдніе годы многіе, говоря о Распутинѣ, его силѣ и вліяніи, предсказывали въ недалекомъ будущемъ назначеніе его либо на постъ оберъ-прокурора синода, либо же на несуществующій еще пока, всероссійскій патріаршій престолъ.

Конечно, „великому Григорію“ не представлялось никакой надобности льститься на такіе посты. Въ томъ-то была и сила его, что, оставаясь „всероссійскимъ мужикомъ“, онъ создавалъ себѣ вѣрныхъ слугъ (иногда и выходившихъ изъ повиновенія, за что и получавшихъ должное возмездіе) повсюду.

Григорію не нужно было быть оберъ-прокуроромъ синода, чтобы управлять православнымъ вѣдомствомъ, точно такъ же, какъ и не приходилось добиваться портфеля въ совѣтъ министровъ, такъ какъ въ его грязномъ рабочемъ кабинетѣ всѣ эти и старыя, и новыя портфели лежали цѣлыми кучами.

— Ты скажи тамъ своему старику, чтобы слушался, что ему велятъ! Понимаешь? Тутъ все гадить юстица. Будетъ еще гадить, юстицу по шапкѣ, да и старику твоему плохо будетъ...

Такіе грозные окрики нерѣдко приходилось выслушивать тѣмъ или инымъ фрейлинамъ, которыя брали на себя роль одновременныхъ чиновницъ особыхъ порученій при старцѣ и при томъ или иномъ сановникѣ.

Григорій умѣлъ отличать людей, такъ или иначе демонстрировавшихъ ему свою преданность.

Такъ это было со „смирненнымъ“ Варнавою, за тѣми рѣдкими исключеніями, когда послѣднимъ обурѣвала гордыня и онъ дѣлалъ неудачныя попытки узурпаціи царскосельскаго вліянія.

Попытки эти кончались понятной неудачею для смиреннаго и надолго портили его „удѣльный вѣсъ“ передъ ясными очами Григорія. Такъ это было, приблизительно, за полгода до нареченія Варнавы во архіепископы.

Варнава, благодаря вмѣшательству одной, весьма важной дамы, получилъ приглашеніе въ Царское Село.

Гордости его не было конца, такъ какъ приглашеніе это совпало съ моментомъ наиболѣе острой опалы, наложенной на Варнаву всеильнымъ Гришкой.

Долго колебался Варнава, но все-же не осмѣлился уѣхать въ Царское, не доложивъ о семъ бывшему покровителю.

Результатъ оказался плачевный.

Распутинъ, бывший уже подѣ достаточнымъ вліяніемъ виновныхъ паровъ, находился у одного изъ меценатовъ, столь падкихъ на всякихъ сенсационныхъ „визитеровъ“, вызванный Варнавою по телефону, отчиталъ послѣдняго такъ, что отъ всего авантажа его ничего не осталось.

— Ты что-жъ, безъ меня лѣзть вздумалъ? Ты что-жъ, ошалѣлъ что ли-ча? А тебя кто же, подлеца, изъ грязи вытаскилъ, уму-разуму научилъ, въ люди вывелъ?.. Я, только я, понимаешь, подлецъ, подлецъ тѣфу!

„Григорій Ефимовичъ“ въ сердцахъ бросилъ телефонную трубку. На утро Варнава, уже готовясь къ отъѣзду въ Царское, получаетъ телефонное предложеніе оттуда не трудиться и не пріѣзжать...

Григорій не былъ чуждъ иногда и злобной прониц. Такъ, въ періодъ ссоры своей съ Варнавою онъ не забылъ поздравить послѣдняго телеграммой по поводу отставки, — вынужденной, конечно, — одного сановника, поддерживавшаго Варнаву, несмотря на то, что Григорій „не велѣлъ“ даже принимать Варнаву.

Этотъ сановникъ, ухаживая за Варнавою, предоставилъ въ пользованіе послѣдняго автомобиль, или автомобиль, какъ его называлъ Варнава.

Когда сановникъ получилъ отставку, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, Варнава лишился автомобиля, Григорій, находясь въ то время въ Сибири (отстаивая мини-

стровъ онъ умѣлъ и оттуда), послалъ Варнавѣ утѣшительную телеграмму:

„А автомобиль-то твой сломался...“.

Все-же, въ концѣ-концовъ Григорій перемѣнилъ гнѣвъ на милость и не препятствовалъ полученію Варнавой „архи“.

А объ этомъ повышеніи смиренный Варнава мечталъ уже давно, даже тогда, когда между ними пробѣжала черная кошка и Варнава вздыхалъ:

— За что это на меня сердитесь дорогой Григорій Ефимовичъ. Вообще, положеніе мое,—говаривалъ Варнава,—самое неопредѣленное. То меня высылаютъ на югъ, то на сѣверъ, то финляндскимъ „архи“, а то просто къ чорту...

Въ жизни епископа Варнавы былъ случай, когда покровительство всеильнаго Распутина обнаружилось для всѣхъ съ особой убѣдительностью.

Дѣло имѣло мѣсто тогда, когда безусловно, честный русский человѣкъ Самаринъ дѣлалъ на посту обер-прокурора синода послѣднія попытки спасти лицо господствующей церкви.

Смиренный Варнава, „обуянный гордынею популярности и демагогіи“, самовольно открылъ и прославилъ мощи Іоанна Сибирскаго.

Синодъ постановилъ предать Варнаву верховному духовному суду, о чемъ былъ составленъ соответствующій докладъ.

Здѣсь и показалъ себя „Григорій Ефимовичъ“. Приѣхавъ въ Царское Село, онъ сталъ гнѣвно кричать на всѣхъ обитателей дворца, результатомъ чего явилась знаменитая отмѣтка Николая II на дѣлѣ о Варнавѣ:

„Желаю, чтобы все это дѣло было покрыто любовью“.

Дѣло „покрыли“, Самаринъ подалъ въ отставку, каковая была немедленно принята. Григорій показалъ зубы...

„Дѣянiя“ Распутина.

Въ книгѣ воспоминаній Иліодора о Распутинѣ приложены два очень любопытныхъ документа изъ архива охраннаго отдѣленія.

Въ первомъ изъ нихъ рѣчь идетъ о кутежѣ Распутина у „Яра“ въ мартѣ 1915 года.

Бывшій въ то время товарищемъ министра внутреннихъ дѣлъ В. О. Джунковскій затребовалъ отъ московскаго охраннаго отдѣленія официальныя свѣдѣнія объ этомъ кутежѣ и разыгравшемся затѣмъ скандалѣ.

Начальникъ охраннаго отдѣленія полковникъ Мартыновъ сдѣлалъ слѣдующіе два доклада:

„По свѣдѣніямъ пристава 2 уч. Суцевской части г. Москвы подполковника Семенова, 26 марта сего года, около 11 час. вечера, въ ресторанъ „Яръ“ прибылъ извѣстный Григорій Распутинъ вмѣстѣ съ вдовой потомственнаго почетнаго гражданина Анисей Ивановной Рѣшетниковой, сотрудникомъ московскихъ и петроградскихъ газетъ Николаемъ Никитичемъ Соловьевымъ и не установленной молодой женщиной. Вся компанія была уже навеселѣ. Занявъ кабинетъ, приѣхавшіе вызвали къ себѣ по телефону редактора-издателя газеты „Новости Сезона“, потомственнаго почетнаго гражданина Семена Лазаревича Кугульскаго и пригласили женскій хоръ, который исполнилъ нѣсколько пѣсенъ и протанцовалъ „матчишъ“ и „кэкъ-уокъ“. Повидимому, компанія имѣла возможность и здѣсь пить вино, такъ какъ опьянѣвшій еще болѣе Распутинъ плясалъ впоследствии „русскую“, а затѣмъ началъ откровенничать съ пѣвичками въ такомъ родѣ: „Этотъ кафтанъ подарила мнѣ „старуха“, она его и шила“, а послѣ „русской“: „Эхъ, что бы „сама“ сказала, если бы меня сейчасъ здѣсь увидѣла“. Далѣе поведеніе Распутина приняло совершенно безобразный характеръ какой-то половой психопатіи. Онъ продолжалъ вести бесѣду съ пѣвичками, раздавая нѣкоторымъ изъ нихъ собственноручныя записки съ надписями въ родѣ „люби безкорыстно“. Прочія наставленія въ памяти получившихъ ихъ не сохранились. На замѣчаніе завѣдующаго хоромъ о непристойности такого поведенія въ присутствіи женщинъ, Распутинъ возразилъ, что онъ всегда такъ держитъ себя передъ женщинами, и продолжалъ сидѣть въ томъ же видѣ. Нѣкоторымъ изъ пѣвичекъ Распутинъ далъ по 10—15 рублей, беря деньги у

у своей молодой спутницы, которая затѣмъ оплатила всѣ прочіе расхѣды по „Яру“. Около 2 час. ночи компанія разъѣхалась“.

Второй докладъ содержитъ характеристику инициатора кутежа у „Яра“ Н. Н. Соѣдова, котораго охранное отдѣленіе рисуесть слѣдующимъ образомъ:

„Въ кругахъ московскихъ дѣльцовъ средней руки. не брезгающихъ подчасъ дѣлами сомнительной чистоты, давно вращается дворянинъ, занимающійся отчасти литературнымъ трудомъ, Николай Никитичъ Соѣдовъ. Названное лицо, проживъ давно имѣвшійся когда-то у него капиталъ, уже лѣтъ 25 живетъ въ Москвѣ безъ опредѣленныхъ занятій, занимаясь отчасти комиссіонерствомъ, отчасти литературой, и имѣетъ знакомство въ самыхъ широкихъ слояхъ Москвы. За это время кругъ его аферъ, естественно, суживался по мѣрѣ того, какъ за нимъ упрочивалась репутація „темненькаго“ человѣка, живущаго подачками, мелкими займами и кое-какими перепадаящими доходами, иногда не совѣмъ изъ чистыхъ источниковъ“.

Далѣе охранное отдѣленіе сообщаетъ о томъ, какъ происходило знакомство и сближеніе Распутина съ Соѣдовымъ, который намѣревался черезъ Распутина провести поставку на интендантство солдатскаго бѣлья въ большомъ размѣрѣ.

Заканчивается докладъ подробностями кутежа у „Яра“.

Вѣсть о пребываніи Распутина въ кабинетѣ у „Яра“ и его шумное поведеніе вызвали огласку въ ресторанѣ, при чемъ хозяинъ ресторана Судаковъ, желая избѣжать непріятностей и излишняго любопытства, сталъ увѣрять, что это не настоящій Распутинъ, и доказывалъ это, самымъ циничнымъ образомъ перемѣшивая въ фразѣхъ безобразные намеки на свои близкія отношенія къ самымъ высокимъ особамъ“.

Въ 1909 году, когда Синодъ по настоянію графа Татищева, саратовскаго губернатора, постановилъ перевести Иліодора изъ Царицына въ Минскъ, Иліодоръ пріѣхалъ въ Петроградъ хлопотать объ оставленіи его въ Царицынѣ.

Близкое участіе въ Иліодорѣ принялъ Распутинъ, который устроилъ ему свиданіе съ царицей.

Однажды Иліодоръ съ Распутинымъ пріѣхали къ графинѣ Игнатъевой, у которой бывалъ Иліодоръ.

Графиня была дома и встрѣтила друзей очень любезно.

Иліодоръ представилъ ей Распутина, сказавъ: „Вотъ мой другъ“.

Игнатъева съ недоумѣніемъ посмотрѣла на Распутина, — такъ, что какъ-будто на губахъ ея застылъ какой-то невысказанный вопросъ, — процѣдила сквозь зубы: „очень пріятно“ и предложила сѣсть.

Во время разговора, темой котораго было перемѣщеніе Иліодора, вмѣшался Распутинъ. Онъ дрожалъ, какъ въ лихорадкѣ, пальцы и губы тряслись, лицо сдѣлалось блѣднымъ, а носъ — даже какимъ-то прозрачнымъ; задвигавшись въ креслѣ, онъ приблизилъ свое лицо къ лицу графини, поднесъ свой указательный палецъ къ самому ея носу и, грозя пальцемъ, отрывисто, съ большимъ волненіемъ, заговорилъ:

— Я тебѣ говорю, цыть! Я, Григорій, тебѣ говорю, что онъ будетъ въ Царицынѣ! Понимаешь? Много на себя не бери, вѣдь все же ты — баба!..“

Графиня отъ этихъ словъ „старца“ совершенно опѣшила.

А Григорій, поднявшись съ кресла, дернулъ Иліодора за рукавъ ясы и сказалъ:

— Гай-да! Домой!

Много рассказывалъ Распутинъ Иліодору о томъ, какъ онъ бываетъ у царей и что тамъ дѣлаетъ.

— Не думай, — говорилъ Иліодору Распутинъ, — что съ царями легко говорить. Нѣтъ, трудно, а ужъ губы кровью запекаются, весь съежишься, когда даешь имъ какой-либо совѣтъ... Они у меня спрашиваютъ обо всемъ... О войнѣ, о Думѣ, о министрѣ... Вотъ такъ у него ажъ румянцы заиграли на обѣихъ щекахъ, весь затрясся, неохотно-то мужика слушать, а послушался... Онъ безъ меня и дыхнуть не можетъ. Все мнѣ говоритъ: „Григорій, Григорій! Ходи чаще къ намъ. Когда ты съ нами, намъ весело, легко, отрадно. Ходи, только ни о комъ не проси меня. Вѣдь знаешь, я тебя люблю, и всегда“

готовъ сдѣлать все то, что ты скажешь, но мнѣ бываетъ трудно иногда исполнять твои желанія, такъ какъ ты желаешь такъ, а министры иначе, — вѣдь они тебя не любятъ, особенно Столыпинъ.

Разъ царь говоритъ мнѣ:

— Григорій! Мнѣ Столыпинъ не нравится своей наглостью. Какъ быть?

— А ты его испугай своею простотой.

— Какъ такъ?

— Возьми одѣнь самую простую русскую рубашку и выдь къ нему, когда онъ явится къ тебѣ съ особымъ важнымъ докладомъ.

Царь такъ и сдѣлалъ.

Столыпинъ, явившись, увидѣлъ царя и спросилъ:

— Ваше величество! Какъ вы просто одѣты!

А царь по моему совѣту отвѣтилъ:

— Самъ Богъ въ простотѣ обитаетъ.

Отъ этихъ словъ Столыпинъ прикусилъ языкъ и даже какъ-то покоробился.

Для поддержанія вѣры необходимы:

— Чудеса.

Въ этомъ отношеніи обитатели Царскаго Села нисколько не отличались отъ слѣпыхъ и фанатичныхъ дикарей!

аспутинъ великолѣпно понималъ свою:

— Клиентуру.

И обманывалъ ихъ при помощи самыхъ простыхъ фокусовъ.

Заранѣе подстроенныхъ, но создавшихъ вокругъ „старца“ необходимый ореолъ:

— Святости.

Едва ли не самымъ нахальнымъ и возмутительнымъ изъ серіи этихъ придворныхъ „чудесъ“ было „чудо“ съ люстрой.

Въ одной изъ залъ царскосельскаго дворца висѣла прекрасная бронзовая люстра.

Подаренная еще Екатеринѣ II однимъ изъ западно-европейскихъ властителей.

Алексѣй любилъ играть въ этой залѣ.

Тамъ такъ славно ложился солнечный свѣтъ, льющійся изъ высокихъ оконъ.

Однажды Распутинъ сказалъ „Сашкѣ“:

— Завтра сына въ эту комнату не пускай. Какъ бы грѣха не случилось...

И больше никакихъ объясненій.

Разумѣется, совѣтъ „старца“ былъ исполненъ въ точности.

Залъ заперли.

И вдругъ на другой день въ этой залѣ раздался грохотъ, похожій на взрывъ адской машины.

Грохотъ и звонъ.

Дворцовое населеніе не могло пошевелинуться отъ ужаса.

Отперли двери. Ждали, что вся зала разворочена этимъ взрывомъ.

И только прекрасная люстра была на полу.

Она сорвалась съ потолка.

Вотъ это угрожало Алексѣю!

Къ Распутину бросилась вся семья.

— Спаситель.

А онъ гладилъ бороду:

— Да, ужъ если бъ не я—крышка ребеночку. Голосъ мнѣ былъ... Пужать не хотѣлось и не говорилъ...

Вынесли остовъ люстры. Одинъ изъ свиты воскликнулъ, указывая на обрывокъ цѣпи:

— Вотъ такъ чудо!.

На мѣстѣ разрыва цѣпь была совершенно гладкая и блестящая. По ней очевидно прошелся чей-то подпалокъ.

Распутинъ не растерялся:

— Злоумышленники не дремлютъ... Голосъ мнѣ былъ...

Ненависть Распутина къ великому квязю Николаю Николаевичу началась еще съ тѣхъ поръ, какъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ князь добивался высылки Распутина въ деревню.

Въ началѣ войны Распутину очень хотѣлось побывать въ ставкѣ, и можно представить себѣ его радость, когда однажды онъ получилъ телеграмму изъ ставки.

Онъ рѣшилъ, что его хлопоты увѣнчались успѣхомъ. Но едва онъ прочелъ телеграмму, какъ фізіо-

номія его измѣнилась и радость уступило мѣсто злобѣ. Въ телеграммѣ было написано:

— Приѣзжай. Съ радостью тебя повѣшу. Генераль-адъютантъ Николай.

Трудно описать, что произошло съ нимъ послѣ чтенія этой телеграммы. Онъ весь побагровелъ. Маленькіе глаза злобно забѣгали, губы затряслись и стали шептать какія-то угрозы:

— Ты меня повѣсишь. Погоди же: не ты, а я тебя повѣшу.

Эту фразу онъ повторилъ шопотомъ разъ 10, если не больше. Лицо его въ этотъ моментъ сдѣлалось страшнымъ. Руки дрожали. Взглядъ былъ необычайно свирѣпымъ.

Николай Николаевичъ зналъ, что Распутинъ является нѣмецкимъ агентомъ, что многія наши неудачи на фронтѣ были результатомъ его подлой предательской интриги при дворѣ. Распутинъ даже не скрывалъ своихъ чувствъ къ нѣмцамъ. Въ этомъ отношеніи онъ, повидиму, былъ совершенно одинаковаго образа мыслей съ Александрой Θεодоровной.

Какъ-то разъ одна дама изъ высокопоставленныхъ, говоря о сдачѣ Варшавы съ Распутинымъ, ломая, руки, спросила:

— Что же дальше будетъ?

Распутинъ слушалъ, слушалъ и вдругъ радостно воскликнулъ, хлопнувъ въ ладоши:

— Люблю нѣмцевъ. Молодцы!

Это было сказано въ присутствіи Романовыхъ и это ничуть не повліяло на карьеру Распутина.

Это вырвавшееся у Распутина восклицаніе вполне соответствовало настроенію Романовыхъ.

Каждый изъ Романовыхъ въ любую минуту готовъ былъ присоединится къ этому близкому ихъ сердцу возгласу:

— Люблю нѣмцевъ, Молодцы!

Іліодоръ и Распутинъ.

Каковы были отношенія между Іліодоромъ и Распутинымъ, что сблизило ихъ и что впоследствии сдѣлало злѣйшими врагами?

Каковы были отношенія ихъ обоихъ къ дому Романовыхъ?

Отвѣтъ на эти вопросы можно найти, ознакомившись съ „копией протокола осмотра показанія Сергѣя Труфанова (Іліодора) по дѣлу по обвиненію его по первой части 103 ст. уголовн. уложенія“.

Этотъ официальный документъ—показаніе Іліодора—содержитъ въ себѣ много любопытнаго.

Вотъ его содержаніе:

1914 года сентября 13-го дня. Судебный слѣдователь 1-го участка города Новочеркасска, въ присутствіи понятыхъ, согласно требованію судебного слѣдователя по Тюменскому уѣзду отъ 4-го сентября с. г. № 1396, производилъ осмотръ слѣдственного производства судебного слѣдователя новочеркасскаго окружнаго суда по важнѣйшимъ дѣламъ по обвиненію Сергѣя Труфанова въ преступленіи, въ предусмотренномъ 103 ст. уголовного судопроизводства, при чемъ оказалось слѣдующее:

Означеннымъ слѣдователемъ 1-мая 1914 года былъ допрошенъ Труфановъ въ качествѣ обвиняемаго по первой части въ качествѣ обвиняемаго по первой части 103 ст. угол. улож., который, между прочимъ, показалъ:

„Перехожу къ описанію мнимаго политическаго преступленія въ тѣсной связи съ личностью Григорія Распутина. 17-го января 1912 г. я, по высочайшему повелѣнію, сосланъ былъ изъ Петербурга во Флорисшеву пустынь; съ сильнымъ желаніемъ открыть царю правду и испросить помилованіе, я въ теченіи 7-ми дней не ѣхалъ во Флорисшеву пустынь, а скрывался въ Петербургѣ. Два дня я скрывался на Ярославскомъ подворьѣ у епископа Ермогена, а пять дней—во дворцѣ доктора тибетской медицины П. А. Бадмаева.

Такъ какъ государь императоръ очень уважаетъ этого потомка тибетскихъ князей, то я со слезами просилъ его ѣхать къ царю и объяснить, въ чемъ дѣло. Онъ поставилъ меня передъ иконой Успенія Божіей Матери, упалъ на колѣни, горько заплакалъ, обнялъ меня и спросилъ: „Не пойдете ли вы когда-либо противъ царя?“. Я отвѣтилъ; „Никогда“. Онъ

сказалъ: „Молодецъ... Я завтра же начну хлопатать о твоёмъ (можетъ-быть, онъ сказалъ и о „вашемъ“) помилованіи“. Это было утромъ. Въ часа ночи, когда я уже успѣлъ часа три соснуть, онъ, явившись домой съ бала у министра внутреннихъ дѣлъ, позвалъ меня наверхъ и сказалъ буквально слѣдующее: „Сейчасъ я говорилъ съ дворцовымъ комендантомъ Дедюлинымъ. Онъ просилъ васъ подробно написать о томъ, что вы знаете вообще про Распутина. Письмо это будетъ передано только одному государю императору“. Когда онъ говорилъ эти слова, присутствовала его экономка. Какъ ее звать,—не помню.

Я обрадовался такому обороту дѣла, засѣлъ за писаніе письма и писалъ его до 8-ми часовъ утра.

Писалъ я приблизительно слѣдующее: съ Григоріемъ Распутинымъ я познакомился еще тогда, когда былъ въ академіи. Знакомство было краткое. Когда меня изъ Царицына перевели въ Минскъ, по настоянію министра Столыпина, запечатали монастырь и запретили мнѣ священно-служеніе. Я поѣхалъ въ Петербургъ къ епископу Теофану, ректору духовной академіи. Была Великая суббота. Въ квартирѣ епископа Теофана я встрѣтилъ Григорія Распутина. Распутинъ мнѣ сказалъ: „Ты будешь въ Царицынѣ“. На второй день Пасхи онъ устроилъ мнѣ свиданіе съ государыней императрицей Александрой Федоровной. Она мнѣ изволила сказать, чтобы я ѣхалъ въ Царицынъ, и я поѣхалъ. Послѣ этого въ Царицынъ началъ пріѣзжать Григорій Распутинъ ко мнѣ въ гости въ монастырь. Я принялъ его въ первый разъ какъ своего благодѣтеля, чудотворца, пророка и царскаго наставника, какъ онъ себя именовалъ.

Въ это время поднялась противъ него газетная кампанія. Я началъ яростно защищать своего благодѣтеля, но въ то же время я внимательно присматривался къ его личности. Къ этому времени епископъ Теофанъ, духовникъ ихъ величествъ, уже разошелся съ Распутинымъ и попалъ въ опалу. По словамъ Распутина, государыня императрица, когда Теофанъ пришелъ къ ней съ докладомъ о Распутинѣ, топнула на него ногой и закричала: „Уйди съ моихъ глазъ,

иначе тебя выведутъ слуги мои! Не клевети на великаго праведника!“.

Теофанъ ушелъ, потомъ былъ сосланъ въ Тавриду. Онъ писалъ мнѣ: „Не защищай Григорія Распутина“. Заклиналъ меня, умолялъ меня не вѣрять ему, призывая во свидѣтели всемогущаго Бога.

Я не зналъ, что дѣлать: не то согласиться съ Теофаномъ, не то защищать своего благодѣтеля. Обратился за совѣтомъ къ Распутину. Распутинъ сказалъ мнѣ: „Не вѣрь ему. Это все онъ дѣлаетъ изъ зависти, что я ближе его къ царю и царицѣ сталъ“. Тогда я еще усерднѣе сталъ защищать Распутина. Столыпинъ писалъ Гермогену: „унять Иліодора“ въ этомъ отношеніи, но я не унимался.

Распутинъ очень расположился ко мнѣ и началъ посвящать меня въ свои тайны. Онъ говорилъ мнѣ слѣдующее: „Царь и царица становились передо мною на колѣни и цѣловали мои ноги. Государь называетъ меня Христомъ, императрица во всемъ слушается меня. Когда я прихожу, она кладетъ на плечо мнѣ. Я беру ее на руки свои, жму ее и на рукахъ ношу ее. Я хожу по дворцу, какъ по своему дому. Для меня всегда открыты двери въ дѣтскую царской семьи. Однажды всѣ дѣти, дочери и наслѣдникъ посадились ко мнѣ на спину. Я минутъ десять возилъ ихъ по комнатѣ, затѣмъ началъ пѣть съ ними гимнъ „Боже, царя храни“. Когда дѣти ложились спать, я крестилъ ихъ и клалъ имъ въ изголовье Евангеліе“.

Распутинъ передавалъ мнѣ разговоръ императрицы съ архимандритомъ Варнавой, нынѣ епископомъ тобольскимъ, будто императрица говорила про Варнаву такъ: „Григорій, Григорій, вотъ этотъ Варнава—сусликъ, такъ сусликъ... Мужичокъ, а хочетъ быть епископомъ... Вотъ какой... придетъ, упадетъ въ ноги и кричить: „Ваше величество, хочу быть епископомъ, дайте мнѣ епископство“.

Распутинъ передавалъ мнѣ отзывы государя о бывшемъ саратовскомъ губернаторѣ, графѣ Татищевѣ, Татищевъ написалъ государю письмо, въ которомъ указалъ: „Хотя вы и царь, но мы съ вами товарищи, потому что служили въ одномъ полку“. Государь,

по словамъ Распутина, прочиталъ письмо и сказалъ: „Вотъ дуракъ товарищъ-то нашелся“.

По словамъ Распутина, графиня Игнатъева написала императрицѣ письмо, въ которомъ давала совѣты, какъ нужно устраивать нравственную жизнь въ отечествѣ. Императрица прочитала это письмо и сказала: „Дуры постоянно берутъ на себя очень много“.

Одновременно съ рассказами о царской жизни и о томъ, какъ онъ бываетъ во дворцахъ царскихъ, Распутинъ постепенно посвящалъ меня въ тайны своихъ исключительныхъ подвиговъ. Онъ говорилъ, что прикосновеніемъ къ тѣлу женскому онъ освящаетъ это тѣло. Не видя смущенія на лицѣ моемъ, онъ распоясывался далѣе: онъ говорилъ о томъ, что искусно умѣетъ снимать съ женщинъ блудныя страсти, ходить съ голыми женщинами изъ высшаго круга въ баню и заставлять ихъ удостовѣриться въ его безстрастности“.

(Въ дальнѣйшемъ показанія Илюдора не могутъ быть оглашены, такъ какъ они оскорбляютъ общественную нравственность).

О министрахъ Распутинъ выражался такъ: „Мнѣ ничего не стоитъ любого министра съ мѣста сдвинуть“. О Саблерѣ говорилъ такъ: „А знаешь, это... Саблеръ мнѣ въ ноги поклонился“. И наглядно показалъ, какъ это было сдѣлано: „За то, что я его въ „прукороры“ (прокуроры) доспѣлъ“.

Въ Россію Распутинъ пріѣзжалъ въ грязной, старой одеждѣ.

Видя во мнѣ истиннаго друга, онъ однажды пригласилъ меня къ себѣ въ гости въ село Покровское, Тюменскаго уѣзда, Тобольской губ. Я, движимый сильнымъ чувствомъ узнать истину, какъ живетъ у себя дома великій пророкъ, чудотворецъ и царскій наставникъ, охотно поѣхалъ. Въ селѣ Покровскомъ я увидѣлъ у Распутина прекрасный домъ, построенный великой княгиней Милиціей Николаевной. Въ домѣ я увидѣлъ прекрасный коверъ, подаренный ему великой княгиней Анастасіей Николаевной. Увидѣлъ шикарную обстановку, увидѣлъ драгоценныя подарки государя и государыни, увидѣлъ

императорскіе портреты съ именными надписями, увидѣлъ, наконецъ, богатѣйшій гардеробъ прекрасныхъ шубъ и бобровыхъ шапокъ, увидѣлъ все это, и въ душу мою закралось сомнѣніе о новоявленномъ пророкѣ.

Распутинъ, очевидно, желая еще болѣе похвалиться своимъ положеніемъ, открылъ сундукъ и вытащилъ оттуда большой узелокъ съ письмами. „Что это такое?“—спросилъ я. Онъ отвѣтилъ: „Это письмо государыни, великихъ княгинь, княженъ, наслѣдника цесаревича“. Письмо наслѣдника представляло собою небольшой кусокъ бумажки, въ центрѣ которой написана была слабой дѣтской рукой буква „А“, а отъ этой буквы въ разныя стороны шла одна безконечная кривая. Распутинъ объяснилъ, что это письмо наслѣдникъ написалъ тогда, когда онъ научился писать первую букву. Я попросилъ у Распутина нѣсколько писемъ на память. Онъ охотно далъ мнѣ письмо государыни и по два письма каждой великой княжны.

Письма эти по своему содержанію касались интимныхъ сторонъ жизни августѣйшей семьи, и въ случаѣ надобности я могу возстановить содержаніе этихъ писемъ.

Я пробылъ у Распутина двѣ недѣли и уѣхалъ домой. О личности его я началъ недоумѣвать: „Кто онъ такой,—святой ангелъ или чортъ?“ Вскорѣ послѣ этого мнѣ пришлось съ нимъ встрѣтиться у епископа саратовскаго Гермогена. Гермогенъ заставилъ меня готовить Распутина въ священники. Принявшись за дѣло, я цѣлый день училъ его произносить на память первое прошеніе великой ектеніи: „Миромъ Господу помолимся“. На второмъ прошеніи Распутинъ застрялъ.

Полтора дня я бился съ нимъ, потому что онъ человекъ очень безтолковый и безпамятный. Въ этотъ разъ онъ ночью въ углу архіерейскаго двора пытался изнасиловать молоденькую дѣвочку, свояченицу эконома архіерейскаго дома. На другую ночь онъ забрался въ спальню молодой матушки, но получилъ рѣзкую пощечину.

Я приходилъ все въ большее смущеніе отъ подвиговъ Распутина. Въ этотъ годъ меня, по настоянію Столыпина и оберъ-прокурора Лукьянова, изгнали изъ Царицына въ Тульскую губ. Оттуда я скоро объѣжалъ въ Царицынъ. По совѣту Распутина, императоръ сказалъ Столыпину: „Иліодора возьми изъ царицынскаго монастыря, но ни одной старушки не тронь. Заварилъ кашу,—самъ и расхлебывай“.

Взять меня безъ того, чтобы не тронуть народъ, нельзя было, и я былъ оставленъ въ Царицынѣ, несмотря на то, что при возвращеніи меня изъ Минска государь написалъ Синоду: „Разрѣшаю іеромонаху Иліодору возвратиться въ Царицынъ на испытаніе его въ послѣдній разъ“.

Распутинъ продолжалъ время-отъ-времени навѣщать Царицынъ, развѣзая со мною по домамъ моихъ почитателей. Онъ вездѣ цѣловалъ, обнималъ красивыхъ дѣвушекъ и молодыхъ дамъ. Старухъ, желавшихъ съ нимъ лобызаться, онъ, не стѣсняясь, отталкивалъ отъ себя. Иногда онъ говорилъ такъ: „А что, если меня царица шугнетъ, куда я дѣнусь?“ Говорилъ и такъ: „Мама (т.-е. царица) говоритъ мнѣ: „Ты не бойся Теофана и Ѳедченки (архимандритъ Веніаминъ), а бойся Иліодора. Онъ такъ шугнетъ тебя, что ты себѣ мѣста не найдешь, и мы не будемъ въ состояніи чѣмъ-нибудь тебѣ помочь“.

Къ смущенію моему, Распутину въ это время не было предѣла. Я уже хотѣлъ съ нимъ развязаться, но не зналъ, какъ. Онъ замѣтилъ это и, чтобы не потерять дружбы со мной, объщалъ мнѣ отъ царицы скорый епископскій санъ и говорилъ мнѣ: „Мама готовить тебѣ брильянтовую панагію за 15,000 руб.“. Я спрашивалъ, за что мнѣ все это, такому молодому. Онъ отвѣчалъ: „За то, что будешь со мной“.

Но я думалъ не о продленіи дружбы, а о томъ, какъ бы этого негодяя отбить отъ царей. Я спрашивалъ Распутина: „Григорій, правду ли про тебя пишутъ въ газетахъ и говорятъ нехорошее?“ Онъ остановилъ меня передъ иконой и говорилъ: „Что ты, чудакъ, вѣришь всякому вздору. Развѣ не знаешь, что моя доля—доля всѣхъ праведниковъ, спасшихся скорбями отъ клеветы и злобы человѣческой. Мотри

у меня“,—при этомъ онъ грозился на меня пальцемъ, а въ сосѣднихъ къ монастырю домахъ говорилъ: „Иліодоръ сталъ непочтительно относиться къ моему положенію. Я его скоро выгоню изъ Царицына. Онъ только мною и держится въ Царицынѣ“. Я „молчалъ“ и „молчалъ“. Когда я представлялся государю, государь съ большимъ уваженіемъ отзывался о Распутинѣ.

Въ послѣдній разъ Распутинъ посѣтилъ Царицынъ въ іюлѣ 1911 г. Народъ видѣлъ въ немъ уже не святого, а духовнаго и тѣлеснаго растлителя. Онъ, чтобы поднять свое значеніе въ глазахъ царицынскаго народа, рѣшилъ передъ нимъ еще разъ блеснуть своимъ вліяніемъ во дворѣ. Онъ послалъ государынѣ телеграмму съ просьбой прислать 3,000 руб. на бѣдныхъ паломниковъ. Государыня немедленно выслала 3,000 руб., но душа моя уже оторвалась отъ Распутина.

Къ тому моменту я доподлинно узналъ о немъ слѣдующее: Распутинъ изнасиловалъ няню царскихъ дѣтей, дѣвицу М. И. В., изнасиловалъ дѣвицу Е. Н. Т., изнасиловалъ въ купѣ перваго класса вдову офицера Ф. Б. и заставилъ ее класть 200 поклоновъ за то, что она подумала, что онъ съ ней сдѣлалъ грѣхъ. Изнасиловалъ въ Царицынѣ монахиню К. (Дальше слѣдуютъ нецензурныя показанія).

Писалъ я еще въ этомъ письмѣ, какъ я съ епископомъ Гермогеномъ избличалъ Распутина, запрещалъ ему ходить въ царскій дворецъ и даже забыть туда дорогу. Блаженный Митя, увидѣвъ Распутина, кричалъ: „Ты обидѣлъ много мамокъ, лялекъ“ и т. д. Митя Блаженный—мѣщанинъ города Козельска Дмитрій Поповъ, неоднократно бывавшій у царя и царицы.

Письмо это я писалъ исключительно только для государя, желая по долгу священства довести до его свѣдѣнія, что именно собою представляетъ Григорій Распутинъ, и какъ онъ обезчестилъ весь российский императорскій домъ. Но письмо это, по пословицѣ: „услужливый дуракъ опаснѣе врага“,—черезъ д-ра Вадмаева царю не попало, а попало председателю Думы Родзянко и членамъ Думы Гучкову и

Каменскому. Очевидно, напечатанное „ремингтономъ“, оно распространено ими среди членовъ Думы и членовъ Государственнаго Совѣта, салоновъ Петрограда, а оттуда попало въ Царицынъ. Вотъ откуда царицынскіе люди узнали исторію моего паденія, положеніе Распутина въ Петроградѣ при дворѣ и знакомилась съ личностью этого государственнаго церковнаго преступника.

Въ этомъ моемъ шагѣ противъ Распутина и заключается мое мнимое политическое преступленіе, давшее поводъ бродягамъ клеветать на меня. Такимъ образомъ, всѣ приписываемыя мнѣ по сему дѣлу заочныя оскорбительныя выраженія по адресу ихъ величествъ и его высочества представляютъ сплошную вымыселъ на основаніи народныхъ слуховъ и сплетенъ. А слухи эти пустилъ самъ Распутинъ. Распутинъ также пустилъ слухи по Петрограду, будто я и епископъ Гермогенъ утверждали, что онъ, Распутинъ... съ императрицей, и наследникъ отъ него.

Объ этихъ слухахъ передавалъ мнѣ д-ръ Балмаевъ, а Распутинъ мнѣ на другой день послѣ обличенія говорилъ: „Позоветь императрица Гермогена: „Что ты обо мнѣ думаешь, что утверждаешь про мою связь съ Распутинымъ?“. Я замѣтилъ ему, что „объ этомъ кричалъ Митя Блаженный, а Гермогенъ его даже удерживалъ. Зачѣмъ ты говоришь на Гермогена?“. Распутинъ сжалъ губы, погрозился пальцемъ и сказалъ: „Вотъ онъ у меня потанцуетъ“.

Болѣе показать по этому дѣлу ничего не имѣю. Прошу еще добавить: разъ или два,—кому, не упомяну,—въ Новой Галилеѣ я говорилъ: „Архіереи, заключившіе меня во Флорищеву пустынь, поклонились грязному кобелю Григорію Распутину, гнусныя дѣянія котораго они хорошо знали и знаютъ“.

Показанія свои Иліодоръ давалъ въ присутствіи представителей Святѣйшаго Синода.

Слѣдуетъ подпись прокурора омской судебной палаты. Подпись неразборчива.

Таково показаніе Иліодора, данное имъ для своей защиты.

Сомнительно, чтобы эта защита могла облить и оправдать въ глазахъ кого-бы то ни было самого

Иліодора, непосредственнаго участника шайки темныхъ силъ, губившихъ и продававшихъ Россію.

Но нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что это показаніе Иліодора, это—лишній пунктъ въ обвинительномъ актѣ, который русскій народъ вручить дому Романовыхъ.

Вліяніе Распутина.

Существуютъ два объясненія причинъ исключительнаго вліянія Распутина на Николая и Александрю Романовыхъ.

Они объясняютъ это вліяніе причинами мистическаго свойства. Говорятъ о существованіи какого-то оккультнаго кружка, вся гипнотическая сила котораго была передана Распутину. Другіе, болѣе къ истинѣ близкіе, не отрицаютъ исключительной силы Распутина, какъ гипнотизера, видятъ секретъ его вліянія въ самой личности Николая Романова и обстановкѣ двора.

Николай Романовъ съ самаго вступленія своего на престолъ питалъ пристрастіе ко всему мистическому и часто принималъ участіе въ спиритическихъ сеансахъ. При дворѣ съ самаго начала его царствования получили большое вліяніе разные проходимцы, игравшіе на этой именно сторонѣ характера Николая Романова. Первый былъ Папюсъ, затѣмъ появился Филиппъ и, наконецъ, Распутинъ. Второй чертой характера Николая, могущей пролить свѣтъ на вліяніе Распутина, являлась крайняя недовѣрчивость къ людямъ, окружавшимъ его, и страшная подозрительность. Николай никогда не обращался за совѣтами по дѣламъ государственнымъ къ специалистамъ данной области, а всегда прибѣгалъ къ услугамъ случайныхъ людей. Всѣ назначенія его царствования объяснялись именно этой недовѣрчивостью къ людямъ и основанной на ней боязнью специалистовъ дѣла.

Напримѣръ, совѣтникомъ по дѣламъ внутренней политики въ послѣднее время былъ акушеръ Рейнъ.

Среди придворныхъ по поводу этого пристрастія къ неспециалистамъ Николая ходила ѣдкая и характерная эпиграмма:

Теперь я васъ предупреждаю:
Военнаго министра постъ
Займетъ, какъ я навѣрно знаю
Преосвященный Θεогность.

Распутинъ, „простой сибирскій мужичокъ“, какъ называлъ его Николай Романовъ, умѣлъ великолѣпно использовать эти качества характера бывшаго царя. распутинъ являлся орудіемъ нѣмецкой партіи въ широкомъ смыслѣ этого слова. Онъ былъ педалью, когда нужно было подѣйствовать на волю Романова.

Трудно себѣ представить то чрезвычайное, исключительное вліяніе, которое Распутинъ имѣлъ при дворѣ. Ни одно болѣе или менѣе крупное назначеніе не проходило безъ его вѣдома и участія.

Бывшій предсѣдатель совѣта министровъ А. О. Треповъ немедленно послѣ своего назначенія возбудилъ вопросъ объ отставкѣ Протопопова. Вліяніе Трепова было въ то время значительно, и лица близко стоявшія ко двору, почти не сомнѣвались, что увольненіе Протопопова—вопросъ нѣсколькихъ дней. Два раза ѣздилъ Треповъ въ ставку съ исключительной цѣлью убѣдить Николая II отказатьсь отъ услугъ Протопопова. Аудиенція каждый разъ носила „милостивый“ характеръ, и, казалось, судьба Протопопова, какъ министра, рѣшена, но каждый разъ старанія Трепова въ послѣдній моментъ терпѣли неудачу. Вскорѣ выяснилось, что Трепову противодѣйствовали, главнымъ образомъ, Распутинъ. Онъ считалъ увольненіе Протопопова нежелательнымъ.

Треповъ пытался бороться съ вліяніемъ Распутина, но неудачно. И вотъ, убѣдившись въ тщетности всѣхъ своихъ попытокъ, Треповъ предпринялъ послѣднюю: убѣдить Распутина согласиться на увольненіе Протопопова. Для этого оставалось одно средство—подкупить Распутина.

Треповъ долго колебался и, наконецъ, рѣшился командировать къ Распутину своего шурина А. А. Мосолова съ предложеніемъ 150,000 рублей въ томъ случаѣ, если Распутинъ откажется отъ поддержки Протопопова. Въ первый разъ за всю свою „государ-

ственную“ дѣятельность Распутинъ отказался отъ денегъ. Объясняется это очень просто.

Распутину было невыгодно отказаться отъ поддержки Протопопова за 150,000 рублей, такъ какъ за эту поддержку онъ получалъ значительно большую сумму отъ образовавшейся въ началѣ 1916 года въ Стокгольмѣ партіи „зеленыхъ“. Партія эта состояла изъ нѣмецкихъ чиновниковъ, командированныхъ берлинскимъ правительствомъ въ Стокгольмъ для воздѣйствія на внутреннія государственныя дѣла Россіи. Главнымъ представителемъ этой партіи въ Петроградѣ являлся Распутинъ, которому была дана опредѣленная инструкция—придавать государственной политикѣ такое направленіе, при которомъ увеличивались бы внутреннія недовольства въ имперіи. Министерская „чехарда“ являлась результатомъ распоряженій, исходившихъ изъ Стокгольма.

Этотъ фактъ достаточно ярко иллюстрируетъ вліятельность Распутина и безволіе Николая II. Безволіе это часто проявлялось у бывшаго царя въ такой рѣзкой формѣ, что заставляло поражаться даже лицъ, весьма близкихъ ко двору и хорошо знакомыхъ съ порядкомъ управленія имперіей, установившимся при Николаѣ II.

Въ этомъ отношеніи любопытна исторія отставки А. Д. Самарина. Во время своей послѣдней поѣздки въ ставку Самаринъ затронулъ вопросъ о вліяніи „темныхъ силъ“. Вопреки всѣмъ ожиданіямъ, царь былъ чрезвычайно любезенъ съ Самаринымъ и пригласилъ его къ ужину. Во время ужина любезность Николая II еще болѣе возросла. Самаринъ былъ положительно центромъ вниманія и вернулся къ себѣ совершенно очарованнымъ, а потому, естественно, менѣе всего ожидалъ того, что случилось на слѣдующій же день, утромъ... Самаринъ еще спалъ, когда ему утромъ доложили, что къ нему явился съ визитомъ бывший въ то время въ ставкѣ предсѣдатель совѣта министровъ Горемыкинъ. Горемыкинъ былъ въ полной парадной формѣ. Съ первыхъ же словъ онъ заявилъ Самарину, что получилъ высочайшее повелѣніе сообщить ему о томъ, что Николай II въ его услу-

гахъ, какъ оберъ-прокурора Синода, больше не нуждается.

Распутинъ былъ выведенъ „въ люди“ большого свѣта великой княгиней Милицей Николаевной.

Смерть Толстого и запрещеніе Синодомъ покойныхъ по великомъ мертвецѣ службъ всколыхнули царя и онъ занялся обсужденіемъ послѣдняго вопроса.

Но всѣ сомнѣнія свои по поводу правильности синодальнаго рѣшенія царь не нашелъ повѣдать никому другому, какъ сибирскому конокраду. Выписали отсюда „Григорія Ефимовича“.

Вдѣтъ тотъ въ столицу въ первомъ классѣ сибирскаго экспресса и чистосердечно повѣствуетъ смущеннымъ негодующимъ попутчикамъ:

— Не въ первый разъ ѣду въ Царское Село. Правда, придворные меня не любятъ. Ну, да что. А я съ царемъ и съ царицею за однимъ столомъ сижу, чай пьемъ, разговариваемъ. А теперь меня царь вызываетъ, чтобъ насчетъ того поговорить, правильно ли попы поступили, что Толстого отказались хоронить. Царь считаетъ, что поступили они глупо...

Протестантка по воспитанію, стало-быть, послѣдовательница совершенно чуждаго православію, духа, царица ударялась въ крайность, въ чисто примитивную вѣру, сводящуюся не столь къ познанію божественной воли, сколько фиксированію на изображеніяхъ божества.

До замужества Александра весьма критически относилась къ сути православія, гдѣ ей многое претило.

Теперь она скупааетъ иконы по всей Россіи и завѣшиваетъ ими всѣ стѣны своей моленной.

Въ пьяномъ видѣ Распутинъ, случалось, говорилъ слишкомъ много, и то, чего не слѣдовало. Въ трезвомъ видѣ онъ воздерживался говорить о своихъ отношеніяхъ ко двору, а въ пьяномъ распускался.

Однажды въ бесѣдѣ съ особой, ему близкой, и къ которой онъ былъ особенно расположенъ, въ совершенно пьяномъ видѣ Распутинъ проболтался въ томъ, почему онъ имѣетъ исключительное вліяніе при дворѣ.

Основой могущества Распутина бѣло какое-то вліяніе на здоровье бывшаго наслѣдника. Случалось,

что Распутинъ удалялся, — какъ это было, напиримѣръ по настоянію Коковцова, — но тогда наслѣдникъ начиналъ болѣть кровоточеніемъ. Доктора не могли найти причины и не знали средства прекратить это болѣзненное явленіе. Выписывался снова Распутинъ. Онъ возлагалъ руки, дѣлалъ пассы, и болѣзнь черезъ нѣсколько времени прекращалась.

Это было очень ловкой махинаціей, устроенной г-жой Вырубовой, при содѣйствіи неслѣдственнаго доктора тибетской медицины Бадмаева. Бывшаго наслѣдника систематически „подтравливали“.

Въ числѣ средствъ тибетской медицины у Бадмаева имѣлись порошокъ изъ молодыхъ оленьихъ роговъ, такъ называемыхъ „пантовъ“, и порошокъ корня жень-шеня. Это — очень сильно дѣйствующія средства, принятые въ китайской медицинѣ. Рано весною, когда олени мѣняютъ рога и сбрасываютъ старые, у нихъ на мѣстѣ будущихъ новыхъ роговъ появляются маленькія шишки: это и есть панты. На Дальнемъ Востокѣ есть спеціальные охотники на оленьей въ это время. И вырѣзанные панты они продаютъ китайцамъ за очень большія деньги.

Корень жень-шеня — тоже очень сильно дѣйствующее средство. Цѣнность его поднимается выше, чѣмъ больше корень напоминаетъ въ грубыхъ очертаніяхъ человѣческую фигуру; и корень, у котораго можно разобрать „голову, руки и ноги“, цѣнится невѣроятно дорого. Китайцы на нашемъ Дальнемъ Востокѣ скупаютъ панты и корень жень-шеня за большія деньги и увозятъ ихъ въ Китай, гдѣ наживаются неизменно. Это — одинъ изъ самыхъ выгодныхъ промысловъ.

Китайская медицина приписываетъ измельченнымъ въ порошокъ пантамъ и корню жень-шеня способность поднимать дѣятельность сердца. Какъ порошокъ пантовъ, такъ и корню жень-шеня приписываютъ способность омолаживать стариковъ „въ любовномъ отношеніи“. Но порошки пантовъ и жень-шеня могутъ, будучи употребляемы въ сильныхъ дозахъ, вызывать сильное и опасное кровоточеніе, особенно, конечно у людей, предрасположенныхъ къ этимъ кровоточеніямъ.

Бывшій наслѣдникъ, какъ извѣстно, очень пред-

расположенъ къ кровотеченіямъ, и вотъ, когда нужно было поднять вліяніе Распутина или вызвать въ случаѣ его удаленія новое появленіе, Вырубова брала у Бадмаева эти порошки, и это средство ухитрялась, подмѣшивая къ питью или пищѣ, давать бывшему наслѣднику.

Болѣзнь открывалась. Пока не возвращался Распутинъ, наслѣдника продолжали „подтравливать“. Доктора теряли голову, не зная, чему приписать обостреніе болѣзни. Не находили ни какихъ средствъ. Посылали за Распутинымъ. Распутинъ являлся. Порошки переставали давать, и черезъ нѣсколько времени припадки исчезали.

Такъ Распутинъ являлся чудотворцемъ. Жизнь и пребываніе Распутина связывали съ жизнью и здоровьемъ бывшаго наслѣдника.

Онъ говорилъ Александрѣ Федоровнѣ за послѣднее время, получая анонимныя письма и телефонныя сообщенія, что его убьютъ:

— Когда я умру, на 40-й день по моей смерти наслѣдникъ заболѣетъ.

И „пророчество“ дѣйствительно исполнилось. На 40-й день по смерти Распутина наслѣдникъ заболѣлъ. Очевидно Вырубова рѣшила и послѣ смерти Распутина тѣмъ же способомъ держать въ рукахъ семью Николая II. Очевидно, Вырубова хотѣла или сама на себя принять роль челоѣка, на котораго снизошелъ духъ Распутина, или же подготавливала другого Распутина.

Роли этого лица очень добивался Протопоповъ, который истерическимъ голосомъ кричалъ, употребляя чисто-хлыстовскія выраженія: „На меня „накатилъ“ духъ Григорія Ефимовича“.

Въ этихъ цѣляхъ—появленія новаго Распутина—и было устроено его „пророчество“. Бывшій наслѣдникъ въ сороковой день былъ, очевидно, „подтравленъ“. —именно въ сороковой день, какъ „пророчествовалъ“ Распутинъ.

Извѣстный психіаторъ академикъ, Бехтеревъ со словъ одной изъ своихъ пациентокъ, рассказываетъ, какое обращеніе усвоилъ Распутинъ по отношенію къ

великосвѣтскимъ женщинамъ, стекавшимся къ нему со всѣхъ сторонъ:

— Я,—говоритъ дама,—побывала въ распутиномъ вертепѣ, но мною онъ не обладалъ. Я удивлялась одному: какъ мужчина за 45 лѣтъ можетъ быть обладателемъ 1.000 женщинъ. Побывавъ въ его кружкѣ, я поняла причину этого.

Представьте себѣ салонъ съ большимъ чайнымъ столомъ, за которымъ сидятъ великосвѣтскія женщины. Каждую входящую даму набожный старецъ встрѣчалъ въ передней, прежде всего обводя своими ручищами по всѣмъ линіямъ ея тѣла, какъ бы изслѣдуя ея формы. Этимъ пріемомъ Распутинъ сразу достигаетъ близости къ входящей дамѣ, которая становится съ этихъ поръ кандидаткой на его обладаніе.

Правда, эти пріемы Распутинъ примѣнялъ одинаково, какъ по отношенію къ молодымъ, такъ и къ болѣе пожилымъ особамъ. Но для огражденія себя отъ излишней невязчивости болѣе пожилыхъ дамъ у Распутина имѣлась и хорошая оборона. Такъ, если какая-либо изъ пожилыхъ дамъ искала сближенія съ нимъ, у него былъ готовъ на этотъ случай опредѣленный и характерный отвѣтъ:

— Любовь твоя, матушка, мнѣ пріятна, но духъ Господень на меня не несходитъ.

Въ этой фразѣ отражалась всѣмъ извѣстная теорія Распутина о томъ, какимъ путемъ св. духъ въ челоѣка входитъ.

Окружавшія Распутина женщины становились его полными рабынями въ буквальномъ смыслѣ слова, что съ точки зрѣнія Распутина, оправдывалось его проповѣдью о необходимости унизиться до конца, въ цѣляхъ спасенія.

При этомъ нельзя не удивляться тому, до какой степени Распутинъ въ обхожденіи съ великосвѣтскими дамами не стѣснялся ничего, даже издѣвательствъ, заставляя то ту, то другую изъ нихъ облизывать свои грязные пальцы или еще хуже.—цѣловать его ноги.

Той же проповѣдью униженія, въ свое время объяснилъ Распутинъ и тотъ случай, когда прибывшихъ къ нему въ Тобольскую губернію пять велико-

свѣтскихъ дамъ (имена ихъ знакомы петроградскому обществу) онъ повелъ прежде всего въ баню. Когда его спросили впоследствии при дворѣ, какъ онъ совмѣщаетъ такое свое поведеніе съ именованіемъ себя старцемъ, то онъ преспокойно заявилъ, что эти дамы пріѣхали къ нему такія гордыя, что онъ призналъ необходимымъ подвергнуть ихъ соотвѣствующему униженію. А можетъ ли быть большее униженіе для женщины, когда она, будучи сама обнаженной до полной наготы, моетъ ноги голому мужчине?

Бехтеревъ прибавляетъ отъ себя, что если кто хотѣлъ бы понять все, что извѣстно относительно покоренія дамъ высшаго общества грубымъ мужикомъ,—съ точки зрѣнія гипнотизма есть еще половой гипнотизмъ, какимъ, очевидно, обладалъ Распутинъ въ высокой степени.

О Распутинѣ громко заговорили въ концѣ 1911 г. и въ началѣ 1912 г. Дѣйствовавшіе законы не давали основанія въ судебномъ порядкѣ арестовывать статьи и книги о Распутинѣ, о его безпутствѣ, коль скоро въ этихъ статьяхъ не указывалось прямо на близость Распутина къ царицѣ; налагать штрафы за эти статьи и брошюры въ административномъ порядкѣ считалось тогда тоже неудобнымъ по практическимъ соображеніямъ. Въ концѣ-концовъ былъ найденъ исходъ: арестовать статьи и брошюры, осуждающія Распутина за его безнравственность и клеветы на него, по 1001 ст. Ул. о Нак., т.-е. за порнографію. Это была явная передержка. Суды подъ давленіемъ Щегловитаго утверждали подобные аресты, а затѣмъ, не привлекая авторовъ къ судебной отвѣтственности, клали подъ сукно дѣла объ этихъ арестахъ.

Весной 1912 г. въ Москвѣ печаталась книга редактора „Религіозно-философской бібліотеки“ М. Новоселова, посвященная характеристикѣ Распутина и его теорій, съ полнымъ осужденіемъ ихъ. Кто-то донесъ въ Петроградъ объ этой книгѣ, и московскому градоначальнику было предписано доставить эту книгу въ комитетъ по дѣламъ печати; комитету предложено арестовать ее по 1001 ст. Ул. о Нак., а

суду—утвердить этотъ арестъ. Объ этой книгѣ узналъ покойный ген. Богдановичъ, старый и усердный слуга стараго режима, имѣвшій доступъ ко двору. Распутину и увлеченію имъ онъ не сочувствовалъ. Благодаря связямъ, онъ добылъ экземпляръ арестованной книги Новоселова и, находясь лѣтомъ 1912 г. въ Крыму, гдѣ въ то время былъ и дворъ, дѣлалъ попытки на основаніи приведенныхъ въ книгѣ Новоселова фактовъ убѣдить дворъ въ необходимости удаленія Распутина, но, несмотря на свое знаніе двора и испытанное умѣніе вліять при дворѣ, не имѣлъ на этотъ разъ успѣха.

Въ то время (въ 1912 г.) центральныя петроградскія власти старались еще соблюдать декорумъ законности и письменно никакихъ запретительныхъ распоряженій относительно Распутина не дѣлали, отдавая эти распоряженія словесно, словесно же онѣ и ихъ провинціальныя агенты, по ихъ порученію, старались воздѣйствовать на редакторовъ газетъ, чтобы не упоминать о Распутинѣ. Въ однихъ случаяхъ пускались въ ходъ просьбы, въ другихъ—указанія на возможные неприятели для газетъ, если на страницахъ ихъ появится фамилія фаворита. Иногда проскальзали лишь намеки на Распутина. Такъ продолжалось до іюня 1915 г., когда на короткое время приоставлена борьба съ общественностью. Тогдашній министръ внутреннихъ дѣлъ кн. Щербатовъ не принималъ мѣръ въ защиту Распутина, и о немъ заговорили въ печати болѣе или менѣе свободно. Но кн. Щербатовъ вскорѣ смѣнилъ А. Н. Хвостова, который мало заботился о соблюденіи хотя бы декорума законности. Онъ разослалъ циркулярную шифрованную телеграмму, запрещающую говорить въ печати о Распутинѣ, хотя бы иносказательно, не допускавшаго даже появленія въ печати намековъ на грязнаго фаворита. Были слухи о борьбѣ А. Н. Хвостова противъ Распутина, о томъ, что онъ черезъ посредство Ржевскаго предлагалъ Иліодору прислать довѣреннаго человека для убійства Распутина. Исторія со Ржевскимъ еще требуетъ полнаго освѣщенія, но, повидимому, въ концѣ всеоуправленія министерствомъ внутреннихъ дѣлъ А. Н. Хвостовъ, раз-

ссорившийся тогда со своимъ помощникомъ Бѣлецкимъ, сторону котораго принялъ Распутинъ, пошелъ противъ Распутина. Во всякомъ случаѣ никто иной, какъ А. Н. Хвостовъ, сдѣлалъ распоряженіе, категорически запрещающее говорить въ печати о Распутинѣ, хотя бы намеки. Преемники А. Н. Хвостова по управленію министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, Штюмеръ и Протопоповъ, сохраняли въ силѣ распоряженія Хвостова относительно Распутина. На основаніи этого распоряженія осенью 1915 г. были конфискованы въ Москвѣ книга священника Востокова „Наше время“—повѣсть, въ которой Распутинъ былъ выведенъ подъ фамиліей Баболубова, и бронюра Пругавина „Леонтій Егоровичъ и его поклонницы“. Конфискація этихъ книгъ была произведена на основаніи военного положенія. Но въ правилѣхъ о военномъ положеніи не было соответственной статьи для конфискаціи ихъ, и онѣ были конфискованы по статьѣ, гласящей о храненіи имущества съ преступными цѣлями.

Когда бывшему при А. Н. Хвостовѣ начальнику главнаго управленія по дѣламъ печати В. Т. Судейкину говорили о полной незаконности распоряженія А. Н. Хвостова относительно Распутина и о крайней затруднительности исполнять это вполне незаконное распоряженіе, В. Т. Судейкинъ отвѣтилъ своимъ пискливымъ голосомъ, напуская на себя наивность:

— Э, э, дорогой мой, вотъ поговорю съ министромъ... Но, золотой мой, да правда ли, что говорятъ о Распутинѣ? Столько лѣтъ я живу въ Петроградѣ и никогда не видѣлъ его, не замѣчалъ его вліянія. Можетъ-быть, все это сказки, выдумки, къ чему же печатать эти сказки, дорогой мой? В. Т. Судейкинъ боялся Распутина, какъ и многіе другіе, а потому въ угоду ему не разрѣшалъ печати обмолвиться о немъ ни словомъ.

Дѣло объясняется очень просто:

— Было царство Распутина...

Заговоръ противъ Распутина.

Сила и вліяніе Распутина росли.

Домъ Романовыхъ по наклонной плоскости катился въ пропасть.

Это видѣли и сознавали все. Это ясно было для всехъ, кромѣ самихъ Романовыхъ.

Наиболѣе умные приспѣшники стараго строя, видя, что дѣлу царизма грозитъ смертельная опасность, рѣшили принять самую крайнія мѣры, чтобы спасти строй, вокругъ котораго они съ такимъ комфортомъ грѣлись.

Они по рѣшили, что все зло отъ Распутина, а потому надо его „убрать“.

Первымъ, у кого зародилась эта мысль, былъ Хвостовъ.

Видную роль въ назначеніи А. Н. Хвостова министромъ внутр. дѣлъ сыгралъ пресловутый князь Андронниковъ. Еще до этого назначенія, во времена Горемыкина, во дворцѣ состоялось совѣщаніе близкихъ къ Александрѣ Федоровнѣ лицъ, при чемъ рѣшено было назначить министромъ вн. дѣлъ кого либо изъ общественныхъ дѣятелей. Списокъ былъ представленъ Николаю, который назначилъ князя Щербатова.

Паденіе Щербатова не поколебало рѣшенія царицы, и въ замѣстители ему предназначался все-таки общественный дѣятель. На этотъ разъ выборъ остановили на А. Н. Хвостовѣ, рекомендованномъ княземъ Андронниковымъ.

Распутина въ то время въ Петроградѣ не было; онъ пріѣхалъ, приблизительно, черезъ мѣсяць. Хвостовъ показался ему человѣкомъ ненадежнымъ и нешюклядистымъ, и Распутинъ прежде всего постарался открыть глаза Александрѣ Федоровнѣ и объяснить ей, сколь неудаченъ былъ ея выборъ.

Князю Андронникову сдѣлана была сцена, а Хвостовъ, чтобы спасти свое положеніе, рѣшилъ пойти навстрѣчу Распутину.

Распутинъ на первыхъ порахъ потребовалъ, чтобы нѣкій Ордовскій-Такаевскій былъ назначенъ тамбовскимъ губернаторомъ,—Хвостовъ согласился.

Прошло нѣсколько дней, и Хвостовъ былъ вызванъ къ Вырубовой.

Та съ первыхъ же словъ предложила въ товарищи министра Бѣлецкаго.

Вліяніе Распутина усиливалось съ каждымъ днемъ, и Хвостовъ пришелъ къ заключенію о необходимости избавиться отъ старца. Рѣшено было отправить Распутина въ Сибирь и вмѣсто него вызвать изъ Швеціи бывшаго любимца Алаксандры Феодоровны Иліодора. Для исполненія этого плана Хвостовъ, какъ извѣстно, привлекъ Ржевскаго и Комиссарова.

Получивъ такое важное порученіе, Ржевскій и Комиссаровъ рѣшили использовать моментъ въ своихъ цѣляхъ.

И въ то время, когда Ржевскій наливалъ въ пищу распутинскимъ котатамъ выданный ему, якобы, для отравленія Распутина ядъ, Комиссаровъ на колѣняхъ исповѣдывался передъ Бѣлецкимъ и разсказалъ ему, что Хвостовъ поручилъ ему и Ржевскому отравить Распутина. Желая испытать силу даннаго имъ яда, они бросили его въ пищу кошкамъ Распутина, которыя и окалѣли.

Немедленно въ Царское Село былъ вызванъ Хвостовъ, который объяснилъ, что, дѣйствительно, командировалъ Ржевскаго въ Швецію, но съ тѣмъ, чтобы отобрать у Иліодора письма бывшей царицы, будто бы доказывающія, что Алексѣй—сынъ Распутина. Эти письма Иліодоръ грозилъ опубликовать въ американской прессѣ.

Объясненія Хвостова не удовлетворили Александру Феодоровну, и Штюмеру было поручено произвести разслѣдованіе о подготовленіи Хвостовымъ убійства Распутина.

Слѣдствіе объ удаленномъ министрѣ внутр. дѣлъ вель Манасевичъ-Мануйловъ.

Итакъ, первый заговоръ противъ Распутина потерпѣлъ фіаско.

Но высшіе круги настолько прониклись сознаніемъ, что стоитъ только убить Распутина, и положеніе удастся спасти, что организацию убійства Распутина взяли на себя лица царской фамиліи. Инициаторомъ, устроителемъ, главою заговора былъ

князь Ф. Ф. Юсуповъ. Мысль принадлежитъ ему. Въ началѣ ноября, послѣ думскихъ рѣчей, начавшихся 1-го ноября знаменитой рѣчью П. Н. Миллюкова, когда засѣданія Думы были отсрочены по случаю отставки Штюмера, князь Ф. Ф. Юсуповъ, женатый, какъ извѣстно, на великой княжнѣ Иринѣ Александровнѣ и по этому браку принадлежащій къ императорской фамиліи, обращался къ нѣкоторымъ общественнымъ дѣятелямъ, на скромность которыхъ онъ могъ полагаться. Лица эти предупреждались сначала его въ управляющимъ, что къ нимъ по какому-то дѣлу явится князь Ф. Ф. Юсуповъ.

Сообщаемъ почти дословно содержаніе такого разговора:

— Дума,—говорилъ князь Ф. Ф.,—далека отъ истины. Миллюковъ во всемъ винитъ Штюмера, Маклаковъ обвиняетъ режимъ. Увѣряю васъ, что дѣло не Штюмерахъ и не въ режимѣ. Всѣ дѣло въ одномъ лицѣ—въ Распутинѣ, не будетъ его,—и все будетъ хорошо.

— Потому и дѣло въ режимѣ. Не будетъ Распутина,—будетъ Мардарій или другіе проходимцы.

— Нѣтъ, я интересуюсь оккультными науками. Я могу вамъ сказать, что лицо съ такой магнетической силою, какъ Распутинъ, является разъ въ 100 лѣтъ. Его вліянія на государя и государыню необыкновенное. Когда Александра Феодоровна, навинченая Распутинымъ, является въ кабинетъ государя, онъ,—я не преувеличиваю,—буквально прячется отъ нея подъ столъ. Пусть вся Дума, всѣ сословія гваряютъ противъ Распутина. Это не поможетъ дѣлу. Если государю сказать, что его оставили вся страна, вся армія, но съ нимъ остался только Распутинъ, онъ будетъ спокойно смотрѣть на будущее. Распутинымъ пользуются для назначенія министровъ и управленія всѣми дѣлами. Что Распутинъ говорить, то и дѣлается. Увѣряю васъ, что государь совсѣмъ не властолюбивъ. Онъ согласится и на отвѣтственное министерство, и на настоящую конституцію. Пока на него дѣйствуютъ черезъ Распутина, ничего знать нельзя. Государь въ его рукахъ. И потому я рѣшилъ убрать Распутина.

— Какъ же этого достичь?

— Есть два способа. Первый—подкупить Распутину. Онъ—человѣкъ продажный.

— Но этотъ способъ никуда не годится. Распутинъ деньги возьметъ, а потомъ будетъ шантажировать князей Юсуповыхъ, и больше ничего.

— Тогда другой способъ — убить. Распутинъ будетъ доставленъ въ назначенный день, въ назначенный часъ туда, куда будетъ указано, и гдѣ его могутъ убить.

— Но кто же его будетъ убивать? Справа иногда убиваютъ лѣвыхъ, въ особенности когда надѣются, что это пройдетъ безнаказанно. Но справа Распутину убивать не стоитъ хотя бы уже потому, что тутъ безнаказанности не жди. А слѣва Распутину памятники поставятъ. Никто такъ не дискредитируетъ монархію. Онъ ведетъ Россію къ республикѣ.

— Но могутъ же найтись люди, которые возьмутся за это дѣло. Для этого дѣла я могу открыть неограниченный кредитъ.

— Вы поймите, что честныя лица въ наемные убійцы не идутъ, а если найдется негодяй, который возьмется за убійство по найму, онъ ничего не сдѣлаетъ, а будетъ васъ безъ конца шантажировать.

— Ваше разсужденіе правильно. Я сдѣлаю это самъ.

Никто изъ общественныхъ дѣятелей, къ которымъ обращался Ф. Ф. Юсуповъ, не согласился принять участіе въ этомъ заговорѣ. Изъ словъ его можно было заключить, что кто-то изъ великихъ князей будетъ принимать участіе, но кто,—неизвѣстно. Можно было понять также, что въ заговорщики непременно желалось получить общественнаго дѣятеля для того, чтобы дѣло не носило семейнаго или придворнаго характера, а общественную окраску.

Въ началѣ декабря Ф. Ф. Юсуповъ сказалъ одному изъ лицъ, къ которому онъ обращался съ предложеніемъ принять участіе въ заговорѣ:

— Ваше участіе теперь намъ и не было бы нужно.

Тотъ великій князь, который принимаетъ участіе, потребовалъ, чтобы участвовалъ непременно только

правый депутатъ, и отнюдь не соглашается на то, чтобы участвовалъ кто-нибудь считающійся мало-мальски, хотя бы въ самой легкой степени, лѣвымъ.

За нѣсколько дней до убійства правый депутатъ, участвовавшій въ заговорѣ и убійствѣ, спросилъ одного изъ общественныхъ дѣятелей, съ которымъ бесѣдовалъ раньше Юсуповъ:

— Ну, что, съ Юсуповымъ не сошлись?

Тотъ переспросилъ, съ какимъ Юсуповымъ, о какомъ дѣлѣ.

Депутатъ сказалъ:

— Не будемъ играть въ прятки. Я знаю: Юсуповъ у васъ былъ и вамъ предложилъ. Все готово, и дѣло будетъ сдѣлано 16-го декабря.

Въ виду такой откровенности, собесѣдникъ даже усомнился, серьезно ли все это, но событіе 17-го декабря показало, что все это было совершенно серьезно.

Убійство Распутина.

Извѣстный старецъ Митя Коляба, который послѣ убійства Григорія Распутина явился въ нѣкоторомъ родѣ его замѣстителемъ, въ бесѣдѣ съ представителями печати въ Москвѣ разсказалъ о событіяхъ, сопровождавшихъ убійство Распутина.

Дядя Коляба служить поваромъ у Юсуповыхъ.

Въ памятную ночь убійства Григорія Распутина Митя Коляба былъ въ гостяхъ у своего дяди. Онъ сидѣлъ внизу въ подвальномъ помѣщеніи и пилъ чай. Наверху у князя Юсупова было много гостей, комнаты были ярко освѣщены и играла музыка. Часа въ три ночи находившійся у Юсупова князь Дмитрій Павловичъ позвонилъ Распутину по телефону, приглашая пріѣхать. Распутинъ отказался. Разговоръ по телефону до конца доведенъ не былъ. Распутинъ сбормалъ его, бросивъ трубку. Тогда Юсуповъ, сѣвъ въ автомобиль и сопровождаемый другимъ автомобилемъ, поѣхалъ за Гришкой.

Прошло около получаса, когда автомобиль приблизился вновь къ Юсуповскому особняку. Во всемъ домѣ свѣтъ былъ погашенъ. Распутина встрѣтилъ Дмитрій Павловичъ и подаль ему стаканъ вина съ ядомъ.

— Умри, собака!—сказалъ онъ ему.

Распутинъ размахнулся и выбилъ стаканъ съ ядомъ изъ рукъ Дмитрія Павловича. Все это Митѣ Колябѣ рассказывали лица, бывшія наверху и видѣвшія эту картину. Самъ же Митя побѣждалъ наверхъ, когда слышалъ два выстрѣла. Когда онъ прибѣжалъ наверхъ, то увидѣлъ, какъ два человѣка завязывали большой мѣшокъ.

Князь Дмитрій Павловичъ подошелъ къ Митѣ, погладилъ по плечу и сказалъ:

— Иди, Митя, иди, Митя.

Митя сталъ спускаться внизъ. Въ это время подѣхалъ автомобиль. Два человѣка съ усами взяли мѣшокъ, положили его въ автомобиль и увезли.

— А я,—рассказываетъ Митя Коляба,—пошелъ къ ранней обѣднѣ.

Потомъ, когда Александра Ѳедоровна узнала объ убійствѣ Распутина, она стала рвать на себѣ волосы и биться въ истерикѣ. Въ Царское Село былъ вызванъ Митя, и у него хотѣли узнать подробности происшествія и выяснитъ участниковъ убійства. Но Митя ничего не могъ толкомъ рассказать имъ. Возбѣшенная Александра Ѳедоровна требовала отъ мужа немедленной казни черезъ повѣшаніе Дмитрія Павловича и Мити Колябы,—последняго за то, что онъ все видѣлъ и не предупредилъ. Но „папка“ (такъ онъ называлъ бывшаго царя) говорилъ: „Не могу, нельзя“.

Митя Коляба опровергаетъ слухъ, будто бы, онъ долженъ былъ играть роль при низложенной царицѣ. Она его ненавидѣла, а ея другъ Распутинъ будто бы даже падалъ къ ногамъ Колябы и молилъ Колябу, какъ опаснаго человѣка.

„Хотѣлъ, чтобы я обманулъ, а я обманывать не могу“.

Больше жестикуляціей, чѣмъ въ разговорѣ, даетъ поясненія Митя Коляба. Но „папка“ считалъ его своимъ и съ тѣхъ поръ, какъ началась война, „папка“ не разъ призывалъ Митю, и они вмѣстѣ молились и били поклоны.

Бывшую царицу Митя Коляба ненавидѣлъ. Онъ говорилъ, что она все время сносила съ нѣмцами

Сильно жестикулируя, Митя Коляба показывалъ, будто въ одной изъ комнатъ подъ поломъ въ Александровскомъ дворцѣ Царскаго Села Фредериксъ соорудилъ особый аппаратъ, по которому, якобы, сносились съ нѣмцами.

Фредерикса и Вырубову Митя Коляба считаетъ бѣсами. Такой же бѣсъ—Протопоповъ.

„Мамка“ (такъ онъ называетъ царицу) и эти бѣсы опутывали „папку“, а „папка“ и самъ тоже хорошъ, но любитъ молиться“.

— „Папка“,—говоритъ Коляба,—пилъ мало, но съ начала войны онъ пилъ безъ конца. Его всѣ опутывали. Гришка Распутинъ тоже. Последній отъ нѣмцевъ получалъ деньги.

Митрополита Питирима Коляба считаетъ нѣмцемъ. Вообще всѣ тѣ, кто окружалъ низложенную царицу, всѣхъ ихъ Митя Коляба называетъ нѣмцами и бѣсами. О происшедшихъ событіяхъ и о низложеніи Николая Романова Митя Коляба имѣетъ нѣкоторое представленіе.

— Говорилъ „мамкѣ“: плохо будетъ, а она заявляетъ: „Ничего, не будетъ плохо“.

Когда случилось убійство Распутина, онъ, боясь гнѣва Александры Ѳедоровны, убѣжалъ къ себѣ на родину. Теперь онъ поѣхалъ въ Москву на богомолье. Митя Коляба обладаетъ достаточно солидными средствами. Онъ женатъ на богатой купчихѣ.

Кто является фактическимъ убійцей Распутина?

Кто прикончилъ Распутина?

Когда захмелѣвшій Гришка началъ говорить непристойности о своихъ отношеніяхъ съ царицей, его отозвали четверо: Юсуповъ, Игорь Константиновичъ, Дмитрій Павловичъ и Пуришкевичъ.

Выстрѣлили Юсуповъ.

Распутинъ грохнулся.

Всѣ четверо покинули его, считая убитымъ наповаль.

Но вдругъ Распутинъ ожилъ и зашагалъ... Воскресъ!

Пуришкевичъ въ волненіи выхватилъ револьверъ и дважды произвелъ выстрѣлы, но „пропуделялъ“. Гришка удалялся.

Пуришкевичъ рѣшилъ какой бы то ни было цѣной подавить свое волненіе и выстрѣлилъ спокойно.

Онъ до крови укусилъ себѣ руку.

Это стряхнуло съ него взволнованность, и, зорко прицѣлившись, Пуришкевичъ нажалъ курокъ.

Распутинъ упалъ мертвымъ.

Когда сдѣлалось извѣстно объ убійствѣ Григорія Распутина, на квартиру „старца“ явилась Александра Федоровна.

Она была въ отчаяніи. Повторяла:

— Мы всѣ погибли!..

Трупъ былъ найденъ.

За трупомъ былъ присланъ дворцовый автомобиль, въ которомъ сидѣли Воейковъ и Протопоповъ. Убитого повезли въ Царское Село.

Трупъ внесли въ будуаръ Александры.

Она кинулась къ нему, забилась въ истерикѣ.

Запримечаніе.

Распутину набальзамировали.

Царю совѣтовали, во избѣженіе соблазна въ народѣ, отправить убитого на родину, для похоронъ въ селѣ Покровскомъ.

Но этому воспротивилась Александра.

— У меня отняли живого; мертвого не отнимутъ.

Рѣшено было похоронить его въ Царскомъ Селѣ.

Гробъ понадобился выше обыкновеннаго. Тѣло Распутина скорчилось; колѣни подходили подъ подбородокъ. Тѣло не поддавалось усиліямъ его выпрямить.

Можно было произвести надрѣзы, благодаря которымъ тѣло выпрямилось бы, но Александра не захотѣла такого... кощунства.

Загудѣли погребальные колокола.

Изъ придворной церкви вышла процессія.

Гробъ несли: царь, Воейковъ, Протопоповъ и Фредериксъ.

За ними шла Александра въ глубокомъ траурѣ.

* * *

Распутину зарыли.

Могила его была усыпана цвѣтами изъ придворныхъ оранжерей.

Всѣ ушли.

Осталась у могилы только Александра.

Она лежала, припавъ ухомъ къ могилѣ, и слушала „его голосъ“.

А затѣмъ начались чудеса.

Ночью цвѣты исчезли.

И вся могила оказалось покрытой густымъ слоемъ желтой вонючей грязи.

Утромъ эту грязь очистили.

Снова насыпали цвѣточный холмъ.

Снова царица явилась къ могилѣ, припала и начала слушать.

Во избѣженіе дальнѣйшихъ оскорбленій трупа, къ могилѣ былъ поставленъ караулъ солдатъ Своднаго полка.

Но чудеса продолжались.

На слѣдующее утро опять вмѣсто розъ оказалась грязь. Только еще гуще.

Когда Распутинъ былъ убитъ, московской цензурѣ дано было знать изъ Петрограда, что появившійся слухъ о смерти Распутина невѣренъ, и предложено принять мѣры, чтобы этотъ слухъ не повторялся въ московской печати, но московская печать, какъ и часть петроградской, заговорила объ убійствѣ „лица“, какъ называли въ печати въ тѣ дни Распутина. Нѣсколько дней газеты болѣе или менѣе свободно говорили объ убійствѣ, но затѣмъ былъ произведенъ натискъ на аппаратъ военной цензуры, чтобы остановить печатаніе статей и замѣтокъ о петроградскомъ событіи.

Даже мертвого Распутина нельзя было касаться въ печати.

Это былъ новый кандидатъ въ святые.

Но возставшій народъ, не желая допустить до этого позора, вырылъ тѣло Распутина изъ могилы, сжегъ его и пепель разсыпалъ по вѣтру.

Такъ закончилъ свою жизнь Распутинъ, злой геній Россіи, пьяный мужикъ, конокрадъ, нѣсколько лѣтъ фактически царившій въ Россіи и не даромъ называвшій себя съ пьяна русскимъ царемъ „Григоріемъ I“!..

Семья Романовых накануне переворота.

Предвидя приближающуюся катастрофу, члены дома Романовых принимали мѣры съ цѣлью побудить Николая спасать положеніе, но всѣ ихъ попытки, конечно, оказались напрасными.

Великіе князья имѣли совѣщаніе осенью текущаго года, когда вся Россія волновалось изъ-за отказа правительства и царя созвать Госуд. Думу. Въ этомъ совѣщаніи приняли участіе Кирилль Владимировичъ, Николай Михайловичъ, Михаилъ Александровичъ, Александръ Михайловичъ и молодые князья, дѣти покойнаго Константина Константиновича. Александръ Михайловичъ и Михаилъ Александровичъ имѣли личный разговоръ съ царемъ по поводу развернувшихся событій. Въ осторожной формѣ, не скрывая, однако, грозящей династіи опасности, они указали царю на необходимость пойти навстрѣчу желаніямъ народа и въ частности весьма настойчиво доказывали необходимость скорѣйшаго созыва Госуд. Думы, указывая на тревожные симптомы, на растущее недовольство народа, на недопущеніе игнорирования народныхъ требованій въ такіе дни, когда вся Россія приноситъ неисчислимыя жертвы во имя побѣды.

Другіе великіе князья непосредственнаго разговора на эту тему съ царемъ не имѣли, но черезъ общихъ друзей предупреждали его о томъ же, считывая, что царь, у котораго даже съ близкими родственниками были плохія отношенія изъ-за царицы, окажется внимательнѣе къ словамъ людей, стоящихъ внѣ императорской семьи. Отношеніе къ царицѣ, и раньше не важное въ великокняжеской семьѣ, стало холодное и даже враждебное за послѣдніе годы, когда при дворѣ появился Распутинъ. Его вліяніе въ Россіи на ходъ государственныхъ дѣлъ, какъ личное вмѣшательство въ вопросы о назначеніи министровъ и о созывѣ законодательныхъ палатъ, о направленіи международныхъ отношеній, съ одной стороны, и его неприличное поведеніе, какъ въ самомъ дворцѣ, не только съ придворными, но и съ

дочерьми царя, даже въ частныхъ домахъ, особенно когда онъ „хвастался“ въ пьяномъ видѣ, все это оскорбляло достоинство великихъ князей, и они свели свое отношеніе къ царской семьѣ до того официальнаго минимума, котораго требуетъ этикетъ.

Убійство Распутина окончательно испортило отношенія между великими князьями и царемъ. Царица открыто заявила, что кромѣ Дмитрія Павловича въ убійствѣ принимали участіе и другіе представители императорской фамиліи. При дворѣ называли энергично сыновей Александра Михайловича и Ксении Александровны, родныхъ племянниковъ царя, а также молодыхъ Константиновичей. Дѣтей Александра Михайловича называли безъ всякихъ доказательствъ, только потому, что молодой Юсуповъ женатъ на дочери Александра Михайловича. Всѣ великіе князья, въ томъ числѣ Дмитрій Павловичъ, въ официальномъ разговорѣ на допросѣ категорически заявили, что никакого понятія объ убійствѣ Распутина не имѣли. Въ кругу домашнихъ Дмитрій Павловичъ сказалъ, что на его рукахъ крови нѣтъ, что убійство было совершенно помимо его, хотя своего присутствія во дворцѣ кн. Юсупова въ ночь расправы съ Распутинымъ не отрицалъ.

Какъ извѣстно, расправа царя съ Дмитриемъ Павловичемъ была жестокая. Молодой великій князь сперва былъ подвергнутъ домашнему аресту, затѣмъ арестованъ и въ сопровожденіи флигель-адъютанта гр. Кутайсова отправленъ на персидскій фронтъ, при чемъ ему были строжайше запрещены переписка и сношеніе даже по телеграфу со многими изъ родныхъ и друзей. На гр. Кутайсова было возложено строго слѣдить за великимъ княземъ, котораго члены императорской фамиліи очень любили и который былъ „одинъ изъ немногихъ“ въ домѣ царя; расправа произвела удручающее впечатлѣніе на членовъ императорской фамиліи. Ни для кого не было секретомъ, что за нѣсколько дней передъ этимъ одна изъ дочерей царя мечтала о выходѣ замужъ за Дмитрія Павловича. Дмитрій Павловичъ самъ отказался отъ этого. Несмотря на ударъ царскому

самолюбію, его продолжали принимать въ семьѣ царя. Такимъ образомъ жестокая расправа съ молодымъ княземъ была истолкована въ придворныхъ кругахъ, какъ подчиненіе безвольнаго царя обезумѣвшей отъ потери Распутина царицы.

Ненависть къ Александрѣ Федоровнѣ стала боевымъ лозунгомъ среди членовъ императорской фамилии.

Во дворцѣ одного изъ великихъ князей состоялось совѣщаніе членовъ фамилии, и царю было отправлено слѣдующее письмо: „Мы всѣ, чьи подписи вы прочтете въ концѣ этого письма, горячо и сильно просимъ васъ измѣнить ваше суровое рѣшеніе относительно судьбы Дмитрія Павловича. Мы знаемъ, что онъ боленъ физически, глубоко потрясенъ и угнетенъ нравственно. Вы, бывший его опекуномъ и попечителемъ, знаете, какой глубокой любовью было всегда полно его сердце къ вамъ и къ родинѣ. Мы умоляемъ ваше величество, въ виду молодости и дѣйствительной слабости здоровья великаго князя, разрѣшить ему пребываніе въ Утовѣ (имѣніе великаго князя) или въ Виленскомъ. Вашему Величеству должно быть извѣстно, въ какихъ тяжелыхъ условіяхъ находится наше войско въ Персіи, въ виду отсутствія жилищъ, эпидемій и т. д. Проживаніе тамъ великаго князя будетъ равносильно его полной гибели. Пусть сердце вашего величества проникнется жалостью къ тому, кого вы любили, кто съ дѣтства имѣлъ счастье быть часто и много возлѣ васъ, и для котораго вы всегда были добрымъ отцомъ. Да внушитъ Господь Богъ вашему величеству перемѣнить ваше рѣшеніе и переложить гнѣвъ на милость. Вашему величеству горячо преданные и сердечно любящіе: королева эллиновъ Ольга Константиновна, Марія Павловна-старшая, Кириллъ Владиміровичъ, его супруга Викторія Федоровна, Борисъ и Александръ Владиміровичи, Павелъ Александровичъ (отецъ Дмитрія Павловича), Марія Павловна-младшая, Елизавета Маврикіевна (вдова Константина Константиновича), Іоаннъ Константиновичъ, жена его Елена, Гавріиль, Константинъ и Георгій

Константиновичи, Николай Михайловичъ и Сергѣй Михайловичъ“.

Не получая никакого отвѣта отъ царя, великіе князья, среди которыхъ были старшіе представители императорской фамилии, полагали, что дѣло принимаетъ благоприятный оборотъ.

Между тѣмъ, пронеслись слухи, оказавшіеся вѣрными, что Александра Федоровна требуетъ надъ Дмитріемъ Павловичемъ и кн. Юсуповымъ военно-полевого суда.

Нѣсколько дней спустя великій князь Павелъ Александровичъ получилъ обратно вышеприведенное письмо, со слѣдующей надписью:

„Никому не дано право заниматься убійствомъ: знаю, что совѣсть многимъ не даетъ покоя, такъ какъ не одинъ Дмитрій Павловичъ въ этомъ замѣшанъ. Удивляюсь вашему обращенію ко мнѣ. Николай“.

Павелъ Александровичъ переслалъ это письмо своей невѣсткѣ вдовѣ Владиміра Александровича, и у Маріи Павловны хранится это письмо до сихъ поръ. Письмо и надпись царя съ факсимеле хранится увѣхъ подписавшихъ его. Отвѣтъ царя произвелъ на царскую фамилію ошеломляющее впечатлѣніе.

Кромѣ того, что онъ игнорируетъ желаніе и просьбу всей семьи,—говорили великіе князья,—онъ еще позволяетъ себѣ бросать подозрѣніе всѣмъ намъ, сказавъ, что совѣсть многимъ не даетъ покоя“.

Отношеніе между царемъ и ближайшими родственниками его были навсегда испорчены. Больше подписавшіе его не видѣли царя со дня полученія отвѣта до сего дня. Нѣкоторые видѣли 1—2 раза на оффиціальныхъ приемахъ.

Въ Царское Село Александра Федоровна не вызвала и не принимала ни одного изъ авторовъ письма. При экстренныхъ разговорахъ, которые въ это время происходили между указанными великими князьями и царемъ, послѣдній не находилъ даже нужнымъ скрывать своего нерасположенія и недоброжелательнаго отношенія.

Бывшій великій князь Павелъ Александровичъ въ бесѣдѣ съ однимъ журналистомъ рассказалъ слѣдую-

щее о событіяхъ въ семьѣ Романовыхъ наканунѣ дней переворота:

— Не успѣлъ я хорошенько опомниться отъ всего того, что сдѣлалъ со мной Николай Романовъ послѣ женитьбы на моей нынѣшней женѣ, графинѣ Палей, послѣ всѣхъ мытарствъ и бѣдности, перенесенныхъ мною изъ-за женитьбы на некоронованной особѣ, какъ новое горе свалилось на мою голову. Сначала убійство Распутина и роль въ немъ моего любимаго сына Дмитрія Павловича, вѣчныя ссоры съ Александрой Феодоровной, а потомъ уже и событія послѣднихъ дней.

17-го декабря разыгралось всколыхнувшее всю Россію событіе: во дворцѣ Юсупова былъ убитъ Распутинъ. Объ этомъ убійствѣ я узналъ въ ставкѣ, въ Могилевѣ, лишь 19-го декабря. Среди убійцъ называли рядъ высокопоставленныхъ именъ, но имѣни моего сына Дмитрія Павловича не упоминали. Я ничего не зналъ, и въ то время, когда поѣздъ мой мчался въ Петроградъ, Дмитрій Павловичъ находился уже подъ домашнимъ арестомъ въ своемъ бывшемъ Сергіевскомъ дворцѣ, на Невскомъ проспектѣ. Объ этомъ онъ успѣлъ по телефону редуцировать мою жену, графиню Палей. Разговоръ между Дмитріемъ Павловичемъ и моей женой былъ очень коротокъ.

— Мамочка, я арестованъ,—заявилъ Дмитрій Павловичъ.

Моя жена, зная объ убійствѣ, воскликнула:

— Такъ неужели это, Дмитрій, правда?

— Клянусь тебѣ,—отвѣтилъ Дмитрій Павловичъ женѣ,—что я въ убійствѣ не виновенъ.

На этомъ разговоръ кончился. Въ Петроградъ я прибылъ 20-го декабря и, узнавъ отъ жены, что Дмитрій Павловичъ арестованъ, отправился къ Николаю Романову.

— За что арестованъ мой Дмитрій?—задалъ я вопросъ бывшему царю.

Николай Романовъ, какъ-будто рѣчь шла о незнакомомъ человѣкѣ, а не объ его любимцѣ, сухо отвѣтилъ:

— За убійство Распутина.

Отвѣтъ Николая Александровича меня возмутилъ.

— Надо сейчасъ же освободить его изъ-подъ ареста,—заявилъ я.

— Хорошо; пока нельзя. Завтра напишу,—отрывисто и, повидимому, волнуясь, отвѣтилъ бывшій царь.—А пока прощай.

Мы разстались. Всю ночь я не спалъ. Утромъ я собрался-было поѣхать въ Петроградъ къ Дмитрію. Не успѣлъ я сѣсть въ автомобиль, какъ къ воротамъ подбѣжалъ фельдъегерь и вручилъ мнѣ письмо. Я пробѣжалъ его. Оно было отъ Николая Александровича и заключало въ себѣ слѣдующее:

„Дорогой другъ Павелъ. Я не могу, къ сожалѣнію, отмѣнить домашняго ареста Дмитрія, пока предварительное слѣдствіе не будетъ закончено. Приказалъ съ этимъ торопиться, а также чтобы Дмитрія охраняли бережно. Все это больно и тяжело, но кто же виноватъ, какъ не онъ самъ, что по неосторожности попалъ въ такую передрагу. Молю Господа Бога, чтобы Дмитрій вышелъ честнымъ и незапятненнымъ ни въ чемъ. Сердечно твой **Николай**“.

Письмо это успокоило меня, и я отправился къ Дмитрію. Взявъ съ него клятву, что онъ крови не проливалъ, я предложилъ Дмитрію позвонить по телефону Николаю Александровичу и попросить у него личнаго свиданія.

— Палочка!—заявилъ со слезами на глазахъ Дмитрій Павловичъ.—Вотъ тебѣ образъ. Клянусь передъ нимъ покойной матерью, что руки мои не испачканы кровью презрѣннаго Распутина.

Я привыкъ вѣрить Дмитрію. Повѣрилъ я ему и теперь. Но все-таки рѣшилъ навести справки, при какихъ обстоятельствахъ произошло убійство.

Отъ моего младшаго сына Владимира, друга Ф. Ф. Юсупова, и лицъ, близко стоявшихъ къ разслѣдованію убійства Распутина, я узналъ, что убійство было совершено послѣ совѣщанія, происходившаго въ поѣздѣ Пуришкевича. Въ совѣщаніи, правда, принималъ участіе и мой сынъ Дмитрій Павловичъ, но самъ онъ въ Распутина не стрѣлялъ. Распутинъ былъ убитъ двумя выстрѣлами въ грудь и спину, произведенными Юсуповымъ и Пуришкевичемъ.

Отъ Дмитрія Павловича подробностей убійства мнѣ узнать не удалось.

— Папа,—заявилъ онъ,—мы связаны клятвой, нарушить которую я не могу.

Въ личномъ свиданіи Николай Александровичъ Дмитрію Павловичу отказалъ.

23-го, во время обѣда, раздался телефонный звонокъ. Говоритъ Дмитрій Павловичъ.

— У меня только-что былъ генераль Максимовичъ,—говорилъ онъ,—и объявилъ, что меня сегодня, ночью, посылаютъ въ Персію. Пріѣзжайте провожать.

Слова Дмитрія Павловича на меня подѣйствовали убійственно. Я схватилъ фуражку и пальто и пѣшкомъ побѣжалъ въ Александровскій дворецъ.

Николай Александровичъ меня не принялъ.

— Передайте ему, что мнѣ некогда,—заявилъ онъ лакею.—Можетъ обождать.

Въ эту же ночь Дмитрій Павловичъ былъ высланъ въ Петроградъ. Среди провожавшихъ его многочисленныхъ лицъ находилась и дочь моей жены, г-жа Дерфельденъ.

24-го у насъ состоялась традиціонная, кстати сказать, очень печальная елка, на которую была приглашена и г-жа Дерфельденъ. Ночью, возвращаясь домой, она застала у себя на квартирѣ жандармскаго генерала Попова. Послѣ тщательнаго обыска, во время котораго былъ взломанъ даже полъ, г-жа Дерфельденъ была заключена подъ домашній арестъ.

Позже мы узнали, что обыскъ и арестъ у г-жи Дерфельденъ были произведены послѣ спиритическаго сеанса, состоявшагося у бывшаго министра Добровольскаго, при чемъ явившійся духъ Распутина требовалъ этого ареста. Распоряженіе объ арестѣ было подписано Протопоповымъ.

Госпожа Дерфельденъ продолжала находиться подъ домашнимъ арестомъ.

27-го декабря мы послѣ большихъ хлопотъ получили разрѣшеніе на пріемъ Протопоповымъ госпожи Дерфельденъ. Протопоповъ сталъ упрекать свою гостью въ совершеніи такого гнуснаго поступка, какъ убійство, и добавилъ:

— Вы видѣли когда-нибудь сфинкса. Глаза его направлены вдаль. Вы смотрите, и онъ васъ гипнотизируетъ. Этотъ сфинксъ—старецъ Распутинъ.

Отъ Протопопова госпожа Дерфельденъ уѣхала совершенно разбитая и по телефону сообщила, что она возненавидѣла льстеца Протопопова.

На другой день Протопоповъ на пріемъ у Николая Александровича, между прочимъ, замѣтилъ:

— Ко мнѣ пришла хорошенькая женщина съ порученіемъ убить меня, но я на нее такъ подѣйствовалъ, что мы разстались друзьями. А знаете, кто это женщина?

Николай Александровичъ полюбопытствовалъ узнать, кто она. Протопоповъ послѣ долгихъ размышленій сказалъ:

— Дерфельденъ.

Бывшій царь сталъ поздравлять такъ легко избѣжавшаго смерти и нѣсколько разъ перекрестилъ его.

— Дай Богъ вамъ долгой жизни, дабы вы могли принести пользу родинѣ,—заявилъ бывшій царь Протопопову.

24-го февраля началась революція. Я слѣдилъ за ходомъ событій и былъ въ курсѣ всѣхъ дѣлъ.

28-го февраля меня вызвала во дворецъ Александра Ѳедоровна.

— Поѣзжайте немедленно на фронтъ,—заявила она.—Постарайтесь привезти преданныхъ намъ людей. Надо спасать во что бы то ни стало тронъ, онъ въ опасности!

Я отказался, ссылаясь на то, что мои обязанности, какъ начальника гвардіи, касаются только хозяйственной части. Въ душѣ же я былъ убѣжденъ, что звать войска бесполезно: все равно, присоединятся къ революціонерамъ.

1-го марта я вторично былъ вызванъ во дворецъ, но итти туда отказался. Въ это время у меня въ квартирѣ готовился манифестъ о полной конституціи русскому народу. Его долженъ былъ подписать Николай Александровичъ. Заручившись подписями Кирилла Владиміровича и Михаила Александровича и подписавшись подъ этимъ манифестомъ самъ, я

отправилъ манифестъ въ Думу и вручилъ его подъ расписку Милюкову, а уже потомъ я отправился во дворецъ.

Первый вопросъ, заданный мнѣ тогда Александрой Федоровной, былъ такой:

— Гдѣ мой мужъ? Живъ ли онъ, и что нужно сдѣлать для улаженія безпорядковъ?

Я передалъ Александрѣ Федоровнѣ содержаніе заготовленнаго мною манифеста, и она его одобрила.

3-го марта я опять былъ вызванъ во дворецъ. У меня въ рукахъ былъ свѣжій номеръ извѣстій съ манифестомъ объ отреченіи. Я прочелъ его Александрѣ Федоровнѣ. Объ отреченіи Александра Федоровна ничего не знала. Когда я закончилъ чтеніе, она воскликнула:

— Не вѣрю! Все это враки, газетныя выдумки. Я вѣрю въ Бога и армію. Они насъ еще не покинули.

— Мнѣ,—говорилъ Павелъ Александровичъ,—пришлось разъяснять опальной царицѣ, что не только Богъ, но и вся армія присоединилась къ революціи, и тогда бывшая царица, повидимому, кажется въ первый разъ поняла все...

Вотъ отрывокъ изъ исторіи жизни царской семьи почти наканунѣ гибели династіи Романовыхъ, т. е. въ тотъ моментъ, когда интересы династіи требовали солидарности, по крайней мѣрѣ, въ родной семьѣ.

Въ дни переворота.

Что дѣлалъ Николай II въ періодъ времени между началомъ революціи и арестомъ его? Какъ жили онъ и окружавшія его лица между 28-мъ февраля и 9-мъ марта?

Одно изъ лицъ свиты сообщаетъ:

— Мы жили совершенно спокойно въ ставкѣ, не имѣя представленія о томъ, что дѣлается въ Петроградѣ. Только какіе-то обрывки слуховъ доносились до насъ. Провѣрить ихъ было не у кого. Обо всемъ происходящемъ знали два лица—Воейковъ и графъ Фредериксъ. Перваго не любили, а ко второму бесполезно было обращаться. Министръ двора настолько дряхлѣлъ, что онъ черезъ 5 минутъ забываетъ о томъ, что ему только сообщили.

Въ экстренномъ порядкѣ 27-го февраля лицамъ свиты было приказано приготовиться къ отъѣзду въ 2 часа ночи. Куда, зачѣмъ,—неизвѣстно. Въ чемъ было дѣло,—никто не зналъ.

Обращали на себя только вниманіе необычайно частыя посѣщенія царя генераломъ Алексѣевымъ и продолжительные переговоры между Николаемъ II и начальникомъ штаба. Лишь позже мы узнали, что генераль Алексѣевъ докладывалъ царю телеграммы, получаемые имъ отъ Родзянко.

Въ 11 час. вечера получилась тревожная депеша изъ Царскаго Села отъ исполняющаго обязанности дворцоваго коменданта, извѣщавшая, что въ Царскомъ Селѣ спокойно, и содержащая просьбу царицы о немедленномъ пріѣздѣ царя.

Въ 12 часовъ ночи стали спѣшно собираться. Выѣхали только въ 4 часа утра по кружному пути, черезъ Лихославль и Тосно. Отправились два литературныхъ поѣзда—А и Б. Впереди шелъ поѣздъ Б съ лицами свиты. Занимъ на значительномъ разстояніи поѣздъ съ царемъ и приближенными. Никакой охраны не было, если не считать 15-ти солдатъ желѣзнодорожнаго батальона.

Уже въ Лихославлѣ мы получили ясныя доказательства происходившаго переворота. Мы узнали о телеграммѣ Бубликова, оповѣщавшей всѣхъ о вступленіи въ завѣдываніе путями сообщенія и о сверженіи стараго правительства. Вскорѣ пришла и вторая депеша—коменданта Николаевского вокзала Грекова съ категорическимъ приказомъ направить царскій поѣздъ не въ Царское Село, а въ Петроградъ.

О телеграммѣ Бубликова и Грекова доложили дворцовому коменданту Воейкову. Онъ выслушалъ, махнулъ рукой и приказалъ ѣхать дальше. Пріѣхали въ Бологое. Здѣсь получили сообщеніе, что станціи Тосно и Любань заняты возставшими войсками.

Воейковъ и на этотъ разъ не обратилъ никакого вниманія и приказалъ ѣхать дальше. Двинулись впередъ. Дошли до Малой Вишеры и стали,—дальше ѣхать нельзя было: свитскій поѣздъ литера Б впереди насъ былъ задержанъ.

Тутъ уже растерялся и самъ Воейковъ и, подумавъ немного, отправился будить государя. Узнавъ о случившемся, Николай II приказалъ повернуть поѣздъ на Псковъ, чтобы стать подъ защиту генерала Рузскаго и его войскъ. Въ Псковъ пріѣхали въ 9 часовъ вечера 1-го марта. На вокзалѣ царя встрѣтилъ генераль Рузскій. Между главнокомандующимъ фронтомъ и Николаемъ II произошла продолжительная бесѣда. Генераль настойчиво убѣждалъ царя, пока не поздно, итти на уступки. Но царь былъ непреклоненъ. Лишь поздно вечеромъ Николай сдался и сообщилъ главнокомандующему фронтомъ, что онъ согласенъ дать отвѣтственное министерство.

Генераль Рузскій съ сомнѣніемъ покачалъ головой и въ 5 часовъ утра рѣшилъ по прямому проводу переговорить съ председателемъ Государственной Думы Родзянко.

Утромъ 2-го марта, когда царь всталъ, главнокомандующій фронтомъ заявилъ Николаю II, что изъ разговора съ председателемъ Государственной Думы онъ убѣдился, что уступки царя уже запоздали, — отвѣтственное министерство никого не удовлетворяетъ. Необходимо итти на дальнѣйшія и крупныя жертвы.

— Какія же? — тихо спросилъ царь.

— Нужно отречься отъ престола.

Царь промолчалъ.

Мысль объ отреченіи, однако, все болѣе и болѣе усваивалась царемъ, тѣмъ болѣе, что объ этомъ же говорилось настойчиво въ телеграммахъ всѣхъ главнокомандующихъ фронтами, не исключая и великаго князя Николая Николаевича.

Депеша послѣдняго произвела на Николая II особенно сильное впечатлѣніе.

Днемъ стало извѣстно, что государь составилъ телеграмму объ отреченіи своемъ отъ престола въ пользу наслѣдника Алексѣя.

И эта уступка запоздала. Телеграмму уже не пришлось послать, ибо днемъ изъ Петрограда пришло сообщеніе, что въ Псковъ выѣзжаютъ членъ временнаго правительства Гучковъ и членъ исполнительнаго комитета Государственной Думы Шульгинъ.

Около 10-ти час. вечера 2-го марта прибыли въ Псковъ комиссары Государственной Думы. Огромная толпа, собравшаяся на вокзалѣ къ моменту ихъ пріѣзда, встрѣтила Гучкова и Шульгина громовымъ „ура“.

Комиссары прошли къ царю.

Считая необходимымъ, чтобы при этихъ историческихъ минутахъ присутствовало лицо, способное сохранить для потомства всѣ подробности отреченія, лица свиты настаивали, чтобы при переговорахъ царя съ комиссарами Думы присутствовалъ въ качествѣ свидѣтеля генераль-майоръ Нарышкинъ, — на графа Фредерикса, наиболѣе близкаго къ царю лица, рассчитывать было невозможно: впадающій въ дѣтство старикъ уже ровно ни къ чему не былъ пригоденъ.

Комиссары уѣхали. Бывшему царю надо было принять какое-нибудь рѣшеніе: что дѣлать дальше? Куда ѣхать? Рѣшено было, что безопаснѣе всего возвратиться въ штабъ. Въ первые дни въ Могилевѣ царь еще принималъ обычные доклады, но уже 4-го марта отказался отъ всего и удалился въ губернаторскій домъ. По категорическому требованію генерала Алексѣева, Николай II приказалъ графу Фредериксу и генералу Воейкову немедленно покинуть ставку. Слишкомъ уже были раздражены офицеры штаба противъ этихъ наиболѣе приближенныхъ слугъ царя.

Въ этотъ же день, 4-го марта, въ ставку прибыла Марія Ѳедоровна. Царь очень обрадовался матери и проводилъ съ нею большую часть дня.

Придворная жизнь въ общемъ протекала нормально. Въ 12¹/₂ часовъ царь завтракалъ у матери, куда приглашались и лица свиты. Въ 6¹/₂ часовъ мать обѣдала у царя. Обѣдъ носилъ интимный характеръ, на который никто не приглашался. О чемъ совѣщался Николай II съ Маріей Ѳедоровной, — неизвѣстно.

5 и 6-го марта съѣхались въ ставку нѣкоторые близкіе государя.

7-го марта стало извѣстно о приказѣ временнаго правительства лишить свободы Николая II и его супругу.

Железнодорожные служащие станции Малая Вишера, бывшие очевидцами пребывания историческаго царскаго поезда на этой станции, рассказываютъ, что къ моменту подхода его къ платформѣ можно было съ увѣренностью сказать, что всѣ находившіеся въ вагонахъ потеряли подъ собой почву. Всѣ имѣли разстертанный видъ и только надѣялись лишь на какую-то помощь жандармскаго ген. Фурса.

Вотъ какъ рассказываетъ буфетчикъ станции:

Поездъ подошелъ около 2-8 ч. ночи безъ обычныхъ предосторожностей. Здѣсь всегда мѣнялись поѣздные паровозы. Первымъ выскочилъ изъ поезда начальникъ царскаго поезда ген. Цабель. За нимъ изъ поезда адмиралъ. Нилова вошелъ въ буфетъ проводникъ и потребовалъ нѣсколько бутылокъ сельтерской воды.

Внесшіи къ Нилову воду официантъ засталъ генерала совершенно пьянымъ.

— Что тамъ, въ Питерѣ, палятъ, хулиганятъ? спросилъ, заплетаясь, царскій слуга.— Вотъ пріѣдемъ и перевѣшаемъ cadaго десятаго, тогда успокоятся. А что, коньякъ у васъ имѣется?— допытывался Ниловъ.

Въ слѣдующемъ вагонѣ лежалъ разслабленный нѣмецъ Фредериксъ. Старый министръ, видимо, ничего не понималъ, что происходитъ вокругъ. Онъ потребовалъ чаю съ лимономъ.

Лучше всѣхъ себя чувствовалъ Воейковъ. Ожидая съ нетерпѣніемъ жандарма Фурса, онъ раскладывалъ пасьянсъ. Въ это время вошелъ въ вагонъ пом. начальника Николаевской жел. дороги Кернъ. На вопросъ, какія имѣются свѣдѣнія изъ города, Кернъ сообщилъ, что на линіи уже распоряжается начальство отъ новаго правительства, и что весь петроградскій гарнизонъ перешелъ на сторону народа.

— Ерунда и чепуха,— сказалъ, не отрываясь отъ пасьянса Воейковъ.— Вотъ дайте мнѣ ген. Фурса, и мы сейчасъ приведемъ все и вся къ одному знаменателю.

Такъ велъ себя коварный царедворецъ въ то время, когда его повелитель метался по вагону, какъ затравленный звѣрь въ клѣткѣ. Пріѣхалъ Фурсъ съ печальными вѣстями, и поездъ вернулся обратно.

Впослѣдствіи оказалось, что государю не была доложена ни одна телеграмма Родзянко. Не были доложены и телеграммы главнокомандующихъ, за исключеніемъ первой, посланной ген.-ад. Алексѣевымъ. Вокругъ него не было никого, только дряхлый старикъ графъ Фредериксъ, знаменитый адмиралъ Ниловъ, бывший командиръ гвардейскаго экипажа, а впослѣдствіи дежурный генералъ свиты его величества, и комендантъ царскаго поезда, онъ же дворцовый комендантъ, Воейковъ. Спутники государя много пили, и адмиралъ Ниловъ настойчиво уговаривалъ Государя пить.

Больше всего Воейковъ и Ниловъ боялись, какъ бы царь не узналъ правды о томъ, что происходитъ. И царь ничего не зналъ. Въ часть ночи подъ первое марта ген.-м. Цабель, возмущенный, заявилъ Воейкову, что это недопустимо и что если они не пойдутъ къ Государю и не доложатъ ему немедленно обо всемъ, то онъ самъ, устранивъ ихъ силой, пойдетъ къ нему и скажетъ все. Тогда Воейковъ сказалъ, что сдѣлаетъ это самъ. Выяснилось, что Государь спалъ: онъ былъ утомленъ. Ему сообщили, что въ Петроградѣ революціонеры, студенты и хулиганы взбунтовали молодыхъ солдатъ. Что эти молодые солдаты, отправившіеся къ Государственной Думѣ, терроризовали депутатовъ, и что Родзянко, подъ влияніемъ Чхеидзе и Керенскаго, уступилъ, а городъ захваченъ чернью и взбунтовавшимися солдатами. Однако, достаточно какихъ-нибудь 4-хъ хорошихъ ротъ, чтобы разогнать ихъ.

На ст. Вишера въ 2 часа ночи, когда оба поезда стояли въ тупикѣ и набирали воду, государь проснулся, вышелъ въ столовую,— четвертый вагонъ,— вызвалъ Нилова изъ сосѣдняго вагона и спросилъ:

— Скажите, что же творится въ Петроградѣ?

Ниловъ отвѣчалъ:

— Большіе безпорядки. Но не такіе, чтобы ихъ нельзя было подавить въ одинъ—два дня.

Въ это время въ вагонъ вошелъ Воейковъ и сказалъ:

— Сейчасъ здѣсь, на ст. Вишера, получена юзограмма, изъ которой видно, что изъ Могилева идетъ

на ст. Дно поѣздъ съ 700 георгіевскихъ кавалеровъ (Эти георгіевскіе кавалеры направлялись, собственно, въ Царское Село представляться государю. По слухамъ, они должны были поднести ему георгіевскій крестъ 3-й степени).

Вмѣстѣ съ ними направлялся въ Царское Село генераль П. И. Ивановъ.

— Государь! Этихъ доблестныхъ героев довольно!—сказалъ Воейковъ.—Ихъ достаточно для того, чтобы ваше величество, окруженные этой славною свитой, могли явиться въ Царское Село. Тамъ вы станете во главѣ вѣрныхъ вашему величеству войскъ царскосельскаго гарнизона и двинетесь въ Петроградъ къ Государственной Думѣ. Тамъ взбунтовавшіяся войска вспомнятъ царскую присягу и сумѣютъ справиться съ молодыми солдатами и революціонерами.

Въ этотъ моментъ въ поѣздъ вошелъ г.-м. Цабель:

— Все это ложь, государь. Васъ обманываютъ. Вотъ телеграмма. Смотрите, она помѣчена: „Петроградъ, комендантъ Николаевскаго вокзала, поручикъ Грековъ“. Вы видите, тутъ предписывается: задержать на ст. Вишера поѣздъ лит. А, а затѣмъ направить его въ Петроградъ, а не въ Царское Село.

— Государь вскочилъ.

— Что это? Бунтъ? Поручикъ Грековъ командуетъ Петроградомъ?

Тогда Цабель сказалъ:

— Ваше Величество, въ Петроградѣ 60,000 войскъ, во главѣ съ офицерами, уже перешли на сторону временнаго правительства. Ваше величество объявлены низложеннымъ. Родзянко объявилъ по всей Россіи о вступленіи въ силу новаго порядка. Бѣжать впередъ нельзя: на всѣхъ желѣзныхъ дорогахъ распорядается депутатъ Бубликовъ.

Въ крайнемъ изумленіи, растерянности и гнѣвѣ государь воскликнулъ:

— Но почему же мнѣ ничего не сказали раньше объ этомъ? Почему говорятъ только сейчасъ, когда все кончено?

Но черезъ минуту онъ со спокойной безнадежностью сказалъ:

— Ну, и слава Богу! Я поѣду въ Ливадію. Если потребуетъ народъ, я отрекусь и поѣду къ себѣ, въ Ливадію, въ садъ. Я такъ люблю цвѣты.

Цабель развелъ руками и вышелъ изъ вагона.

А Воейковъ, поручивъ государя Нилову, вышелъ изъ поѣзда и приказалъ вывести поѣздъ изъ тупика, чтобы двинуться впередъ. Въ это время смазчики испортили паровозъ поѣзда лит. А. Пришлось взять паровозъ свитскаго поѣзда. Это потребовало полчаса. Бѣжавшіе съ государемъ 16 человекъ конвойцевъ вышли и слѣдили, чтобы не испортили и второй паровозъ.

Такъ на разсвѣтѣ 2-го марта двинулся этотъ послѣдній царскій поѣздъ Николая II на ст. Бологое, имѣя цѣлью во что бы то ни стало прорваться въ Царское Село. Въ первомъ за тендеромъ вагонѣ находился взводъ солдатъ желѣзнодорожнаго полка и небольшой запасъ рельсовъ и шпаль на случай, если будетъ испорченъ путь.

Когда онъ перешелъ на Виндавскую дорогу, недалеко отъ ст. Дно была получена телеграмма, что гарнизонъ Царскаго Села тоже сталъ на сторону народа и что покинутая войсками императрица черезъ коменданта Царскосельскаго дворца просила Родзянко и Государственную Думу оказать защиту царской семьѣ. Въ ней сообщалось также, что уже весь гарнизонъ Петрограда находится во власти Государственной Думы, что къ ней со всѣхъ сторонъ сходятся войска и депутаціи и что жандармскія и полицейскія власти также признали новый порядокъ.

Государь задумался. Потомъ сказалъ:

— Поѣхать въ Москву. Мрозовскій говорилъ, что Москва всегда отстоитъ меня.

Но на ст. Дно пришла новая депеша, которая сообщила, что московскій гарнизонъ цѣликомъ на сторонѣ новаго правительства, что арестованы всѣ власти и что въ Москвѣ нѣтъ иныхъ войскъ, кромѣ народныхъ.

Тогда царскій поѣздъ сталъ метаться: отъ Дна до Бологого и обратно,—тщетно стараясь прорваться куда-нибудь. Наконецъ, на ст. Дно встрѣтили поѣздъ

ген. Иванова, который доложил государю обо всемъ происходящемъ въ столицахъ и сказалъ:

— Революціонеры взяли въ свои руки власть. Теперь единственное спасеніе—взять въ армію.

Одно изъ присутствующихъ лицъ изъ состава свиты государя утверждаетъ, что въ эту минуту ген. Воейковъ воскликнулъ:

— Теперь остается одно: открыть минскій фронтъ нѣмцамъ и пустить германскія войска для усмиренія этой сволочи!

Адмираль Ниловъ, какъ ни былъ онъ пьянъ, возмутился и сказалъ:

— Врядъ ли это удобно. Вѣдь они заберутъ Россію и потомъ вамъ не возвратятъ.

Воейковъ продолжалъ настаивать, увѣряя, что, по словамъ Висильчиковой, императоръ Вильгельмъ воюетъ не съ Николаемъ, а съ Россіей, питающей противодинастическія стремленія.

Государь отвѣчалъ на это:

— „Да, объ этомъ много разъ говорилъ Григорій Ефимовичъ, но мы его не слушали. Это можно было сдѣлать еще, когда германскія войска стояли подъ Варшавой. Но я никогда не измѣнилъ бы русскому народу“.

Затѣмъ, помолчавъ, прибавилъ:

— „Если бы только уцѣлѣли въ рукахъ этихъ мужиковъ мои дѣти и жена, я уѣхалъ бы въ Ливадію и тамъ мирно доживалъ бы свой вѣкъ. А Михаилъ пусть править, какъ знаетъ: его кстаги и любить“.

Вотъ еще слова, сказанныя Николаемъ при конвойцахъ:

— „Я подпишу отреченіе, поѣду въ армію проститься съ солдатами, а потомъ пусть дѣлаютъ, что хотятъ, я никому мѣшать не стану“.

Арестованный впоследствии Воейковъ сказалъ Керенскому, что не онъ совѣтовалъ Николаю открыть минскій фронтъ, а эти слова сказалъ самъ Николай; онъ былъ при этомъ въ состояніи сильнаго опьяненія...

Это заявленіе Воейкова показалось Керенскому почти невѣроятнымъ, но таковы его подлинныя слова!

Такое предложеніе было, и въ этомъ теперь не приходится сомнѣваться.

Послѣ своего отреченія Николай II пробылъ три дня въ ставкѣ. Онъ отправился туда, чтобы, какъ онъ говорилъ, проститься съ арміей и свитою.

Могилевцы нашли большую перемѣну въ Николаѣ, а онъ могъ замѣтить немалую перемѣну, происшедшую съ могилевцами.

Бывшій царь какъ-то сразу осунулся. Землистый цвѣтъ лица, всклокоченная борода, усиленное подергиваніе усовъ, шапка набекрень,—все это выдавало взволнованное состояніе отрешагося царя.

Раньше, задолго до выѣзда царя изъ дома, или до возвращенія его туда, на улицы, по которымъ онъ проѣзжалъ, высыпала цѣлая армія охранниковъ и шпиковъ.

Это были упитанные бездѣльники со свирѣпыми физиономіями, которыхъ нетрудно было узнать. Многие носили куртки свѣтло-кофейнаго цвѣта. Жили они по гостиницамъ, гдѣ для прибывшихъ изъ окрестностей не оказывалось все время ни одного свободнаго номера. И вотъ эта армія охранителей была, къ общему удовольствію, снята, и обыватели облегли улицы, по которымъ проѣзжалъ бывшій царь. Всѣ хотѣли взглянуть на недавняго своего властелина. Еще не освоившіеся съ новымъ порядкомъ вещей, солдаты пытались привѣтствовать бывшаго царя, какъ это было раньше.

— Не надо, господа, я теперь такой же гражданинъ, какъ и вы!—заявилъ всѣмъ Николай.

Когда бывшіе вѣрноподданные привѣтствовали его въ день его отъѣзда, онъ оглядывался по сторонамъ и съ растеряннымъ видомъ говорилъ:

— Прощайте, господа!..

На вокзалѣ можно было видѣть преданныхъ Николаю салонницъ съ увлажненными глазами.

— Отчего вы такъ сокрушаетесь?—спросили одну изъ нихъ...

— А кто его знаетъ, будетъ ли теперь лучше!—былъ отвѣтъ.

О пребываніи Николая II въ Могилевѣ въ теченіе

слишкомъ двухъ лѣтъ могилевцы долго будутъ передавать всякіе любопытные эпизоды.

Царскіе прислужники въ печати съ усердіемъ, достойнымъ лучшаго примѣненія, рассказывали турусы на колесахъ о томъ, какую трудовую жизнь велъ въ ставкѣ Николай. Послушать ихъ, онъ чуть ли не съ семи часовъ утра садился за свой рабочій столъ, выслушивалъ доклады и отдавалъ распоряженія по военнымъ дѣламъ. Все это было сплошное вранье. Николай Романовъ часто мѣшалъ работать, а еще чаще искалъ развлеченій. Онъ ѣздилъ на радиотелеграфную станцію и осаждалъ занятыхъ по горло офицеровъ всякими вопросами, на что они робко жаловались другъ-другу. Ѣздилъ бывший царь почти ежедневно въ близъ лежащее имѣніе графини Толстой. Въ теченіе дня царскій автомобиль леталъ съ быстрою аэроплана взадъ и впередъ.

Однажды у Николая слетѣла по пути шапка. Проходившая въ это время по улицѣ старая еврейка со всѣхъ ногъ бросилась въ догонку за царскимъ головнымъ уборомъ, но замѣтившій это охранникъ, выскочившій изъ своей засады, накинулся на несчастную женщину, осмѣлившуюся дотронуться своими руками до царской шапки, и вырвалъ ее, чтобы самому поднести ее царю и удостоиться царской улыбки.

На берегу Днѣпра устроена царская пристань, и имѣлась цѣлая флотилія. Николай любилъ кататься на лодкѣ и самъ гребъ. Вспотѣвъ отъ продолжительной работы веслами, онъ снималъ свое хакки и оставался въ одной рубахѣ. Стражникъ, стоявшій у моста черезъ Днѣпръ, не узнавъ однажды Николая въ не совсѣмъ обычномъ костюмѣ и сталъ кричать на него:

— Эй, ты, куда прешь?—проваливай отсюда! Царь долженъ сейчасъ проѣхать!

Бывшій царь поспѣшилъ надѣть хакки и шапку, и маленькое недоразумѣніе было устранено.

Любилъ бывший царь и кинематографъ. Для него и семьи въ мѣстномъ театрѣ, гдѣ раньше ставились драматическія произведенія, давались три раза въ недѣлю кинематографическія представленія. Пу-

бликѣ, интересовавшейся театромъ, предоставлялось любоваться царемъ, который во время перемѣнъ картинъ появлялся съ наслѣдникомъ на балконѣ, выходящемъ на улицу.

Теперь опустѣлъ царскій дворецъ.

На улицахъ, гдѣ еще такъ недавно не давалъ проходу царскіе шпики и охранники, разгуливаютъ свободные граждане съ красными лентами въ петлицахъ и шествуютъ манифестаціи.

Арестъ Николая и Александры.

Депутаты Бубликовъ, Грибунинъ, Вершининъ и Калининъ, ѣздившіе по постановленію временнаго правительства въ Могилевъ для лишенія свободы Николая II, выѣхали изъ Петрограда въ Могилевъ вечеромъ. Явившись въ ставку къ генераль-адъютанту Алексѣеву, они объявили ему постановленіе временнаго правительства. Изъ короткой бесѣды съ Алексѣевымъ было ясно, что прибывшихъ депутатовъ тамъ ждали.

Царь находился въ своемъ поѣздѣ спокойный, хотя и подавленный тяжестью развернувшихся событий. Въ общеніе съ царемъ члены Госуд. Думы не входили. Ген.-ад. Алексѣевъ самъ взялъ на себя тяжелую обязанность передать бывшему царю постановленіе временнаго правительства. Царь спокойно отвѣтилъ, что онъ готовъ слѣдовать куда угодно и всему подчиниться, онъ только спросилъ, обѣдали ли уже члены Госуд. Думы. Для нихъ былъ приготовленъ обѣдъ. Изъ этого видно, что картина положенія въ ставкѣ была ясна. Обѣдъ однако не состоялся.

Члены Думы вернулись въ свой вагонъ и затѣмъ возвратились, чтобы исполнить нѣкоторыя формальности. Часовъ послѣ 4-хъ депутаты переписали всѣхъ находящихся около бывшего царя лицъ.

Во время исполненія этой формальности явился посланный отъ адмирала Нилова, который просилъ передать, что онъ желалъ бы видѣть членовъ Думы. Депутаты отвѣтили, что онъ можетъ явиться, если ему это угодно. Адмиралъ Нилонъ хотѣлъ ухватить

вмѣстѣ съ государемъ, но представители Думы заявили, что адмиралъ долженъ остаться въ Могилевѣ. Объ этомъ было передано чрезъ генерала Алексѣева Николаю II, и онъ не возражалъ, покорно подчинившись этому распоряженію.

Вмѣстѣ съ бывшемъ императоромъ въ Могилевѣ находилась его мать Марія Ѳедоровна, указавшая сыну; что она неоднократно предупреждала его о томъ, что все кончится катастрофой. Она заранѣе предвидѣла, что Александра Ѳедоровна приведетъ его къ гибели и заставитъ сойти съ престола, который Романовы занимали въ теченіе слишкомъ 300 лѣтъ.

Время подходило къ 5-ти часамъ.

Царь вышелъ на платформу и медленно прошелъ въ другой вагонъ поѣзда.

Кругомъ собралась громадная толпа, которая хранила гробовое молчаніе.

Царь былъ спокоенъ. Рядомъ съ нимъ шелъ Нилъ, на этотъ разъ трезвый. Кругомъ царилососредоточенное молчаніе. Депутаты стояли въ сторонѣ, къ Николаю не подходили и ни въ какое общеніе съ нимъ не вступали. Николай поражалъ всѣхъ своимъ спокойствіемъ и равнодушіемъ.

Вагонъ съ членами Думы былъ прицѣпленъ къ вагону бывшаго царя. 10 солдатъ желѣзнодорожнаго батальона сѣли въ поѣздъ, который тронулся по направлению къ Царскому Селу. Всю дорогу царь оставался въ своемъ вагонѣ, а депутаты въ своемъ. Въ Царское Село поѣздъ прибылъ утромъ. Тутъ уже все было готово для встрѣчи бывшаго императора. Поѣздъ встрѣчали комендантъ Царскаго Села вмѣстѣ съ комиссаромъ. Николай II сѣлъ въ автомобиль, который повезъ его въ Царскосельскій дворецъ.

На вокзалѣ и по желѣзнодорожному пути, по дорогѣ слѣдованія поѣзда, собралась громадная толпа. Всѣ однако вели себя совершенно молчаливо. Съ такимъ же молчаніемъ былъ встрѣченъ поѣздъ въ арскомъ Селѣ.

Въ 11 ч. д. 5 марта новый командующій войсками петроградскаго военнаго округа генералъ-лейтенантъ Корниловъ въ сопровожденіи начальника гар-

низона Царскаго Села полк. Кобылинскаго, коменданта Царскаго Села полковн. Маулина и личнаго своего адъютанта Долинскаго посѣтилъ Александровскій дворецъ, вызвалъ состоящихъ при Александрѣ Ѳедоровнѣ гр. Бенкендорфа и гр. Апраксина и заявилъ, что онъ получилъ распоряженіе времен. правительства объ ея арестѣ. Гр. Бенкендорфъ и гр. Апраксинъ проводили генерала Корнилова во дворецъ.

Черезъ двѣ минуты вышла низложенная царица.

Ген. Корниловъ объявилъ ей, что она арестована.

Ген. Корниловъ распорядился также объ арестѣ всѣхъ лицъ, окружавшихъ Александру Ѳедоровну. Къ дворцу была приставлена часть войска мѣстнаго гарнизона, на которыхъ возложена охрана дворца.

Въ бесѣдѣ генералъ Корниловъ разсказалъ слѣдующее:

„Утромъ я получилъ предложеніе военнаго министра А. И. Гучкова арестовать бывшую царицу.

— У меня всѣ больны,—заявила Александра Ѳедоровна.—Сегодня заболѣла послѣдняя моя дочь, Алексѣй сначала было оправился, но теперь опять заболѣлъ. Оставайтесь со мной наединѣ.

— Я приказалъ,—говоритъ Корниловъ,—всѣмъ удалиться на нѣсколько минутъ. Бывшая царица заплакала и забилась въ истерику. Придя въ себя, Александра Ѳедоровна заявила:

— Я въ вашемъ распоряженіи, дѣлайте со мной что хотите.

.

...Такъ печально окончилась исторія царствованія дома Романовыхъ въ Россіи.

Отъ обманнаго величія не осталось и слѣда.

Громоздскій тронъ, опиравшійся на ложь, обманъ, насиліе и предательство, рухнулъ навѣки и никогда ему не возникнуть вновь.

Съ плечъ династіи сорвана горностаевая мантия, скрывавшая собою грязь, развратъ и предательство царскаго дома, и народъ увидалъ своихъ „благовѣрнѣйшихъ“ во всемъ ихъ неприглядномъ видѣ, захлебывающихся въ развратной тинѣ...

И ужаснулась Россія, возмущился русскій на-

родь, разрушилъ вѣковые устои царизма и дружно принялся строить новую, свѣтлую, благородную, трезвую, свободную Россію!

И кипитъ работа, зданіе новой Россіи растетъ съ каждымъ часомъ, со всѣхъ сторонъ приходятъ все новые и новые работники, готовые отдать и жизнь, и кровь для счастья свободной Россіи.

Строится новая Россія! И мы въ правѣ вѣрить и надѣяться, что ничто не омрачитъ нашъ свѣтлый путь къ свободѣ.

Но если даже намъ суждены новыя испытанія, если переходъ отъ рабства къ свободѣ у насъ будетъ сопряженъ съ препятствіями, мы ихъ не боимся.

Мы грудью встрѣтимъ всякую опасность, грозящую нашей свободѣ, и сметемъ ее съ нашего пути.

Намъ некого бояться, ибо мы сильны.

На всемъ пространствѣ великой свободной Россіи всѣхъ вѣрныхъ сыновъ свободной Россіи объединяетъ одинъ лозунгъ:

— Смерть или свобода!...

КРАТКІЙ КАТАЛОГЪ

ИЗДАТЕЛЬСТВА „АНЦИОНЕРЪ“.

Москва, Тверская 24.

4.200 ИНОСТРАННЫХЪ и ПОЛИТИЧЕСКИХЪ СЛОВЪ.
Краткое изложеніе программъ политическихъ партій.
НОВЫЙ СЛОВАРЬ, необходимый при чтеніи газетъ, брошюръ и книгъ.

Цѣна 5 руб., съ пересылкой по почтѣ 6 руб.

„**ТАРО**“ ДРУГЪ ТОСКУЮЩИХЪ.

ПРИЛОЖЕНІЕ
колоды картъ
«ТАРО»

Эта книга знаменитой парижской ясновидящей гадальщицы Ленорманъ, предсказавшей судьбу императора Наполеона I. Книга гаданій на картахъ, безошибочно предсказывающая судьбу каждому. Узнать счастливые и несчастные дни своей жизни, имѣть въ чемъ-либо успѣхъ, опредѣлить время своей смерти, чего необходимо остерегъ въ жизни. Разбогатѣете ли вы, примѣты вашихъ врагъ и друзей, придется ли вступить въ бракъ, примѣты и лицо, а также характеръ будущ. жениха или невѣсты. Получить желаемое мѣсто или должность, выиграть, отыскать пропажу и узнать похитит., толкованіе видѣній и предчувствій и пр., пр. Въ общемъ гадать по этой книгѣ можно положительно обо всемъ. Въ книгѣ помѣщены также знаменит. ПАСЬЯНСЫ и карточ. фокусы. Цѣна книги съ колодой картъ 4 р. 75 к.

Практическое руководство (ЭНЦИКЛОПЕДІЯ)
ДЛЯ МОЛОДЫХЪ ЛЮДЕЙ.

Необходимо какъ мужчинамъ, такъ и женщинамъ.

Искусство быть занимательнымъ въ обществѣ, пользоваться успѣхомъ въ жизни. Интересный собесѣдникъ. Хорошій тонъ. Секреть красоты. Образцы различн. писемъ. Рѣчи, тосты и пр. на разные случаи. Краткое содержаніе: Обращеніе кавалера съ дамой. Обращеніе дамы съ кавалеромъ. Игры и забавы въ обществѣ. Розыгрышъ и выкупъ фантовъ. Искусство говорить рѣчи и тосты. Сборникъ интересныхъ стихотвореній. Афоризмы о женщинахъ. Афоризмы о мужчинахъ. Любовныя примѣты. Секреты красоты. Совѣты и указанія желающимъ пользоваться успѣхомъ: 1) совѣтъ женщинамъ; 2) совѣтъ мужчинамъ. Практич. совѣты во всѣхъ случаяхъ жизни. Нѣсколько словъ о бракѣ. Образцы различн. писемъ. Цѣна 3 руб. 50 коп.

Издательство „АКЦИОНЕРЪ“. Москва, Тверская, 24

Самообладатель.

ВАЖНО ДЛЯ ВСѢХЪ, а въ особенности всѣмъ стремящимся къ УСПѢХУ ВЪ ЖИЗНИ.

Полное господство надъ всѣми душевными волненіями. Одна изъ чудесныхъ тайнъ волшебной Индіи!! Всѣмъ страдающимъ отъ волненія, страха, робости, застѣнчивости, малодушія и проч. отрицательныхъ сторонъ нашего характера предлагаемъ изумительный по своей несложности, простотѣ конструкции и способу выполненія секретъ „Самообладатель“, примѣняя который въ короткій срокъ можно достигнуть поражающ. результатовъ и въ корнѣ уничтожить страхъ, робость, волненіе, застѣнчивость и приобрести полное господство надъ собою и другими. Цѣна 3 руб. 25 к.

Сахаръ,	ДОМАШНЕЕ ИЗГОТОВЛЕНІЕ. Дашевое и простое, доступное всѣмъ и вездѣ въ обыкновенной посудѣ изъ всюду имѣющихся матеріаловъ. Около 40 практическихъ рецептовъ съ подробными наставленіями. Источникъ экономіи и богатства. Ц. 3 р. 50 к.	Мыло,
Конфеты,		Свѣчи,
Шоколадъ,		Чернила,
Медъ,		Кремы,
Напитки.		Мази.

„КУРСЪ УЧИТЕЛЬСКОЙ СЕМИНАРИИ“

Популярн. руководствo для краткосрочн. подгот. къ экз. на зван. нач. учителя, учит. цы. Изданіе сост. изъ двухъ част., заключ. въ себѣ весь учебн. матеріалъ, необходимый для сдачи экз. Подготовна безъ помощи учит. Доступно для всѣхъ! Цѣна полн. „Курса учит. семинаріи“ 12 р. 50 к. Высылается по полученіи 1/2 задатка.

Волшебная книга въ 6-ти отдѣлахъ съ рисунками,

Эта книга составлена по лучшимъ источникамъ и содержитъ въ себѣ множество удивительныхъ фокусовъ и замѣчат. явленій, вызываемыхъ общед. средствами. Безпл. прилож. МАГИЧЕСКІЕ ВЕЧЕРА. Цѣна за все изд. 3 р. 75 к.

Необходимое руководство для молодыхъ людей обоюго пола.

Какъ слѣдуетъ вести себя, чтобы имѣть успѣхъ въ жизни. Краткое содер-

Издательство „АКЦИОНЕРЪ“. Москва, Тверская, 24.

жаніе книги: хорошій тонъ. Домашній комфортъ. Гигіена. Одежда. Этикетъ свѣтской жизни. Какъ держать себя за столомъ, на балахъ и вечерахъ. Какъ произносить тосты, рѣчи, привѣтствія. Какъ играть въ фанты и другія игры. Какъ вести переписку. Брачный отдѣлъ: сватовство, приданое, вѣнчаніе обязанности жениха, новѣсты, шаферовъ, посаженной матери. Множество, другихъ совѣтовъ на всѣ случаи жизни. Цѣна 2 р. 50 к.

Тайны Дома Романовыхъ,

Завѣса пала. Передъ читателемъ проходитъ вся закулиса. жизнь русскаго двора и его фаворитовъ. Кратк. содерж. книги: Интимная жизнь Николая II. Придворныя интриги: „Ванька Каинъ“, Воейковъ Ниловъ, Фредериксъ. „Черная Пантера“ и др. Тайна Сухомлинова, Клеветы Александры Федоровны. Распутинъ. Вырубова. Соперничество Александры и Вырубовой изъ-за Орлова. Эротическія похождения Алисы Гессенской. Распутинъ и дѣти Романовыхъ. Предпол. кто Алексѣй сынъ Распутина. Распутинъ и распутицы (иллюстрація въ текстѣ). Распутинъ и цыганки. Причина его вліянія на женщинъ. Салонъ графини Игнатьевой. Звѣздная палата. Мечта бывшей царицы занять русскій престолъ. Измѣна Маріи Павловны. Цѣна 3 руб.

САХАРЪ

Полное руководство для изготовленія дешевыхъ домашнихъ способомъ сахара. (Рафинадъ, песочъ, фруктовый, постный, сиропъ, медъ и патока). Нашъ способъ примѣнимъ въ каждомъ хозяйствѣ, не требуетъ ни спеціального знанія, ни особыхъ приспособленій. Все изготовляется въ простой домашней посудѣ изъ матеріаловъ, имѣющихся въ каждомъ домѣ. Ц. 1 р. 75 к.

Для лицъ обоюго пола полный заочный курсъ ПРАКТИЧЕСКОЙ БУХГАЛТЕРІИ.

Курсъ проходитъ заочно безъ помощи учителя въ теченіе 4—6 недѣль по лекціямъ-урокамъ, составл. извѣстными преподавателями-практиками. Образовательнаго ценза не требуется. Цѣна за весь курсъ 25 руб., съ приложеніемъ бухгалтерскихъ книгъ-тетрадей. По окончаніи курса высылается аттестатъ (безплатно). Заказы и деньги адресовать: „Практическая бухгалтерія“, Москва, Тверская, 24/6.

НЕОБХОДИМО ИМѢТЬ ВЪ КАЖДОМЪ ДОМѢ

полное руководство, заключающее въ себѣ 444 новѣйшихъ рецепта дешевыхъ вкусныхъ и питательныхъ блюдъ, изготовляемыхъ безъ мяса. Въ книгѣ 192 страницы большого формата, цвѣтная обложка. Цѣна 2 р. 50 к. Здѣсь же продается подарокъ хозяйкамъ: „Здоровый домашній столъ“, составл. Ю. Михайловымъ—придворный поваръ. Ц. 2 р. 50 к.

Издательство „АКЦИОНЕРЪ“. Москва, Тверская, 24.

БЕЗЪ ПОМОЩИ УЧИТЕЛЯ

читать, писать и говорить по-французски, по-нѣмецки по-английски, по-латински, каждый можетъ научиться легко и быстро по нашимъ новѣйшимъ руководствамъ-самоучителямъ. Цѣна руководства-самоучителя каждого языка 2 р., всѣхъ 4-хъ—7 р.

НОВЫЯ СЕНСАЦІОННЫЯ КНИГИ:

„Святой Чортъ“	Ц. 2 р. 50 к.
„Григорій Распутинъ“ съ фото-иллюст. въ текстѣ	Ц. 2 „ — „
„Тайна Дома Романовыхъ“	Ц. 3 „ — „
„Царскіе холопы“ съ иллюстраціями въ текстѣ	Ц. 2 „ — „
„Тайны охраны“	Ц. 2 „ — „
„Николай въ аду“	Ц. 1 „ — „
„Власть тѣла“	Ц. 3 „ 50 „

ТОЛКОВАТЕЛЬ СНОВЪ.

Интересная книга въ многокрасочной обложкѣ. Ц. 3 р. 75 к.

ПИСАТЬ

красиво и скоро будете, выписавъ „Механическую пропись“. Цѣна 1 р. 50 к.

ПОЛОВОЙ ВОПРОСЪ,

Фореля.

Въ 2-хъ томахъ. Цѣна каждого тома 4 р. 25 к.

ПОЛЪ И ХАРАКТЕРЪ.

360 стран. большого формата на хорошей бумагѣ, съ портр. автора. I ч. „Половое многообразіе“. II ч. „Половые типы“. Цѣна 5 р. 25 к.

✓ 283
72

2 р. 50 к.

8

ИЗДАТЕЛЬСТВО

„ЮРОТИПЪ“

Москва,

Тверская, 24.